ВРЕМЕНА ГОДА

ВРЕМЕНА ГОДА

Москва
«Молодая гвардия»
1976

Редактор-составитель
ВАДИМ КУЗНЕЦОВ

Художник
ЮРИЙ РЕБРОВ

Автор послесловия
ЮРИЙ СЕЛЕЗНЕВ

ВРЕМЕНА ГОДА

РОДНАЯ ПРИРОДА
В
ПОЭЗИИ

Р1
В81

В $\frac{70402-260}{078(02)-76}$ 257—75

О, весна, без конца и без краю —
Без конца и без краю мечта!
Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!
И приветствую звоном щита!

А. БЛОК

Опять она, родная сторона,
С ее зеленым, благодатным летом,
И вновь душа поэзией полна...
Да, только здесь могу я быть поэтом!

Н. НЕКРАСОВ

Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса...

А. ПУШКИН

Здравствуй, гостья-зима!
Просим милости к нам
Песни севера петь
По лесам и степям.

И. НИКИТИН

От редакции

Дорогой читатель! Книга, которую ты открываешь, — целый мир. Мир удивительный и прекрасный. Это мир родной природы, мир красоты твоей родной земли, твоей Родины. Это

«...ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям», —

воплощенные в поэтическом слове русских и советских поэтов.

Да, во многом мир этой книги, как и наш, повседневный, уже знаком тебе. И ты, может быть, давно уже не задумываешься о неповторимой красоте каждого мгновения.

Наверное, и многие стихи этой книги — ее «поэтические мгновения», конечно, давно уже вошли в твое сознание, стали частицей твоего бытия, частью твоей личности еще в детские и школьные годы:

«Буря мглою небо кроет...»
«Мороз и солнце; день чудесный...»
«Октябрь уж наступил...»
«Люблю грозу в начале мая...»
«Идет-гудет зеленый шум...»
«Отговорила роща золотая...»

Но тебя ожидает и радость узнавания, возвращения памятью к тому родному и близкому, что входило в тебя неприметными крупицами; к тому, что помогло сформировать в тебе чувство прекрасного, чувство природы, которые сливались в твоем сердце с чувством Родины и патриотизма.

Тебя ждет в этом мире поэзии и радость открывания, чудо первой встречи с поэтами и стихами, тебе еще незнакомыми.

Жизнь многообразна и всегда индивидуальна. Каждое утро всходит солнце, каждый день поют птицы, каждый день улыбаются дети, но все и всегда — особо. Всякий раз привычное открывается тебе неожиданной стороной, одаряет тебя первозданностью чувств.

Истинная поэзия оттого и бессмертна, что способна распахивать сердца навстречу прекрасному, что — привычная, знакомая — таит в себе вечно первозданное, никогда не изведанное.

Стихи о родной природе. Казалось бы, узкая, определенная тема. Но чуткому сердцу они подарят и многое другое, потому что в природе, как сказал еще Тютчев, «есть душа, ...есть свобода, есть любовь, ...есть язык».

В настоящую книгу вошло далеко не все то лучшее, что создано нашими поэтами о природе. Это и невозможно в одной, даже и «самой толстой», книге. Если бы собрать все лучшие стихи об одной только березе, и то, пожалуй, составился бы из них целый том. А о весне? О дороге?..

В книгу вошли избранные стихотворения только тех поэтов, которых уже нет рядом с нами. Но они — и через годы, и через столетия — продолжают дарить нам воплощенные в поэтическом слове родного языка радость бытия, чудо открывания Родины в ее бесчисленных проявлениях, в ее вечных и прекрасных обновлениях.

М. В. ЛОМОНОСОВ
(1711—1765)

ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ
О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ
ПРИ СЛУЧАЕ ВЕЛИКОГО СЕВЕРНОГО СИЯНИЯ

Лицо свое скрывает день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна тень;
Лучи от нас склонились прочь;
Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкий прах,
В свирепом как перо огне,
Так я в сей бездне углублен
Теряюсь, мысльми утомлен!

Уста премудрых нам гласят:
Там разных множество светов;
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков:
Для общей славы божества
Там равна сила естества.

Но где ж, натура, твой закон?
С полночных стран встает заря!
Не солнце ль ставит там свой трон?
Не льдисты ль мещут огнь моря?
Се хладный пламень нас покрыл!
Се в ночь на землю день вступил!

О вы, которых быстрый зрак
Пронзает в книгу вечных прав,
Которым малый вещи знак
Являет естества устав,
Вам путь известен всех планет, —
Скажите, что нас так мятет?

Что зыблет ясный ночью луч?
Что тонкий пламень в твердь разит?
Как молния без грозных туч
Стремится от земли в зенит?
Как может быть, чтоб мерзлый пар
Среди зимы рождал пожар?

Там спорит жирна мгла с водой;
Иль солнечны лучи блестят,
Склонясь сквозь воздух к нам густой;
Иль тучных гор верьхи горят;
Иль в море дуть престал зефир,
И гладки волны бьют в эфир.

Сомнений полон ваш ответ
О том, что окрест ближних мест.
Скажите ж, коль пространен свет?
И что малейших дале звезд?
Несведом тварей вам конец?
Скажите ж, коль велик творец?

1743

* * *

Кузнечик, дорогой, коль много ты блажен,
Коль больше пред людьми ты счастьем одарен!
Препровождаешь жизнь меж мягкою травою
И наслаждаешься медвяною росою.

Хотя у многих ты в глазах презренна тварь,
Но в самой истине ты перед нами царь;
Ты ангел во плоти, иль лучше — ты бесплотен!
Ты скачешь и поешь, свободен, беззаботен,
Что видишь, все твое; везде в своем дому,
Не просишь ни о чем, не должен никому.

1761

Г. Р. ДЕРЖАВИН
(1743—1816)

СОЛОВЕЙ ВО СНЕ

Я на хо́лме спал высоком,
Слышал глас твой, соловей,
Даже в самом сне глубоком
Внятен был душе моей:
То звучал, то отдавался,
То стенал, то усмехался
В слухе издалече он;
И в объятиях Калисты
Песни, вздохи, клики, свисты
Услаждали сладкий сон.

Если по моей кончине,
В скучном, бесконечном сне,
Ах! не будут так, как ныне,
Эти песни слышны мне;
И веселья, и забавы,
Плясок, ликов, звуков славы
Не услышу больше я, —
Стану ж жизнью наслаждаться,
Чаще с милой целоваться,
Слушать песни соловья.

1797

И. И. ДМИТРИЕВ
(1760—1837)

К ВОЛГЕ

Конец благополучну бегу!
Спускайте, други, паруса!
А ты, принесшая ко брегу,
О Волга! рек, озер краса,
Глава, царица, честь и слава,
О Волга пышна, величава!
Прости!.. Но прежде удостой
Склонить свое вниманье к лире
Певца, незнаемого в мире,
Но воспоенного тобой!

Исполнены мои обеты;
Свершилось то, чего желал
Еще в младенческие леты,
Когда я руки простирал
К тебе из отческия кущи,
Взирая на суда, бегущи
На быстрых белых парусах!
Свершилось, и блажу судьбину:
Великолепну зрел картину!
И я был на твоих волнах!

То нежным ветерком лобзаем,
То ревом бурн и валов
Под черной тучей оглушаем
И отзывом твоих брегов,
Я плыл, скакал, летел стрелою —
Там видел горы над собою
И спрашивал: который век
Застал их в молодости сущих?
Здесь мимо городов цветущих
И диких пустыней я тек.

Там веси, нивы благодатны,
Стада и кущи рыбарей,
Цветы и травы ароматны,
Растущи средь твоих зыбей,
Влекли попеременно взоры;
А там сирен пернатых хоры,
Под тень кусточков уклонясь,
Пространство пеньем оглашали —
И два сайгака им внимали
С крутых стремнин, не шевелясь.

Там кормчий, руку простирая
Чрез лес дремучий на курган,
Вещал, сопутников сзывая:
«Здесь Разинов был, други, стан!»
Вещал и. в думу погрузился;

Холодный пот по нем разлился,
И перст на воздухе дрожал.
А твой певец в сии мгновенья,
На крылиях воображенья,
В протекших временах летал.

Летал, и будто сквозь тумана
Я видел твой веселый ток
Под ратью грозна Иоанна;
И видел Астрахани рок.

Вотще ордынцы безотрадны
Бегут на холмы виноградны.
И сыплют стрелы по судам:
Бесстрашный росс на брег ступает,
И гордо царство упадает
Со трепетом к его стопам.

Я слышал Каспия седого
Пророческий, громовый глас:
«Страшитесь, персы, рока злого!
Идет, идет царь сил на вас!
Его и Юг и Норд трепещет;
Он тысячьми перуны мещет,
Затмил Луну и Льва сразил!..
Внемлите шум: се волжски волны
Несут его, гордыни полны!
Увы, Дербент!.. идет царь сил!»

Прорек, и хлынули реками
У бога воды из очес;
Вдруг море вздулося буграми,
И влажный Каспий в них исчез.
О, как ты, Волга, ликовала!
С каким восторгом поднимала
Победоносного царя!
В сию минуту пред тобою
Казались малою рекою
И Бельт и Каспий, все моря!

Но страннику ль тебя прославить?
Он токмо в искренних стихах
Смиренну дань хотел оставить
На счастливых твоих брегах.
О, если б я внушен был Фебом,
То первою б рекой под небом,
Знатнейшей Гангеса была!
Ты б славою своей затмила
Величие Ефрата, Нила
И всю вселенну протекла.

1794

Н. М. КАРАМЗИН
(1766—1826)

ОСЕНЬ

Веют осенние ветры
        В мрачной дубраве;
С шумом на землю валятся
        Желтые листья.

Поле и сад опустели;
        Сетуют холмы;
Пение в рощах умолкло —
        Скрылися птички.

Поздние гуси станицей
        К югу стремятся,
Плавным полетом несяся
        В горних пределах.

Вьются седые туманы
        В тихой долине;
С дымом в деревне мешаясь,
        К небу восходят.

Странник, стоящий на холме,
        Взором унылым
Смотрит на бледную осень,
        Томно вздыхая.

Странник печальный, утешься!
        Вянет Природа
Только на малое время;
        Все оживится,
Все обновится весною:
        С гордой улыбкой
Снова Природа восстанет
        В брачной одежде.

Смертный, ах! вянет навеки!
        Старец весною
Чувствует хладную зиму
        Ветхия жизни.

1789
Женева

А. А. ШАХОВСКОЙ
(1777—1846)

* * *

Вниз по Волге-реке,
С Нижня Новгорода,
Снаряжен стружок,
Как стрела летит.

Как на том на стружке,
На снаряженном,
Удалых гребцов
Сорок два сидят.

Как один-то из них,
Добрый молодец,
Призадумался,
Пригорюнился.

«Ах, о чем же ты,
Добрый молодец,
Призадумался,
Пригорюнился?» —

«Я задумался,
Пригорюнился
Об одной душе
Красной девице.

Эх вы, братцы мои,
Вы товарищи,
Сослужите вы мне
Службу верную.

Киньте, бросьте меня
В Волгу-матушку,
Утопите в ней
Грусть-тоску мою.

Лучше быть мне в реке
Утопимому,
Чем на свете жить
Нелюбимому!»

А. Ф. МЕРЗЛЯКОВ
(1778—1830)

* * *

Среди долины ровныя,
На гладкой высоте,
Цветет, растет высокий дуб
В могучей красоте.

Высокий дуб, развесистый,
Один у всех в глазах;
Один, один, бедняжечка,
Как рекрут на часах!

Взойдет ли красно солнышко —
Кого под тень принять?
Ударит ли погодушка —
Кто будет защищать?

Ни сосенки кудрявыя,
Ни ивки близ него;
Ни кустики зеленые
Не вьются вкруг него.

Ах, скучно одинокому
И дереву расти!
Ах, горько, горько молодцу
Без милой жизнь вести!

Есть много сребра, золота —
Кого им подарить?
Есть много славы, почестей —
Но с кем их разделить?

Встречаюсь ли с знакомыми —
Поклон, да был таков;
Встречаюсь ли с пригожими —
Поклон — да пара слов.

Одних я сам пугаюся,
Другой бежит меня.
Все други, все приятели
До черного лишь дня!

Где ж сердцем отдохнуть могу,
Когда гроза взойдет?
Друг нежный спит в сырой земле,
На помощь не придет!

Ни роду нет, ни племени
В чужой мне стороне;
Не ластится любезная
Подруженька ко мне!

Не плачется от радости
Старик, глядя на нас;
Не вьются вкруг малюточки,
Тихохонько резвясь!

Возьмите же все золото,
Все почести назад;
Мне родину, мне милую,
Мне милой дайте взгляд!

1810

Н. М. ИБРАГИМОВ
(1778—1818)

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Во поле березонька стояла,
Во поле березонька стояла,
    Люли, люли стояла,
    Люли, люли стояла,
В чистом кудрява бушевала,
В тереме девица горевала,
    Люли, люли горевала,
    Люли, люли горевала.
Девицу со милым разлучают,
Девицу с постылым обручают,
    Люли, люли обручают,
    Люли, люли обручают.
Нелюб не умом взял, не приятством,
Взял большой роднею и богатством.
Милый беспоместен, беспороден;
Он душой богат и благороден.
Не в мешках любовь, не в родословных —
В жертвах добровольных, безусловных.
С милым мы глазами сговорились,
С милым мы сердцами подарились.
Скоро ли, ах, милый! не дождуся,
Я с тобой свиданьем наслаждуся,
От докук нелюба свобожуся?

И. И. КОЗЛОВ
(1779—1840)

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он
О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом,
И как я, с ним навек простясь,
Там слушал звон в последний раз!

Уже не зреть мне светлых дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нет теперь в живых
Тогда веселых, молодых!
И крепок их могильный сон;
Не слышен им вечерний звон.

Лежать и мне в земле сырой!
Напев унывный надо мной
В долине ветер разнесет;
Другой певец по ней пройдет,
И уж не я, а будет он
В раздумье петь вечерний звон!

1827

Н. И. ГНЕДИЧ
(1784—1833)

ОСЕНЬ

Дубравы пышные, где ваше одеянье?
Где ваши прелести, о холмы и поля,
Журчание ключей, цветов благоуханье?
Где красота твоя, роскошная земля?

Куда сокрылися певцов пернатых хоры,
Живившие леса гармонией своей?
Зачем оставили приют их мирных дней?
И все уныло вкруг — леса, долины, горы!

Шумит порывный ветр между дерев нагих
И, желтый лист крутя, далеко завевает, —
Так все проходит здесь, явление на миг:
Так гордый сын земли цветет и исчезает!

На крыльях времени безмолвного летят
И старость и зима, гроза самой природы;
Они, нещадные и быстрые, умчат,
Как у весны цветы, у нас младые годы!

Но что ж? крутитесь вы сей мрачною судьбой,
Вы, коих низкие надежды и желанья
Лишь пресмыкаются над бренною землей.
И дух ваш заключат в гробах без унованья.

Но кто за темный гроб с возвышенной душой,
С святой надеждою взор ясный простирает,
С презреньем тот на жизнь, на мрачный мир
взирает
И улыбается превратности земной.

Весна украсить мир ужель не возвратится?
И солнце пало ли на вечный свой закат?
Нет! новым пурпуром восток воспламенится,
И новою весной дубравы зашумят.

А я остануся в ничтожность погруженный,
Как всемогущий перст цветок животворит?
Как червь, сей житель дня, от смерти
пробужденный,
На крыльях золотых вновь к жизни полетит!

Сменяйтесь, времена, катитесь в вечность, годы!
Но некогда весна несменная сойдет!
Жив бог, жива душа! и, царь земной природы,
Воскреснет человек: у бога мертвых нет!

1819

ЛАСТОЧКА

Ласточка, ласточка, как я люблю твои вешние песни!
Малый твой вид я люблю, как весна и живой и веселый!
Пой весны провозвестница, пой и кружись надо мною;
Может быть, сладкие песни и мне напоешь ты на душу.

Птица, любезная людям! ты любишь сама человека;
Ты лишь одна из пернатых свободных гостишь в его доме;
Днями чистейшей любви под его наслаждаешься кровлей;
Дружбе его и свой маленький дом и семейство вверяешь,
И, зимы лишь бежа, оставляешь дом человека.
С первым паденьем листов улетаешь ты, милая гостья!
Но куда? за какие моря, за какие пределы
Странствуешь ты, чтоб искать обновления жизни прекрасной,
Песней искать и любви, без которых жить ты не можешь?
Кто по пустыням воздушным, досель не отгаданный нами,
Путь для тебя указует, чтоб снова пред нами являться?
С первым дыханьем весны ты являешься снова, как с неба,
Песнями нас привечать с воскресеньем бессмертной природы.
Хату и пышный чертог избираешь ты, вольная птица,
Домом себе; но ни хаты жилец, ни чертога владыка
Дерзкой рукою не может гнезда твоего прикоснуться,
Если он счастия дома с тобой потерять не страшится.
Счастье приносишь ты в дом, где приют нетревожный находишь,
Божия птица[1], как набожный пахарь тебя называет:
Он как священную птицу тебя почитает и любит
(Так песнопевцев народы в века благочестия чтили).
Кто ж, нечестивый, посмеет гнезда твоего прикоснуться —
Дом ты его покидаешь, как бы говоря человеку:
«Будь покровителем мне, но свободы моей не касайся!»

Птица любови и мира, всех птиц ненавидишь ты хищных.
Первая, криком тревожным — домашним ты птицам смиренным
Весть подаешь о налете погибельном коршуна злого,
Криком встречаешь его и до облак преследуешь криком,
Часто крылатого хищника умысл кровавый ничтожа.

Чистая птица, на прахе земном ты ног не покоишь,
Разве на миг, чтоб пищу восхитить, садишься на землю.
Целую жизнь, и поя и гуляя, ты плаваешь в небе,
Так же легко и свободно, как мощный дельфин в океане.
Часто с высот поднебесных ты смотришь на бедную землю;
Горы, леса, города и все гордые здания смертных
Кажутся взорам твоим не выше долин и потоков, —
Так для взоров поэта земля и все, что земное,
В шар единый сливается, свыше лучом озаренный.

Пой, легкокрылая ласточка, пой и кружись надо мною!
Может быть, песнь не последнюю ты мне на душу напела.

---

[1] Так в некоторых полуденных губерниях России народ называет ласточку.

Ф. Н. ГЛИНКА
(1786—1880)

СОН РУССКОГО НА ЧУЖБИНЕ

Отечества и дым нам
сладок и приятен!

Державин

Свеча, чуть теплясь, догорала,
Камин, дымяся, погасал;
Мечта мне что-то напевала,
И сон меня околдовал...
Уснул — и вижу я долины
В наряде праздничном весны
И деревенские картины
Заветной *русской* стороны!..
Играет рог, звенят цевницы,
И гонят парни и девицы
Свои стада на влажный луг.
Уж веял, веял теплый дух
Весенней жизни и свободы
От долгой и крутой зимы.
И рвутся из своей тюрьмы
И хлещут с гор кипучи воды.
Пловцов брадатых на стругах
Несется с гулом отклик долгий;
И широко гуляет Волга
В заповедных своих лугах...
Поляны муравы одели,
И, вместо пальм и пышных роз,
Густые молодеют ели,
И льется запах от берез!..
И мчится тройка удалая
В Казань дорогой столбовой,
И колокольчик — дар Валдая —
Гудит, качаясь под дугой...
Младой ямщик бежит с полночи:
Ему сгрустнулося в тиши,
И он запел про *ясны очи,*
Про очи девицы-души:
«Ах, очи, очи голубые!
Вы иссушили молодца!
Зачем, о люди, люди злые,
Зачем разрознили сердца?
Теперь я горький сиротина!»
И вдруг махнул по всем по трем...
Но я расстался с милым сном,
И чужеземная картина
Сияла пышно предо мной.
Немецкий город... все красиво,
Но я в раздумье молчаливо
Вздохнул по стороне родной...

1825

ВЕСНА

Уже душистей стали ели,
И пахнет в воздухе смолой;
Уже луга зазеленели,
И мох кудрится над скалой.

Разделись синие заливы,
И лодки ходят по реке;
Уже заколосились нивы,
И слышно стадо вдалеке...
И воздух полон тишиною,
И как им сладостно дышать!
Так сердце с жизнью неземною
Вдыхает неба благодать.

Между 9 марта —
31 мая, 1826

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Постлалась белая, холодная постель,
И, под стеклом, чуть живы воды!
Сугроб высокий лег у ветхой изгороды...
В лесах одна без перемены — ель!
В господский сельский дом теснится вьюга в сени,
И забелелося высокое крыльцо,
И видны ног босых по улицам ступени,
И чаще трет ямщик полой себе лицо,
И колокол бренчит без звона,
Протяжно каркает обмоклая ворона,
И стая вдруг явилася сорок;
Везде огонь, везде дымятся трубы,
Уж для госпож в домах готовят шубы,
И тройкою сосед катит на вечерок.
Куют коней, и ладят сани,
И говорят о будущем катаньи.
Пороша!.. и следят и зайцев и лисиц,
И хвалятся борзых удалым бегом...
И, по примете, первым снегом
Умылись девушки для освеженья лиц!

1832

МОСКВА

Город чудный, город древний,
Ты вместил в свои концы
И посады и деревни,
И палаты и дворцы!

Опоясан лентой пашен,
Весь пестреешь ты в садах:
Сколько храмов, сколько башен
На семи твоих холмах!..

Исполинскою рукою
Ты, как хартия, развит,
И над малою рекою
Стал велик и знаменит!

На твоих церквах старинных
Вырастают дерева;
Глаз не схватит улиц длинных...
Это *матушка Москва!*

Кто, силач, возьмет в охапку
Холм Кремля-богатыря?
Кто собьет златую шапку
У *Ивана-звонаря?..*

Кто *Царь-колокол* подымет?
Кто *Царь-пушку* повернет?
Шляпы кто, гордец, не снимет
У *святых* в Кремле *ворот?!*

Ты не гнула крепкой выи
В бедовой своей судьбе:
Разве пасынки России
Не поклонятся тебе!..

Ты, как мученик, горела
Белокаменная!
И река в тебе кипела
Бурнопламенная!

И под пеплом ты лежала
Полоненною,
И из пепла ты восстала
Неизменною!..

Процветай же славой вечной,
Город храмов и палат!
Град *срединный, град сердечный,*
Коренной России град!

1840

ДВЕ ДОРОГИ

(Куплеты, сложенные от скуки в дороге)

Тоскуя — полосою длинной,
В туманной утренней росе,
Вверяет эху стон пустынный
Осиротелое шоссе...

А там вдали мелькает струнка,
Из-за лесов струится дым:
То горделивая чугунка
С своим пожаром подвижным.

Шоссе поет про рок свой слезный:
«Что ж это сделал человек?!
Он весь поехал по железной,
А мне грозит железный век!..

Давно ль красавицей дорогой
Считалась общей я молвой? —
И вот теперь сижу убогой
И обездоленной вдовой.

Где-где по мне проходит пеший;
А там и свищет и рычит
Заклепанный в засаде леший
И без коней — обоз бежит...»

Но рок дойдет и до чугунки:
Смельчак взовьется выше гор
И на две брошенные струнки
С презреньем бросит гордый взор.

И станет человек воздушный
(Плывя в воздушной полосе)
Смеяться и чугунке душной
И каменистому шоссе.

Так помиритесь же, дороги, —
Одна судьба обеих ждет.
А люди? — люди станут боги,
Или их громом пришибет.

Между 1836—1875

К. Н. БАТЮШКОВ
(1787—1855)

* * *

Есть иаслаждеиие и в дикости лесов,
        Есть радость иа приморском бреге,
И есть гармония в сем говоре валов,
        Дробящихся в пустыином беге.
Я ближнего люблю, но ты, природа-мать,
        Для сердца ты всего дороже!
С тобой, владычица, привык я забывать
        И то, чем был, как был моложе,
И то, чем ныне стал под холодом годов.
        Тобою в чувствах оживаю:
Их выразить душа ие зиает стройиых слов
        И как молчать об иих — не зиаю.

Июль или август, 1819

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ (1792—1878)

ПЕРВЫЙ СНЕГ

(В 1817-м году)

Пусть нежный баловень полуденной природы,
Где тень душистее, красноречивей воды,
Улыбку первую приветствует весны!
Сын пасмурных небес полуночной страны,
Обыкший к свисту вьюг и реву непогоды,
Приветствую душой и песнью первый снег.
С какою радостью нетерпеливым взглядом
Волнующихся туч ловлю мятежный бег,
Когда с небес они на землю веют хладом!
Вчера еще стенал над онемевшим садом
Ветр скучной осени, и влажные пары
Стояли над челом угрюмыя горы
Иль мглой волнистою клубилися над бором.
Унынье томное бродило тусклым взором
По рощам и лугам, пустеющим вокруг.
Кладбищем зрелся лес; кладбищем зрелся луг.
Пугалище дриад, приют крикливых вранов,
Ветвями голыми махая, древний дуб
Чернел в лесу пустом, как обнаженный труп,
И воды тусклые, под пеленой туманов,
Дремали мертвым сном в безмолвных берегах.
Природа бледная, с унылостью в чертах,
Поражена была томлением кончины.
Сегодня новый вид окрестность приняла,
Как быстрым манием чудесного жезла;
Лазурью светлою горят небес вершины;
Блестящей скатертью подернулись долины,
И ярким бисером усеяны поля.
На празднике зимы красуется земля
И нас приветствует живительной улыбкой.
Здесь снег, как легкий пух, повис на ели гибкой;
Там, темный изумруд посыпав серебром,
На мрачной сосне он разрисовал узоры.
Рассеялись пары и засверкали горы,
И солнца шар вспылал на своде голубом.
Волшебницей зимой весь мир преобразован;
Цепями льдистыми покорный пруд окован
И синим зеркалом сравнялся в берегах.
Забавы ожили; пренебрегая страх,
Сбежались смельчаки с брегов толпой игривой
И, празднуя зимы ожиданный возврат,
По льду свистящему кружатся и скользят.
Там ловчих полк готов; их взор нетерпеливый
Допрашивает след добычи торопливой, —
На бегство робкого нескромный снег донес;
С неволи спущенный за жертвой хищный пес
Вверяется стремглав предательскому следу,
И довершает нож кровавую победу.
Покинем, милый друг, темницы мрачный кров!

Красивый выходец кипящих табунов,
Ревиуя иа бегу с крылатоногой ланью,
Топоча хрупкий снег, нас по полю помчит.
Украшен твой наряд лесов сибирских данью,
И соболь иа тебе чериеет и блестит.
Презрев мороза гнев и тщетные угрозы,
Румяных щек твоих свежей алеют розы,
И лилия свежей белеет на челе.
Как лучшая весна, как лучшей жизни младость,
Ты улыбаешься утешеииой земле,
О, пламенный восторг! В душе блеснула радость,
Как искры яркие иа снежном хрустале.
Счастлив, кто испытал прогулки зимией сладость!
Кто в тесноте саней с красавицей младой,
Ревнивых ие боясь, сидел иога с иогой,
Жал руку, иежную в самом сопротивлеиье,
И в сердце девственном впервой любви смятенья,
И думу первую, и первый вздох зажег,
В победе сей других побед прияв залог.
Кто может выразить счастливцев упоеиье?
Как вьюга легкая, их окриленный бег
Браздами ровными прорезывает снег
И, ярким облаком с земли его взвевая,
Сребристой пылию окидывает их.
Стесиилось время им в один крылатый миг.
По жизни так скользит горячность молодая,
И жить торопится, и чувствовать спешит!
Напрасно прихотям вверяется различным;
Вдаль увлекаема желаньем безграничным,
Пристанища себе она нигде ие зрит.
Счастливые лета! Пора тоски сердечной!
Но что я говорю? Единый беглый день,
Как сон обманчивый, как привиденья тень,
Мелькнув, уносишь ты обман бесчеловечный!
И самая любовь, иам изменив, как ты,
Приводит к опыту безжалостным уроком
И, чувства истощив, иа сердце одиноком
Нам оставляет след угаснувшей мечты.
Но в памяти души живут души утраты.
Воспоминание, как чародей богатый,
Из пепла хладного минувшее зовет
И глас умолкшему и праху жизнь дает.
Пусть иа омытые луга росой денницы
Красивая весна бросает из кошницы
Душистую лазурь и свежий блеск цветов;
Пусть, растворяя лес очарованьем нежным,
Влечет любовников под кровом безмятежным
Предаться тихому волшебству сладких снов! —
Не изменю тебе воспоминаньем тайным,
Весны роскошныя смиренная сестра,
О сердца моего любимая пора!
С тоскою прежнею, с волненьем обычайным,
Клянусь платить тебе признательную дань;
Всегда приветствовать тебя сердечной думой,
О первенец зимы, блестящей и угрюмой!
Снег первый, наших нив о девственная ткань!

Ноябрь 1819

ЕЩЕ ТРОЙКА

Тройка мчится, тройка скачет,
Вьется пыль из-под копыт,
Колокольчик звонко плачет
И хохочет, и визжит.

По дороге голосисто
Раздается яркий звон,
То вдали отбрякнет чисто.
То застонет глухо он.

Словно леший ведьме вторит
И аукается с ней,
Иль русалка тараторит
В роще звучных камышей.

Русской степи, ночи темной
Поэтическая весть!
Много в ней и думы томной,
И раздолья много есть.

Прянул месяц из-за тучи,
Обогнул свое кольцо
И посыпал блеск зыбучий
Прямо путнику в лицо.

Кто сей путник? и отколе,
И далек ли путь ему?
По неволе иль по воле
Мчится он в ночную тьму?

На веселье иль кручину,
К ближним ли под кров родной,
Или в грустную чужбину
Он спешит, голубчик мой?

Сердце в нем ретиво рвется
В путь обратный или вдаль?
Встречи ль ждет он не дождется,
Иль покинутого жаль?

Ждет ли перстень обручальный?
Ждут ли путника пиры
Или факел погребальный
Над могилою сестры?

Как узнать? уж он далеко!
Месяц в облако нырнул,
И в пустой дали глубоко
Колокольчик уж заснул.

1834

СТЕПЬ

Бесконечная Россия
Словно вечность на земле!
Едешь, едешь, едешь, едешь,
Дни и версты нипочем!
Тонут время и пространство
В необъятности твоей.

Степь широко на просторе
Поперек и вдоль лежит,
Словно огненное море
Зноем пышет и палит.

Цепенеет воздух сжатый,
Не пахнет на душный день
С неба ветерок крылатый,
Ни прохладной тучки тень.

Небеса, как купол медный,
Раскалились. Степь гола;
Кое-где пред хатой бедной
Сохнет бедная ветла.

С кровли аист долгоногой
Смотрит, верный домосед;
Добрый друг семьи убогой,
Он хранит ее от бед.

Шагом, с важностью спокойной
Тащут тяжести волы;
Пыль метет метелью знойной,
Вьюгой огненной золы.

Как разбитые палатки
На распутии племен —
Вот курганы, вот загадки
Неразгаданных времен.

Пусто все, однообразно,
Словно замер жизни дух;
Мысль и чувство дремлют праздно,
Голодают взор и слух.

Грустно! Но ты грусти этой
Не порочь и не злословь:
От нее в душе согретой
Свято теплится любовь.

Степи голые, немые,
Все же вам и песнь, и честь!
Всё вы — матушка Россия,
Какова она ни есть!

Июнь 1849

БЕРЕЗА

Средь избранных дерёв береза
Не поэтически глядит;
Но в ней — душе родная проза
Живым наречьем говорит.

Милей всех песней сладкозвучных
От ближних радостная весть,
Хоть пара слов собственноручных,
Где сердцу много что прочесть.

Почтовый фактор на чужбине
Нам всем приятель дорогой;
В лесу он прóсек, ключ в пустыне,
Нам проводник в стране чужой.

Из нас кто мог бы хладнокровно
Завидеть русское клеймо?
Нам здесь и ты, береза, словно
От милой матери письмо.

1855

В. Ф. РАЕВСКИЙ
(1795—1872)

ЭЛЕГИЯ II

Шумит осенний ветр, долины опустели!
Унынье тайное встречает смутный взор:
Луга зеленые, дубравы пожелтели;
Склонясь под бурями, скрипит столетний бор!
В ущелья гор гигант полночный ополчился,
И в воды пал с высот огнекрылатый змий...
И вид гармонии чудесной пременился
В нестройство зримое враждующих стихий,
С порывом в берега гранитные плескает
Свирепый океан пенистою волной!
Бездонной пропастью воздушна хлябь зияет,
День смежен с вечностью, а свет его — со тьмой!..

Таков движений ход, таков закон природы...
О смертный! Ты ль дерзнул роптать на промысл твой?
Могущество ума, дух сильный, дар свободы
Не высят ли тебя превыше тьмы земной?..
Скажи, не ты ль дерзнул проникнуть сокровенье?
И Прометеев огнь предерзостно возжечь?
Измерить разумом миров круговращенье
И силу дивную и огнь громов пресечь?
По влаге гибельной открыть пути несчетны,
В пространстве целого атом едва приметный?
Взор к солнцу устремя, в эфире воспарить?
И искру божества возжечь уразуменьем
До сил единого, до зодчего миров?
О, сколь твой дух велик минутным появленьем!
Твой век есть миг, но миг приметен в тьме веков;
Твой глас струнами лир народам передастся
И творческой рукой их мрак преобразит,
Светильник возгорит!.. гармония раздастся!..
И в будущих веках звук стройный отразит!...

Но кто сей человек, не духом возвышенный,
Но властью грозною народа облечен?
Зачем в его руках сей пламенник возжженный,
Зачем он стражею тройною окружен?..
Отец своих сынов не может устрашиться...
Иль жертв рыдающих тирану страшен вид?
Призрак отмщения в душе его гнездится,
Тогда как рабства цепь народ слепой теснит.
Так раболепствуйте: то участь униженных!
Природы смутен взор, она и вам есть мать;
Чего вы ищете средь братий убиенных?
Почто дерзаете в безумии роптать
На провиденне, на зло и трон порока?..
Жизнь ваша — слепота, а смерть — забвенья миг;
И к цели слабых душ ничтожеству дорога;

. . . .

Свирепствуй, грозный день!.. Да страшною грозою
Промчится не в возврат невинных скорбь и стон,
Да адские дела померкнут адской тьмою...
И в бездну упадет железной злобы трон!
Да яростью стихий минутное нестройство
Устройство вечное и радость возродит!...
Врата отверзнутся свободы и спокойства —
И добродетели луч ясный возблестит!..

Конец 1810-х — начало 1820-х годов

КАРТИНА БУРИ

Солнце покрылось серою мглой,
Тучи, спираясь, быстро несутся...
Вихрь, сотрясая листья с дерев,
С шумом и силой дол пробегает
И воздымает в воздухе прах;
Враны над бором стаей виются,
Нивы клубятся волной.
Подернут горизонт полунощною тьмой,
И молния вдали из бурных туч сверкает;
Перун отзывами грохочет за горой,
И эхо гул его в утесах раздробляет.
С ветром холодным падает дождь,
Сосны и ели со скрипом трясутся,
Волны, волнуясь быстрой струей,
Пеною желтой в берег плескают,
Дикие гуси скрылись в тростник;
Шумом внезапным вол устрашенный,
Вкруг озираясь, ревет.

Гигантов бурных строй по высоте летит,
И молния, виясь, кругом во мраке блещет!
Удар удару вслед гром яростный вторит
И смертоносные перуны долу мещет!
Здесь дева робкая дрожит,
Взор старца к небу устремился!
Пловец в волнах погибель зрит,
Оратай в ближний лес сокрылся.
Сильней и ветр и дождь шумит,
Огнь бледный заревом мерцает;
Перун из черных туч летит,
И раздробленный дуб пылает!..

1820

К. Ф. РЫЛЕЕВ
(1795—1826)

СМЕРТЬ ЕРМАКА

Ревела буря, дождь шумел;
Во мраке молнии летали;
Бесперерывно гром гремел
И ветры в дебрях бушевали...
Ко славе страстию дыша,
В стране суровой и угрюмой,
На диком бреге Иртыша
Сидел Ермак, объятый думой.

Товарищи его трудов,
Побед и громозвучной славы
Среди раскинутых шатров
Беспечно спали близ дубравы.
«О, спите, спите, — мнил герой, —
Друзья, под бурею ревущей;
С рассветом глас раздастся мой,
На славу иль на смерть зовущий!

Вам нужен отдых; сладкий сон
И в бурю храбрых успокоит;
В мечтах напомнит славу он
И силы ратников удвоит.
Кто жизни не щадил своей
В разбоях, злато добывая,
Тот думать будет ли о ней,
За Русь святую погибая?

Своей и вражьей кровью смыв
Все преступленья буйной жизни
И за победы заслужив
Благословения отчизны, —
Нам смерть не может быть страшна;
Свое мы дело совершили:
Сибирь царю покорена,
И мы — не праздно в мире жили!»

Но роковой его удел
Уже сидел с героем рядом
И с сожалением глядел
На жертву любопытным взглядом.
Ревела буря, дождь шумел;
Во мраке молнии летали,
Бесперерывно гром гремел
И ветры в дебрях бушевали.

Иртыш кипел в крутых брегах.
Вздымалися седые волны,
И рассыпались с ревом в прах,

Бия о брег, казачьи челны.
С вождем покой в объятьях сна
Дружина храбрая вкушала;
С Кучумом буря лишь одна,
На их погибель, не дремала!

Страшась вступить с героем в бой,
Кучум к шатрам, как тать презренный,
Прокрался тайною тропой,
Татар толпами окруженный.
Мечи сверкнули в их руках —
И окровавилась долина,
И пала грозная в боях,
Не обнажив мечей, дружина...

Ермак воспрянул ото сна
И, гибель зря, стремится в волны.
Душа отвагою полна,
Но далеко от брега челны!
Иртыш волнуется сильней —
Ермак все силы напрягает
И мощною рукой своей
Валы седые рассекает...

Плывет... уж близко челнока —
Но сила року уступила,
И, закипев страшней, река
Героя с шумом поглотила.
Лишивши сил богатыря
Бороться с ярою волною,
Тяжелый панцирь — дар царя —
Стал гибели его виною.

Ревела буря... вдруг луной
Иртыш кипящий осребрился,
И труп, извергнутый волной,
В броне медяной озарился.
Носились тучи, дождь шумел,
И молнии еще сверкали,
И гром вдали еще гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

1821

А. С. ГРИБОЕДОВ
(1795—1829)

ОСВОБОЖДЕННЫЙ

Луг шелко́вый, мирный лес!
Сквозь колеблемые своды
Ясная лазурь небес!
Тихо плещущие воды!
Мне ль возвращены назад
Все очарованья ваши?
Снова ль черпаю из чаши
Нескудеющих отрад?
Будто сладостно-душистой
В воздух пролилась струя;
Снова упиваюсь я
Вольностью и негой чистой.
Но где друг?.. но я один!..
Но давно ль, как при́виденье,
Предстоял очам моим
Вестник зла? Я мчался с ним
В дальний край на заточенье.
Окрест дикие места,
Снег пушился под ногами;
Горем скованы уста,
Руки тяжкими цепями.

Там, где вьется Алазань,
Веет нега и прохлада,
Где в садах сбирают дань
Пурпурного винограда,
Све́тло светит луч дневной,
Рано ищут, любят друга...
Ты знаком ли с той страной,
Где земля не знает плуга,
Вечно юная блестит
Пышно яркими цветами
И садителя дарит золотистыми плодами?..
Странник, знаешь ли любовь,
Не подругу снам покойным,
Страшную под небом знойным?
Как пылает ею кровь?
Ей живут и ею дышат,
Страждут и падут в боях
С ней в душе и на устах.
Так самумы с юга пышат,
Раскаляют степь...
Что судьба, разлука, смерть!..

А. А. ДЕЛЬВИГ
(1798—1831)

ОСЕННЯЯ КАРТИНА

Когда земля отдаст плоды
Трудов зимы, весны и лета,
И, желтой мантией одета,
Везде печальные следы
Являет роскоши минувшей,
Подобно радости мелькнувшей
Быстрее молнии небес;
Когда вершиной черный лес,
Шумя, качает над туманом
И, запоздалый, с океаном
Усталый борется пловец,
Тебе, Нептун, дает обеты,
Чтоб не испить с струею Леты
Отрады горестных сердец. —
Я на коне скачу ретивом
И по горам и по полям,
И вихрем веселюсь игривым,
Который мчится по степям,
Из-под копыт с листом и прахом;
И селянин его, со страхом
Под вечер торопясь домой,
Бродящей тенью почитает,
Которую Харон седой
В Аидов дом не пропускает;
Ее протяжный слышен вой,
Он погребенья умоляет.

1818

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Ах, ты ночь ли,
Ноченька!
Ах ты, ночь ли,
Бурная!
Отчего ты
С вечера
До глубокой
Полночи
Не блистаешь
Звездами,
Не сияешь
Месяцем?
Все темнеешь
Тучами?

И с тобой, знать,
Ноченька,
Как со мною,
Молодцем,
Грусть-злодейка
Сведалась!
Как заляжет,
Лютая,
Там глубоко
На сердце —
Позабудешь
Девицам
Усмехаться,
Кланяться;
Позабудешь
С вечера
До глубокой
Полночи,
Припевая,
Тешиться
Хороводной
Пляскою!
Нет, взрыдаешь,
Всплачешься,
И, безродный
Молодец,
На постелю
Жесткую,
Как в могилу,
Кинешься!

1820 или 1821

А. С. ПУШКИН
(1799—1837)

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Ни огня, ни черной хаты,
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадаются одне...

Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.

Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,
И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.

Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля смолкнул мой ямщик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик.

ЗИМНЕЕ УТРО

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры

Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

КАВКАЗ

Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины;
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.
Отселе я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движенье.

Здесь тучи смиренно идут подо мной;
Сквозь них, низвергаясь, шумят водопады;
Под ними утесов нагие громады;
Там ниже мох тощий, кустарник сухой;
А там уже рощи, зеленые сени,
Где птицы щебечут, где скачут олени.

А там уж и люди гнездятся в горах,
И ползают овцы по злачным стремнинам,
И пастырь нисходит к веселым долинам,
Где мчится Арагва в тенистых брегах,
И нищий наездник таится в ущелье,
Где Терек играет в свирепом веселье;

Играет и воет, как зверь молодой,
Завидевший пищу из клетки железной;

И бьется о берег в вражде бесполезной
И лижет утесы голодной волной...
Вотще! нет ни пищи ему, ни отрады:
Теснят его грозно немые громады.

БЕСЫ

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!

«Эй, пошел, ямщик!..» — «Нет мочи:
Коням, барин, тяжело;
Вьюга мне слипает очи;
Все дороги занесло;
Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

Посмотри: вон, вон играет,
Дует, плюет на меня;
Вот — теперь в овраг толкает
Одичалого коня;
Там верстою небывалой
Он торчал передо мной;
Там сверкнул он искрой малой
И пропал во тьме пустой».

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Сил нам нет кружиться доле;
Колокольчик вдруг умолк;
Кони стали... «Что там в поле?» —
«Кто их знает? пень или волк?»

Вьюга злится, вьюга плачет;
Кони чуткие храпят;
Вон уж он далече скачет;
Лишь глаза во мгле горят;
Кони снова понеслися;
Колокольчик дин-дин-дин...
Вижу: духи собралися
Средь белеющих равнин.

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,

Будто листья в ноябре...
Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...

* * *

...Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я провел
Изгнанником два года незаметных.
Уж десять лет ушло с тех пор — и много
Переменилось в жизни для меня,
И сам, покорный общему закону,
Переменился я — но здесь опять
Минувшее меня объемлет живо,
И, кажется, вечор еще бродил
Я в этих рощах.
Вот опальный домик,
Где жил я с бедной нянею моей.
Уже старушки нет — уж за стеною
Не слышу я шагов ее тяжелых,
Ни кропотливого ее дозора.

Вот холм лесистый, над которым часто
Я сиживал недвижим — и глядел
На озеро, воспоминая с грустью
Иные берега, иные волны...
Меж нив златых и пажитей зеленых
Оно, синея, стелется широко;
Через его неведомые воды
Плывет рыбак и тянет за собой
Убогий невод. По брегам отлогим
Рассеяны деревни — там за ними
Скривилась мельница, насилу крылья
Ворочая при ветре...
На границе
Владений дедовских, на месте том,
Где в гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоят — одна поодаль, две другие
Друг к дружке близко, — здесь, когда их мимо
Я проезжал верхом при свете лунном,
Знакомым шумом шорох их вершин
Меня приветствовал. По той дороге
Теперь поехал я и пред собою

Увидел их опять. Они все те же,
Все тот же их, знакомый уху шорох —
Но около корней их устарелых
(Где некогда все было пусто, голо)
Теперь младая роща разрослась,
Зеленая семья; кусты теснятся
Под сенью их как дети. А вдали
Стоит один угрюмый их товарищ,
Как старый холостяк, и вкруг него
По-прежнему все пусто.
Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! не я
Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перерастешь моих знакомцев
И старую главу их заслонишь
От глаз прохожего. Но пусть мой внук
Услышит ваш приветный шум, когда,
С приятельской беседы возвращаясь,
Веселых и приятных мыслей полон,
Пройдет он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомянет.

Е. А. БАРАТЫНСКИЙ
(1800—1844)

РОДИНА

Я возвращуся к вам, поля моих отцов,
Дубравы мирные, священный сердцу кров!
Я возвращуся к вам, домашние иконы!
Пускай другие чтут приличия законы;
Пускай другие чтут ревнивый суд невежд;
Свободный наконец от суетных надежд,
От беспокойных снов, от ветреных желаний,
Испив безвременно всю чашу испытаний,
Не призрак счастия, но счастье нужно мне.
Усталый труженик, спешу к родной стране
Заснуть желанным сном под кровлею родимой.
О дом отеческий! о край, всегда любимый!
Родные небеса! незвучный голос мой
В стихах задумчивых вас пел в стране чужой,
Вы мне повеете спокойствием и счастьем.
Как в пристани пловец, испытанный ненастьем,
С улыбкой слушает, над бездною воссев,
И бури грозный свист и волн мятежный рев,
Так, небо не моля о почестях и злате,
Спокойный домосед в моей безвестной хате,
Укрывшись от толпы взыскательных судей,
В кругу друзей своих, в кругу семьи своей,
Я буду издали глядеть на бури света.
Нет, нет, не отменю священного обета!
Пускай летит к шатрам бестрепетный герой;
Пускай кровавых битв любовник молодой
С волненьем учится, губя часы златые,
Науке размерять окопы боевые —
Я с детства полюбил сладчайшие труды.
Прилежный, мирный плуг, взрывающий бразды,
Почтеннее меча; полезный в скромной доле,
Хочу возделывать отеческое поле.
Оратай, ветхих дней достигший над сохой,
В заботах сладостных наставник будет мой;
Мне дряхлого отца сыны трудолюбивы
Помогут утучнять наследственные нивы.
А ты, мой старый друг, мой верный доброхот,
Усердный пестун мой, ты, первый огород
На отческих полях разведший в дни былые!
Ты поведешь меня в сады свои густые,
Деревьев и цветов расскажешь имена;
Я сам, когда с небес роскошная весна
Повеет негою воскреснувшей природе,
С тяжелым заступом явлюся в огороде;
Приду с тобой садить коренья и цветы.
О подвиг благостный! не тщетен будешь ты:
Богиня пажитей признательней фортуны!
Для них безвестный век, для них свирель и струны;
Они доступны всем и мне за легкий труд
Плодами сочными обильно воздадут.

От гряд и заступа спешу к полям и плугу;
А там, где ручеек по бархатному лугу
Катит задумчиво пустынные струи,
В весенний ясный день я сам, друзья мои,
У брега насажу лесок уединенный,
И липу свежую и тополь осребренный;
В тени их отдохнет мой правнук молодой;
Там дружба некогда сокроет пепел мой
И вместо мрамора положит на гробницу
И мирный заступ мой и мирную цевницу.

1821

* * *

Где сладкий шепот
Моих лесов?
Потоков ропот,
Цветы лугов?
Деревья голы;
Ковер зимы
Покрыл холмы,
Луга и долы,
Под ледяной
Своей корой
Ручей немеет;
Все цепенеет,
Лишь ветер злой,
Бушуя, воет
И небо кроет
Седою мглой.

Зачем, тоскуя,
В окно слежу я
Метели лет?
Любимцу счастья
Кров от ненастья
Одно дает.
Огонь трескучий
В моей печи;
Его лучи
И пыл летучий
Мне веселят
Беспечный взгляд.
В тиши мечтаю
Перед живой
Его игрой,
И забываю
Я бури вой.

О провиденье,
Благодаренье!
Забуду я
И дуновенье
Бурь бытия.
Скорбя душою,
В тоске моей,
Склонюсь главою
На сердце к ней,
И под мятежной
Метелью бед,
Любовью нежной
Ее согрет,
Забуду вскоре
Крутое горе,
Как в этот миг
Забыл природы
Гробовый лик
И непогоды
Мятежный крик.

1831

* * *

Весна, весна! как воздух чист!
Как ясен небосклон!
Своей лазурию живой
Слепит мне очи он.
Весна, весна! как высоко
На крыльях ветерка,

Ласкаясь к солнечным лучам,
Летают облака!

Шумят ручьи! блестят ручьи!
Взревев, река несет
На торжествующем хребте
Поднятый ею лед!

Еще древа обнажены,
Но в роще ветхий лист,
Как прежде, под моей ногой
И шумен и душист.

Под солнце самое взвился
И в яркой вышине
Незримый жаворнок поет
Заздравный гимн весне.

Что с нею, что с моей душой?
С ручьем она ручей
И с птичкой птичка! с ним журчит,
Летает в небе с ней!

Зачем так радует ее
И солнце и весна!
Ликует ли, как дочь стихий,
На пире их она?

Что нужды! счастлив, кто на нем
Забвенье мысли пьет,
Кого далеко от нее
Он, дивный, унесет!

1834

А. И. ОДОЕВСКИЙ
(1802—1839)

УТРО

Рассвело, щебечут птицы
Под окном моей темницы;
Как на воле любо им!
Пред тюрьмой поют, порхают,
Ясный воздух рассекают
Резвым крылышком своим.
Птицы! Как вам петь не стыдно,
Вы смеетесь надо мной.
Ах! теперь мне все завидно,
Даже то завидно мне,
Что и снег на сей стене,
Застилая камень мшистый,
Не совсем его покрыл.
Кто ж меня всего зарыл?
Выду ли на воздух чистый —
Я, как дышат им, забыл.

Начало 1826 (?)

* * *

Из детских всех воспоминаний
Одно во мне свежее всех,
Я в нем ищу в часы страданий
Душе младенческих утех.

Я помню липу, нераздельно
Я с нею жил; и листьев шум
Мне веял песней колыбельной,
Всей негой первых детских дум.

Как ветви сладостно шептали!
Как отвечал им лепет мой!
Мы будто вместе песнь слагали
С любовью, с радостью одной.

Давно я с липой разлучился;
Она как прежде зелена.
А я? Как стар! Как изменился!
Не молодит меня весна!

Увижу ль липу я родную?
Там мог бы сердце я согреть
И песнь младенчески простую
С тобой, мой добрый друг, запеть.

Ты стар, но листья молодеют,
А люди, люди! Что мне в них?
Чем старей — больше всё черствеют
И чувств стыдятся молодых!

Между 1832 и 1835 (?)

* * *

Как сладок первый день среди полей отчизны,
На берегах излучистой Усьмы!
Опять блеснул нам луч давно минувшей жизни
И вывел нас из долгой скорбной тьмы...
Мы ожили! Наш взор тонул в зеленом море
Родных полей, и рощей, и холмов,
Там горы тянутся, тут в живописном споре
С лазурью струй сень пышная лесов.
Усьма то скроется в лесу, то вновь проглянет,
Одета, как невеста, в блеск небес,
В объятья кинется, а там опять обманет
Склоненный к ней, в нее влюбленный лес.
Тут как дитя шалит: то с мельницей играет
И резвится, как белка с колесом,
То остров срядит и, его объемля, засыпает,
Как мысль любви, застигнутая сном;
И сладкий сон ее сияет небесами,
Всей прелестью осенних ясных дней,
Пока она опять разгульными струями
Не побежит вдоль рощей и полей.
И может ли что быть милее и привольней
Обзора мирного приятных этих мест,
Где издали блестит на белой колокольне,
Манит, как жизни цель, отрадный спасов крест?

Сентябрь 1837

Н. М. ЯЗЫКОВ
(1803—1846)

ПЛОВЕЦ

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумит оно;
В роковом его просторе
Много бед погребено.

Смело, братья! Ветром полный,
Парус мой направил я:
Полетит на скользки волны
Быстрокрылая ладья!

Облака бегут над морем,
Крепнет ветер, зыбь черней;
Будет буря: мы поспорим
И помужествуем с ней!

Смело, братья! Туча грянет,
Закипит громада вод,
Выше вал сердитый встанет,
Глубже бездна упадет!

Там, за далью непогоды,
Есть блаженная страна:
Не темнеют неба своды,
Не проходит тишина.

Но туда выносят волны
Только сильного душой!..
Смело, братья, бурей полный,
Прям и крепок парус мой!

1829

Ф. И. ТЮТЧЕВ
(1803—1873)

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

Гремят раскаты молодые,
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.

С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной и шум нагорный —
Все вторит весело громам.

Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

1828, 1854

ВЕСЕННИЕ ВОДЫ

Еще в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят —
Бегут и будят сонный брег,
Бегут и блещут и гласят...

Они гласят во все концы:
«Весна идет, весна идет!
Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперед!»

Весна идет, весна идет!
И тихих, теплых, майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней.

1830 (?)

* * *

Чародейкою Зимою
Околдован, лес стоит —
И под снежной бахромою,

Неподвижною, немою,
Чудной жизнью он блестит.

И стоит он, околдован, —
Не мертвец и не живой —
Сном волшебным очарован,
Весь опутан, весь окован
Легкой цепью пуховой...

Солнце зимнее ли мещет
На него свой луч косой —
В нем ничто не затрепещет,
Он весь вспыхнет и заблещет
Ослепительной красой.

31 декабря 1852

* * *

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде царь небесный
Исходил, благословляя.

13 августа 1855

* * *

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора —
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...

Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто все — простор везде,
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.

Пустеет воздух, птиц не слышно боле,
Но далеко еще до первых зимних бурь —
И льется чистая и теплая лазурь
На отдыхающее поле...

22 августа 1857

А. И. ПОЛЕЖАЕВ
(1804—1838)

КРЕМЛЕВСКИЙ САД

Люблю я позднею порой,
Когда умолкнет гул раскатный
И шум докучный городской,
Досуг невинный и приятный
Под сводом неба провождать;
Люблю задумчиво питать
Мои беспечные мечтанья
Вкруг стен кремлевских вековых,
Под тенью липок молодых
И пить весны очарованье
В ароматических цветах,
В красе аллей разнообразных,
В блестящих зеленью кустах.
Тогда, краса ленивцев праздных,
Один, не занятый никем,
Смотря и ничего не видя,
И, как султан, на лавке сидя,
Я созидаю свой эдем
В смешных и странных помышленьях.
Мечтаю, грежу как во сне,
Гуляю в выспренних селеньях —
На солнце, небе и луне;
Преображаюсь в полубога,
Сужу решительно и строго
Мирские бредни, целый мир,
Дарую счастье миллионам...
(Весы правдивые законам)
И между тем, пока мой пир
Воздушный, легкий и духовный
Приемлет всю свою красу,
И я себя перенесу
Гораздо дальше подмосковной, —
Плывя, как лебедь, в небесах,
Луна сребрит седые тучи;
Полночный ветер на кустах
Едва колышет лист зыбучий;
И в тишине вокруг меня
Мелькают тени проходящих,
Как тени пасмурного дня,
Как проблески огней блудящих.

1829

БЕЛАЯ НОЧЬ

(Отрывок)

Tout va au mieux...
Candide [1]

I

Чудесный вид, волшебная краса!
Белы, как день, земля и небеса!
Вдали, кругом, холодная, немая —
Везде одна равнина снеговая;
Везде один безбрежный океан,
Окованный зимою великан!
Все ночь и блеск! Ни облака, ни тучи
Не пронесет по небу вихрь летучий,
Не потемнит воздушного стекла...
Природа спит, уныла и светла...
Чудесный вид, волшебная краса!
Белы, как день, земля и небеса!

II

Великий град на берегах Неглинной,
Святая Русь под мантией старинной,
Москва — приют радушной доброты —
Тревогой дня утомлена и ты!
Покой и мир на улицах столицы;
Еще кой-где мелькают колесницы,
Во весь опор без жалости гоня,
Извозчик бьет кой-где еще коня;
На пустырях и крик и разговоры,
И между тем бессонные дозоры...
Чудесный вид, волшебная краса!
Белы, как день, земля и небеса!

1837

[1] Все к лучшему... Кандид *(франц.). — Ред.*

А. С. ХОМЯКОВ
(1804—1860)

НОВГРАД

Средь опустенья и развалин,
Над быстрой волховской струей,
Лежит он мрачен и печален,
К земле приникнув головой.
Обнажены власы седые;
Совлечены с могущих плеч
Доспехи грозные, стальные,
И сокрушен булатный меч;
Широкий щит, разбитый в брани,
Вдали лежит среди полей,
И на бросавшей молньи длани
Гремит бесславие цепей.
Тебя ли зрю, любимец славы?
Веков минувших мощный сын,
Племен властитель величавый,
России древний исполин?
Ах, не таков в минувши годы
Являлся ты своим врагам!
Тогда покорные народы
Носили дань к твоим стопам;
Тогда величествен и страшен
Ты средь толпы сынов стоял
И твой венец из мшистых башен
Чело свободное венчал.

Начало 1820-х годов

ЗАРЯ

Тебя меж нощию и днем
Поставил бог, как вечную границу,
Тебя облек он пурпурным огнем,
Тебе он дал в сопутницы денницу.
Когда на небе голубом
Ты светишь, тихо догорая, —
Я мыслю, на тебя взирая:
Заря! Тебе подобны мы —
Смешенье пламени и хлада,
Смешение небес и ада,
Слияние лучей и тьмы.

1825

В. Г. БЕНЕДИКТОВ (1807—1873)

ГОРНЫЕ ВЫСИ

Одеты ризою туманов
И льдом заоблачной зимы,
В рядах, как войско великанов,
Стоят державные холмы.
Привет мой вам, столпы созданья,
Нерукотворная краса,
Земли могучие восстанья,
Побеги праха в небеса!
Здесь — с грустной цепи тяготенья
Земная масса сорвалась,
И, как в порыве вдохновенья,
С кипящей думой отторженья
В отчизну молний унеслась;
Рванулась выше... но открыла
Немую вечность впереди;
Чело от ужаса застыло,
А пламя спряталось в груди:
И вот — на тучах отдыхая,
Висит громада вековая,
Чужая долу и звездам:
Она с высот, где гром рокочет,
В мир дольний ринуться не хочет,
Не может прянуть к небесам.

О горы — первые ступени
К широкой, вольной стороне!
С челом открытым, на колени
Пред вами пасть отрадно мне.
Как праха сын, клонюсь главою
Я к вашим каменным пятам
С какой-то робостью, — а там,
Как сын небес, пройду пятою
По вашим бурным головам!

1837

А. В. КОЛЬЦОВ
(1809—1842)

ВЕЧЕР

Уж рощей лиственная сень
Росой коралльною дымится,
И чуть заметливая тень
На долы, на поля ложится;
Ленивый ветерок, порхая
И поминутно утихая,
Природу клонит в сладкий сон;
Уж с нею засыпает он.
Один я в темной тишине,
Оставив свой семейный круг,
С раздумьем сердца в глубине,
Иду на освеженный луг;
На нем я с новою отрадой
Дышу вечернею прохладой,
И с новой радостью земной
Веду беседы я с луной:
О смерти, вечности, о жизни,
О нашей будущей отчизне,
О наших будущих мирах
И преселенцах-мертвецах,
Которые, как мы, здесь жили
И дух горé переселили.
Ах, что на их там стороне?
Видна ли тайна назначений?
Что не постиг здесь гордый гений —
То там постигнуто ль вполне?
О, для чего с земли судьбою
Живым в удел не дано нам
Туда к ним улетать душою?
Я б, с ними привитая там,
Учился б жить с самим собою;
Но я веригою земной,
Как цепию невольник злой,
Надолго связан и окован —
Мой дух неволей очарован
И дольним счастием прельщен.
В земных он таинствах теряясь
И для небесных омрачен,
Бескрыльной думой окрыляясь,
Туда напрасно рвется он...
Луна! ты, житель горних стран,
Ты беспредельный океан
Без утомленья протекаешь;
Луна! быть может, ты бываешь
И в тех странах, — поведай мне
О тайнах их... Но в тишине
Ты, ход урочный совершая
И молчаливо озаряя
Кладбище смерти, крест и гроб,

И отдаленный неба свод,
Лишь светишь нам, как все те звезды,
В знак доброй для людей надежды.

20 августа 1830
Старобельск

КОСАРЬ

(Отрывок)

...У меня ль плечо —
Шире дедова,
Грудь высокая —
Моей матушки.
На лице моем
Кровь отцовская
В молоке зажгла
Зорю красную.
Кудри черные
Лежат скобкою;
Что работаю —
Все мне спорится!
. . . .

Ах ты, степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
К морю Черному
Понадвинулась!
В гости я к тебе
Не один пришел:
Я пришел сам-друг
С косой вострою;
Мне давно гулять
По траве степной
Вдоль и поперек
С ней хотелося...

Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни в лицо,
Ветер с по́лудня!
Освежи, взволнуй
Степь просторную!
Зажужжи, коса,
Как пчелиный рой!
Молоньёй, коса,
Засверкай кругом!
Зашуми, трава,
Подкошо́ная;
Поклонись, цветы,
Головой земле!..

1836
Москва

ЛЕС

Посвящено памяти А. С. Пушкина

Что, дремучий лес,
Призадумался,
Грустью темною
Затуманился?

Что, Бова-силач
Заколдованный,
С непокрытою
Головой в бою

Ты стоишь — поник,
И не ратуешь
С мимолетною
Тучей-бурею.

Густолиственный
Твой зеленый шлем
Буйный вихрь сорвал —
И развеял в прах.

Плащ упал к ногам
И рассыпался...
Ты стоишь — поник,
И не ратуешь.

Где ж девалася
Речь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?

У тебя ль, было́,
В ночь безмолвную
Заливная песнь
Соловьиная...

У тебя ль, было́,
Дни — роскошество, —
Друг и недруг твой
Прохлаждаются...

У тебя ль, было́,
Поздно вечером
Грозно с бурею
Разговор пойдет;

Распахнет она
Тучу черную,
Обоймет тебя
Ветром-холодом.

И ты молвишь ей
Шумным голосом:
«Вороти назад!
Держи около!»

Закружит она,
Разыграется...
Дрогнет грудь твоя,
Зашатаешься;

Встрепенувшися,
Разбушуешься:
Только свист кругом,
Голоса и гул...

Буря всплачется
Лешим, ведьмою
И несет свои
Тучи за море.

Где ж теперь твоя
Мочь зеленая?
Почернел ты весь,
Затуманился...

Одичал, замолк...
Только в непогодь
Воешь жалобу
На безвременье.

Так-то, темный лес,
Богатырь Бова!
Ты всю жизнь свою
Маял битвами.

Не осилили
Тебя сильные,
Так дорезала
Осень черная.

Знать, во время сна
К безоружному
Силы вражие
Понахлынули.

С богатырских плеч
Сняли голову —
Не большой горой,
А соломинкой...

1837

В СТЕПИ

В небе зоринька
    Занимается,
Золотой рекой
    Разливается, —
А кругом лежит
    Степь широкая,
И стоит по ней
    Тишь глубокая...
Ковылем густым
    Степь белеется,
Травкой шелковой
    Зеленеется.
Ты цветешь красой,
    Степь привольная,
Пока нет еще
    Лета знойного:
Всю сожжет тогда
    Тебя солнышко,
Попалит твою
    Травку-цветики!
Пока нет еще
    Время тяжкого —
Темной осени,
    Ветра буйного:
Разнесет тогда
    Он по воздуху
Всю красу твою —
    Ковыль белую!

Д. П. ДАВЫДОВ
(1811—1888)

ДУМЫ БЕГЛЕЦА НА БАЙКАЛЕ

Славное море — привольный Байкал,
Славный корабль — омулевая бочка...
Ну, Баргузин, пошевеливай вал...
Плыть молодцу недалечко.

Долго я звонкие цепи носил;
Худо мне было в горах Акатуя.
Старый товарищ бежать пособил,
Ожил я, волю почуя.

Шилка и Нерчинск не страшны теперь;
Горная стража меня не видала,
В дебрях не тронул прожорливый зверь,
Пуля стрелка — миновала.

Шел я и в ночь и средь белого дня,
Близ городов я поглядывал зорко,
Хлебом кормили крестьянки меня,
Парни снабжали махоркой.

Весело я на сосновом бревне
Вплавь чрез глубокие реки пускался;
Мелкие речки встречалися мне —
Вброд через них пробирался.

У моря струсил немного беглец;
Берег обширен, а нет ни корыта;
Шел я каргой и пришел, наконец,
К бочке, дресвою залитой.

Нечего думать — бог счастья послал:
В этой посудине бык не утонет;
Труса достанет и на судне вал —
Смелого в бочке не тронет.

Тесно в ней было бы жить омулям;
Рыбки, утешьтесь моими словами:
Раз побывать в Акатуе бы вам, —
В бочку полезли бы сами!

Четверо суток верчусь на волне;
Парусом служит армяк дыроватый,

Добрая лодка попалася мне —
Лишь на ходу мешковата.

Близко виднеются горы и лес,
Буду спокойно скрываться под тенью,
Можно и тут погулять бы, да бес
Тянет к родному селенью.

Славное море — привольный Байкал,
Славный корабль — омулевая бочка...
Ну, Баргузин, пошевеливай вал...
Плыть молодцу недалечко!

1858

Н. П. ОГАРЕВ
(1813—1877)

ДЕРЕВЕНСКИЙ СТОРОЖ

Ночь темна, на небе тучи,
Белый снег кругом,
И разлит мороз трескучий
В воздухе ночном.

Вдоль по улице широкой
Избы мужиков.
Ходит сторож одинокой,
Слышен скрип шагов.

Зябнет сторож; вьюга смело
Злится вкруг него;
На морозе побелела
Борода его.

Скучно! Радость изменила,
Скучно одному;
Песнь его звучит уныло
Сквозь метель и тьму.

Ходит он в ночи безлунной,
Бела утра ждет
И в края доски чугунной
С тайной грустью бьет.

И, качаясь, завывает
Звонкая доска...
Пуще сердце замирает,
Тяжелей тоска.

1840

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ
(1814—1841)

ДВА ВЕЛИКАНА

В шапке золота литого
Старый русский великан
Поджидал к себе другого
Из далеких чуждых стран.

За горами, за долами
Уж гремел об нем рассказ,
И померяться главами
Захотелось им хоть раз.

И пришел с грозой военной
Трехнедельный удалец,
И рукою дерзновенной
Хвать за вражеский венец.

Но улыбкой роковою
Русский витязь отвечал:
Посмотрел — тряхнул главою...
Ахнул дерзкий — и упал!

Но упал он в дальнем море
На неведомый гранит,
Там, где буря на просторе
Над пучиною шумит.

1832

ПАРУС

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..

Играют волны — ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит...
Увы, — он счастия не ищет,
И не от счастия бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

1832

ТУЧИ

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники
С милого севера в сторону южную.

Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая?

Нет, вам наскучили нивы бесплодные...
Чужды вам страсти и чужды страдания;
Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания.

1840

РОДИНА

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Но я люблю — за что, не знаю сам —
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье.
Разливы рек ее, подобные морям;
Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень.
Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.
С отрадой многим незнакомой
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

1841

* * *

На севере диком стоит одиноко
        На голой вершине сосиа
И дремлет качаясь, и снегом сыпучим
        Одета, как ризой, она.

И сиится ей все, что в пустыне далекой —
        В том крае, где солнца восход,
Одна и грустиа на утесе горючем
        Прекрасиая пальма растет.

1841

УТЕС

Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

Но остался влажиый след в морщине
Старого утеса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко,
И тихоиько плачет ои в пустыне.

1841

ЛИСТОК

Дубовый листок оторвался от ветки родимой
И в степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засох и увял он от холода, зноя и горя
И вот, накоиец, докатился до Черного моря.

У Черного моря чинара стоит молодая;
С ней шепчется ветер, зеленые ветви лаская;
На ветвях зеленых качаются райские птицы;
Поют они песни про славу морской царь-девицы.

И странник прижался у корня чинары высокой;
Приюта на время он молит с тоскою глубокой,
И так говорит он: «Я бедный листочек дубовый,
До срока созрел я и вырос в отчизне суровой.

Один и без цели по свету иошусь давио я,
Засох я без тени, увял я без сна и покоя.
Прими же пришельца меж листьев своих изумрудных,
Немало я зиаю рассказов мудреных и чудных».
— «На что мие тебя? — отвечает младая чииара. —
Ты пылеи и желт, — и сыиам моим свежим ие пара.

Ты много видал — да к чему мне твои небылицы?
Мой слух утомили давно уж и райские птицы.

Иди себе дальше; о странник! тебя я не знаю!
Я солнцем любима, цвету для него и блистаю;
По небу я ветви раскинула здесь на просторе,
И корни мои умывает холодное море».

1841

* * *

1

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.

2

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?

3

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

4

Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб дыша вздымалась тихо грудь;

5

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел.

1841

А. К. ТОЛСТОЙ
(1817—1875)

* * *

Колокольчики мои,
Цветики степные!
Что глядите на меня,
Темно-голубые?
И о чем звените вы
В день веселый мая,
Средь некошеной травы
Головой качая?

Конь несет меня стрелой
На поле открытом;
Он вас топчет под собой,
Бьет своим копытом.
Колокольчики мои,
Цветики степные!
Не кляните вы меня,
Темно-голубые!

Я бы рад вас не топтать,
Рад промчаться мимо,
Но уздой не удержать
Бег неукротимый!
Я лечу, лечу стрелой,
Только пыль взметаю;
Конь несет меня лихой, —
А куда? не знаю!

Он ученым ездоком
Не воспитан в холе,
Он с буранами знаком,
Вырос в чистом поле;
И не блещет как огонь
Твой чепрак узорный,
Конь мой, конь, славянский конь,
Дикий, непокорный!

Есть нам, конь, с тобой простор!
Мир забывши тесный,
Мы летим во весь опор
К цели неизвестной.
Чем окончится наш бег?
Радостью ль? кручиной?
Знать не может человек —
Знает бог единый!

Упаду ль на солончак
Умирать от зною?
Или злой киргиз-кайсак,
С бритой головою,

Молча свой натянет лук,
Лежа под травою,
И меня догонит вдруг
Медною стрелою?

Иль влетим мы в светлый град
Со кремлем престольным?
Чудно улицы гудят
Гулом колокольным,
И на площади народ,
В шумном ожиданье,
Видит: с запада идет
Светлое посланье.

В кунтушах и в чекменях,
С чубами, с усами,
Гости едут на конях,
Машут булавами,
Подбочась, за строем строй
Чинно выступает,
Рукава их за спиной
Ветер раздувает.

И хозяин на крыльцо
Вышел величавый;
Его светлое лицо
Блещет новой славой;
Всех его исполнил вид
И любви и страха,
На челе его горит
Шапка Мономаха.

«Хлеб да соль! И в добрый час! —
Говорит державный, —
Долго, дети, ждал я вас
В город православный!»
И они ему в ответ:
«Наша кровь едина,
И в тебе мы с давних лет
Чаем господина!»

Громче звон колоколов,
Гусли раздаются,
Гости сели вкруг столов,
Мед и брага льются,
Шум летит на дальний юг
К турке и к венгерцу —
И ковшей славянских звук
Немцам не по сердцу!

Гой вы, цветики мои,
Цветики степные!
Что глядите на меня,
Темно-голубые?
И о чем грустите вы
В день веселый мая,
Средь некошеной травы
Головой качая?

1840-е годы

* * *

Край ты мой, родимый край,
Конский бег на воле,
В небе крик орлиных стай,
Волчий голос в поле!

Гой ты, родина моя!
Гой ты, бор дремучий!
Свист полночный соловья,
Ветер, степь да тучи!

1856

* * *

Острою секирой ранена береза,
По коре сребристой покатились слезы;
Ты не плачь, береза, бедная, не сетуй!
Рана не смертельна, вылечится к лету,
Будешь красоваться, листьями убрана...
Лишь больное сердце не залечит раны!

Лето 1856 г.

* * *

То было раннею весной,
Трава едва всходила,
Ручьи текли, не парил зной,
И зелень рощ сквозила;

Труба пастушья поутру
Еще не пела звонко,
И в завитках еще в бору
Был папоротник тонкий.

То было раннею весной,
В тени берез то было,
Когда с улыбкой предо мной
Ты очи опустила.

То на любовь мою в ответ
Ты опустила вежды —
О жизнь! о лес! о солнца свет!
О юность! о надежды!

И плакал я перед тобой,
На лик твой глядя милый, —
То было раннею весной,
В тени берез то было!

То было в утро наших лет —
О счастие! о слезы!
О лес! о жизнь! о солнца свет!
О свежий дух березы!

Май 1871 г.

И. С. ТУРГЕНЕВ
(1818—1883)

В ДОРОГЕ

Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые.
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые.

Вспомнишь обильные, страстные речи,
Взгляды, так жадно, так робко ловимые,
Первые встречи, последние встречи,
Тихого голоса звуки любимые.

Вспомнишь разлуку с улыбкою странной.
Многое вспомнишь родное, далекое,
Слушая ропот колес непрестанный,
Глядя задумчиво в небо широкое.

1843

Я. П. ПОЛОНСКИЙ
(1819—1898)

ПЕСНЯ ЦЫГАНКИ

Мой костер в тумане светит;
Искры гаснут на лету...
Ночью нас никто не встретит;
Мы простимся на мосту.

Ночь пройдет — и спозаранок
В степь, далеко, милый мой,
Я иду с толпой цыганок
За кибиткой кочевой.

На прощанье шаль с каймою
Ты на мне узлом стяни:
Как концы ее с тобою
Мы сходились в эти дни.

Кто-то мне судьбу предскажет?
Кто-то завтра, сокол мой,
На груди моей развяжет
Узел, стянутый тобой?

Вспоминай, коли другая,
Друга милого любя,
Будет песни петь, играя
На коленях у тебя!

Мой костер в тумане светит,
Искры гаснут на лету...
Ночью нас никто не встретит;
Мы простимся на мосту.

1853

А. А. ФЕТ
(1820—1892)

ОСЕНЬ

Как грустны сумрачные дни
Беззвучной осени и хладной!
Какой истомой безотрадной
К нам в душу просятся они!

Но есть и дни, когда в крови
Золотолиственных уборов
Горящих осень ищет взоров
И знойных прихотей любви.

Молчит стыдливая печаль,
Лишь вызывающее слышно,
И, замирающей так пышно,
Ей ничего уже не жаль.

8 октября 1883

* * *

Учись у них — у дуба, у березы.
Кругом зима. Жестокая пора!
Напрасные на них застыли слезы,
И треснула, сжимаяся, кора.

Все злей метель и с каждою минутой
Сердито рвет последние листы,
И за сердце хватает холод лютый;
Они стоят, молчат; молчи и ты!

Но верь весне. Ее промчится гений,
Опять теплом и жизнию дыша.
Для ясных дней, для новых откровений
Переболит скорбящая душа.

31 декабря 1883

ЕЩЕ МАЙСКАЯ НОЧЬ

Какая ночь! На всем какая нега!
Благодарю, родной полночный край!
Из царства льдов, из царства вьюг и снега
Как свеж и чист твой вылетает май!

Какая ночь! Все звезды до единой
Тепло и кротко в душу смотрят вновь,
И в воздухе за песнью соловьиной
Разносится тревога и любовь.

Березы ждут. Их лист полупрозрачный
Застенчиво манит и тешит взор.
Они дрожат. Так деве новобрачной
И радостен и чужд ее убор.

Нет, никогда нежней и бестелесней
Твой лик, о ночь, не мог меня томить!
Опять к тебе иду с невольной песней,
Невольной — и последней, может быть.

1857

* * *

Ласточки пропали,
А вчера зарей
Все грачи летали
Да как сеть мелькали
Вон над той горой.

С вечера все спится,
На дворе темно.
Лист сухой валится,
Ночью ветер злится
Да стучит в окно.

Лучше б снег да вьюгу
Встретить грудью рад!
Словно как с испугу
Раскричавшись, к югу
Журавли летят.

Выйдешь — поневоле
Тяжело — хоть плачь!
Смотришь — через поле
Перекати-поле
Прыгает как мяч.

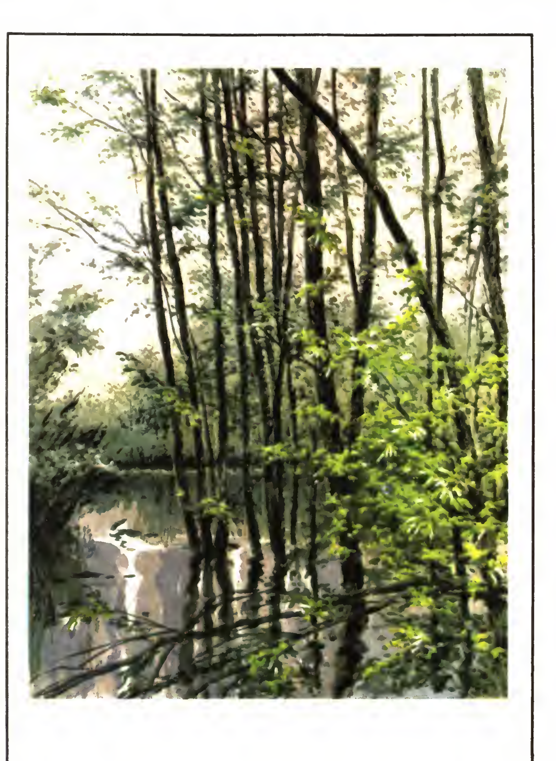
1854

* * *

Чудная картина,
Как ты мне родна:
Белая равнина,
Полная луна,

Свет небес высоких,
И блестящий снег,
И саней далеких
Одинокий бег.

1842



* * *

Шепот, робкое дыханье,
        Трели соловья,
Серебро и колыханье
        Сонного ручья,

Свет ночной, ночные тени,
        Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
        Милого лица,

В дымных тучках пурпур розы,
        Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы,
        И заря, заря!..

1850

* * *

Я пришел к тебе с приветом,
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листам затрепетало;

Рассказать, что лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полон жаждой;

Рассказать, что с той же страстью,
Как вчера, пришел я снова,
Что душа все так же счастью
И тебе служить готова;

Рассказать, что отовсюду
На меня весельем веет,
Что не знаю сам, что̀ буду
Петь, — но только песня зреет.

1843

А. Н. МАЙКОВ
(1821—1897)

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

«Золото, золото падает с неба!» —
Дети кричат и бегут за дождем...
— Полноте, дети, его мы сберем,
Только сберем золотистым зерном
В полных амбарах душистого хлеба!

1856

ЛАСТОЧКИ

Мой сад с каждым днем увядает;
Помят он, поломан и пуст,
Хоть пышно еще доцветает
Настурций в нем огненный куст...

Мне грустно! Меня раздражает
И солнца осеннего блеск,
И лист, что с березы спадает,
И поздних кузнечиков треск.

Взгляну ль по привычке под крышу —
Пустое гнездо над окном;
В нем ласточек речи не слышу;
Солома обветрилась в нем...

А помню я, как хлопотали
Две ласточки, строя его!
Как прутики глиной скрепляли,
И пуху таскали в него!

Как весел был труд их, как ловок,
Как любо им было, когда
Пять маленьких, быстрых головок
Выглядывать стали с гнезда!

И целый-то день говоруньи,
Как дети, вели разговор...
Потом полетели, летуньи!
Я мало их видел с тех пор!

И вот — их гнездо одиноко!
Они уж в иной стороне —
Далеко, далеко, далеко...
О, если бы крылья и мне!

1856

ОСЕНЬ

Кроет уж лист золотой
　Влажную землю в лесу...
Смело топчу я ногой
　Вешнюю леса красу.

С холоду щеки горят:
　Любо в лесу мне бежать,
Слышать, как сучья трещат,
　Листья ногой загребать!

Нет мне здесь прежних утех!
　Лес с себя тайну совлек:
Сорван последний орех,
　Свянул последний цветок;

Мох не приподнят, не взрыт
　Грудой кудрявых груздей;
Около пня не висит
　Пурпур брусничных кистей.

Долго на листьях лежит
　Ночи мороз, и сквозь лес
Холодно как-то глядит
　Ясность прозрачных небес...

Листья шумят под ногой;
　Смерть стелет жатву свою...
Только я весел душой —
　И, как безумный, пою!

Знаю, недаром средь мхов
　Ранний подснежник я рвал;
Вплоть до осенних цветов
　Каждый цветок я встречал:

Что им сказала душа,
　Что ей сказали они, —
Вспомню я, счастьем дыша,
　В зимние ночи и дни!

Листья шумят под ногой;
　Смерть стелет жатву свою...
Только я весел душой —
　И, как безумный, пою!

1856

ЕМШАН[1]

Степной травы пучок сухой,
Он и сухой благоухает!
И разом степи надо мной
Все обаянье воскрешает...

Когда в степях, за станом стан,
Бродили орды кочевые,
Был хан Отрок и хан Сырчан,
Два брата, ба́тыри лихие.

И раз у них шел пир горой —
Велик полон был взят на Руси!
Певец им славу пел, рекой
Лился кумыс во всем улусе.

Вдруг шум и крик, и стук мечей,
И кровь, и смерть, и нет пощады! —
Все врозь бежит, что лебедей
Ловцами спугнутое стадо.

То с русской силой Мономах
Всесокрушающий явился —
Сырчан в донских залег мелях,
Отро́к в горах кавказских скрылся!

И шли года... Гулял в степях
Лишь буйный ветер на просторе...
Но вот — скончался Мономах,
И по Руси — туга и горе.

Зовет к себе певца Сырчан
И к брату шлет его с наказом:
«Он там богат, он царь тех стран,
Владыка надо всем Кавказом —

Скажи ему, чтоб бросил все,
Что умер враг, что спали цепи,
Чтоб шел в наследие свое,
В благоухающие степи!

Ему ты песен наших спой, —
Когда ж на песнь не отзовется, —
Свяжи в пучок емшан степной
И дай ему — и он вернется».

Отрок сидит в златом шатре,
Вкруг — рой абхазянок прекрасных;
На золоте и серебре
Князей он чествует подвластных.

Введен певец. Он говорит,
Чтоб в степи шел Отро́к без страха,

---

[1] Е м ш а н — название душистой травы, растущей в наших степях, вероятно, полынок. *(Примечание Майкова.)*

Что путь на Русь кругом открыт,
Что нет уж больше Мономаха!

Отрок молчит, на братнин зов
Одной усмешкой отвечает —
И пир идет, и хор рабов
Его что солнце величает.

Встает певец, и песни он
Поет о былях половецких,
Про славу дедовских времен
И их набегов молодецких.

Отрок угрюмый принял вид
И, на певца не глядя, знаком,
Чтоб увели его — велит
Своим послушливым кунакам.

И взял пучок травы степной
Тогда певец и подал хану —
И смотрит хан — и, сам не свой,
Как бы почуя в сердце рану,

За грудь схватился... Все глядят —
Он грозный хан, что ж это значит?
Он, пред которым все дрожат, —
Пучок травы целуя, плачет!

И вдруг, взмахнувши кулаком,
«Не царь я больше вам отныне! —
Воскликнул. — Смерть в краю родном
Милей, чем слава на чужбине!»

Наутро, чуть осел туман
И озлатились гор вершины,
В горах идет уж караван —
Отрок с немногою дружиной.

Минуя гору за горой,
Все ждет он — скоро ль степь родная —
И вдаль глядит, травы степной
Пучок из рук не выпуская.

1874

Н. А. НЕКРАСОВ
(1821—1877)

НЕСЖАТАЯ ПОЛОСА

Поздняя осень. Грачи улетели,
Лес обнажился, поля опустели,

Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводит она.

Кажется, шепчут колосья друг другу:
«Скучно нам слушать осеннюю вьюгу,

Скучно склоняться до самой земли,
Тучные зерна купая в пыли!

Нас, что ни ночь, разоряют станицы
Всякой пролетной прожорливой птицы,

Заяц нас топчет, и буря нас бьет...
Где же наш пахарь? чего еще ждет?

Или мы хуже других уродились?
Или не дружно цвели-колосились?

Нет! мы не хуже других — и давно
В нас налилось и созрело зерно.

Не для того же пахал он и сеял,
Чтобы нас ветер осенний развеял?..»

Ветер несет им печальный ответ:
«Вашему пахарю моченьки нет.

Знал, для чего и пахал он и сеял,
Да не по силам работу затеял.

Плохо бедняге — не ест и не пьет,
Червь ему сердце больное сосет,

Руки, что вывели борозды эти,
Высохли в щепку, повисли, как плети,

Очи потускли, и голос пропал,
Что заунывную песню певал,

Как, на соху налегая рукою,
Пахарь задумчиво шел полосою».

22—25 ноября 1854

НА ВОЛГЕ

(Отрывок)

О Волга!.. колыбель моя!
Любил ли кто тебя, как я?
Один, по утренним зарям,
Когда еще все в мире спит
И алый блеск едва скользит
По темно-голубым волнам,
Я убегал к родной реке.
Иду на помощь к рыбакам,
Катаюсь с ними в челноке,
Брожу с ружьем по островам.
То, как играющий зверок,
С высокой кручи на песок
Скачусь, то берегом реки
Бегу, бросая камешки,
И песню громкую пою
Про удаль раннюю мою...
Тогда я думать был готов,
Что не уйду я никогда
С песчаных этих берегов.
И не ушел бы никуда —
Когда б, о Волга! над тобой
Не раздавался этот вой!

Давно-давно, в такой же час,
Его услышав в первый раз,
Я был испуган, оглушен.
Я знать хотел, что значит он, —
И долго берегом реки
Бежал. Устали бурлаки,
Котел с расшивы принесли,
Уселись, развели костер
И меж собою повели
Неторопливый разговор.
«Когда-то в Нижний попадем? —
Один сказал. — Когда б попасть
Хоть на Илью...» — «Авось придем, —
Другой, с болезненным лицом,
Ему ответил. — Эх, напасть!
Когда бы зажило плечо,
Тянул бы лямку, как медведь,
А кабы к утру умереть —
Так лучше было бы еще...»
Он замолчал и навзничь лег.
Я этих слов понять не мог,
Но тот, который их сказал,
Угрюмый, тихий и больной,
С тех пор меня не покидал!
Он и теперь передо мной:
Лохмотья жалкой нищеты,
Изнеможенные черты
И, выражающий укор,
Спокойно-безнадежный взор...

Без шапки, бледный, чуть живой,
Лишь поздно вечером домой
Я воротился. Кто тут был —
У всех ответа я просил
На то, что видел, и во сне
О том, что рассказали мне,
Я бредил. Няню испугал:
«Сиди, родименькой, сиди!
Гулять сегодня не ходи!»
Но я на Волгу убежал.

Бог весть, что сделалось со мной?
Я не узнал реки родной:
С трудом ступает на песок
Моя нога: он так глубок;
Уж не манит на острова
Их ярко-свежая трава,
Прибрежных птиц знакомый крик
Зловещ, пронзителен и дик,
И говор тех же милых волн
Иною музыкою полн!

О, горько, горько я рыдал,
Когда в то утро я стоял
На берегу родной реки,
И в первый раз ее назвал
Рекою рабства и тоски!..

1860

ЗЕЛЕНЫЙ ШУМ

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Играючи расходится
Вдруг ветер верховой:
Качнет кусты ольховые,
Подымет пыль цветочную,
Как облако: все зелено,
И воздух и вода!

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Скромна моя хозяюшка
Наталья Патрикеевна,
Водой не замутит!
Да с ней беда случилася,
Как лето жил я в Питере...
Сама сказала, глупая,
Типун ей на язык!

В избе сам-друг с обманщицей
Зима нас заперла,
В мои глаза суровые
Глядит, — молчит жена.
Молчу... а дума лютая
Покоя не дает:
Убить... так жаль сердечную!
Стерпеть — так силы нет!
А тут зима косматая
Ревет и день и ночь:
«Убей, убей изменницу!
Злодея изведи!
Не то весь век промаешься,
Ни днем, ни долгой ноченькой
Покоя не найдешь.
В глаза твои бесстыжие
Соседи наплюют!..»
Под песню-вьюгу зимнюю
Окрепла дума лютая —
Припас я вострый нож...
Да вдруг весна подкралася...

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Как молоком облитые,
Стоят сады вишневые,
Тихохонько шумят;
Пригреты теплым солнышком,
Шумят повеселелые
Сосновые леса;
А рядом новой зеленью
Лепечут песню новую
И липа бледнолистая,
И белая березонька
С зеленою косой!
Шумит тростинка малая,
Шумит высокий клен...
Шумят они по-новому,
По-новому, весеннему...

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Слабеет дума лютая,
Нож валится из рук,
И все мне песня слышится
Одна в лесу, в лугу:
«Люби, покуда любится,
Терпи, покуда терпится,
Прощай, пока прощается,
И — бог тебе судья!»

1862

МОРОЗ, КРАСНЫЙ НОС

(Отрывок)

Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи —
Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои.

Глядит — хорошо ли метели
Лесные тропы занесли,
И нет ли где трещины, щели,
И нет ли где голой земли?

Пушисты ли сосен вершины,
Красив ли узор на дубах?
И крепко ли скованы льдины
В великих и малых водах?

Идет — по деревьям шагает,
Трещит по замерзлой воде,
И яркое солнце играет
В косматой его бороде.

1863

А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВ
(1821—1908)

ОСЕННИЕ ЖУРАВЛИ

Сквозь вечерний туман мне, под небом стемневшим,
Слышен крик журавлей все ясней и ясней...
Сердце к ним понеслось, издалёка летевшим,
Из холодной страны, с обнаженных степей.
Вот уж близко летят и, все громче рыдая,
Словно скорбную весть мне они принесли...
Из какого же вы неприветного края
Прилетели сюда на ночлег, журавли?..

Я ту знаю страну, где уж солнце без силы,
Где уж савана ждет, холодея, земля
И где в голых лесах воет ветер унылый, —
То родимый мой край, то отчизна моя.
Сумрак, бедность, тоска, непогода и слякоть,
Вид угрюмый людей, вид печальный земли...
О как больно душе, как мне хочется плакать!
Перестаньте рыдать надо мной, журавли!

28 октября 1871
Югенгейм, близ Рейна

С ГОР ПОТОКИ

Весна, весна — по всем приметам,
Куда теперь я ни взгляну;
Весна с улыбкой и приветом...
Затем жить стоит в мире этом,
Чтоб видеть русскую весну!

Повсюду жизни дар небесный
Нисходит радостно к полям, —
И в то же время повсеместно
Всё о страданьях смерти крестной
Великий пост вещает нам.

То в мир земной, то в идеальный
Мечты уносятся мои,
Когда, под благовест печальный,
В лучах весны первоначальной
Журчат веселые ручьи.

1893
Стенькино

ГРАЧИ

Лесок дремал. Приход ничей
Его покуда не тревожил.
Но я пришел, и сонм грачей
Взлетел, крича, и весь он ожил.

Они, к полудню прилетев
С прогулок утренних по нивам,
Качались на верхах дерев
В расположении сонливом.

Я помешал; я их спугнул.
Над рощей долго в шумной свалке
Стоял грачей басистый гул,
И звонко вторили им галки.

Иным грачей несносен крик;
А я его люблю, напротив.
Я с детских лет к грачам привык,
Себя их слушать приохотив.

Друзья родной земли моей,
Они, как я, здесь летом — дома.
Непостижима без грачей
Страна дубов и чернозема.

10 ноября 1897
Тамбов

СТАРАЯ РАКИТА

Часто грезится мне, что стоит средь полей,
Долгий век доживая, ракита.
Ей живется еще, но чувствительно ей,
Что могучею жизнью забыта.

Не нужна никому; далеко от жилья;
На просторе родном одинока, —
Она, ветви свои к долу низко склоня,
Ожидает последнего срока.

Но чутка и теперь, она в ясные дни
И в грозу, среди бурной тревоги,
Для себя лишь самой вдохновенно свои
Шелестит иль шумит монологи.

А порой из нее крик идет по земле,
Всю окрестность от сна пробуждая;
Словно сердце в груди, в ее старом дупле
Громко бодрствует птица седая.

Может быть, этот крик, в тишине, по ночам
Поздних путников за душу тронет:
Средь покоя и сна отчего кто-то там
То смеется, то плачет и стонет?

1898
Тамбов

ВОЗВРАЩЕНИЕ ХОЛОДОВ

Опять погода стужей дышит;
Зато на окнах, сквозь лучи,
Мороз опять узоры пишет
Своей серебряной парчи.

Хотя природою отсрочен,
Казалось, близкий ледоход —
Но нет причин пенять мне очень
На мерзлый снег, на прочный лед.

Меня приятно греют печи;
И хоть старик, но не больной,
Без нетерпенья жду я встречи
С еще далекою весной.

На солнце в комнатах не чахнут
Азалий нежные цветы,
И гиацинты сильно пахнут,
Как словно кудри завиты.

Когда бы сердце не щемило
От этих ужасов войны,
Как бытие мне было б мило
Без всяких прелестей весны.

О, бытие!.. Мне в нем отрада.
И сознаю я, и дивлюсь,
Как человеку мало надо,
Покуда чуток жизни вкус.

Февраль 1904
Тамбов

Л. А. МЕЙ
(1822—1862)

СОСНА

Во сыром бору сосна стоит, растет;
Во чистом поле метель гудит, поет;
Над землею тучи серые шатром;
На земле снега пушистые ковром;
Вьюга, холод, но печальная сосна
Неизменна, как весною зелена.
Возвратится ли веселая весна,
Пробудится ли природа ото сна,
Прояснеют, улыбнутся небеса,
В листья нежные оденутся леса,
Заблестит сквозь зелень ландыш серебром,
Засинеет незабудка над ручьем,
Взглянет солнце с неба чистого светлей,
И зальется звонкой трелью соловей —
Всё по-прежнему печальна, зелена,
Думу думает тяжелую сосна.
Грустно, тяжко ей, раскидистой, расти:
Всё цветет, а ей одной лишь не цвести!
Собирая иглы острые свои,
Хочет в землю глубоко она уйти
Иль, сорвавшися с извивистых корней,
В небо взвихриться метелью из ветвей.
Да крепка земля, далеки небеса —
И стоит она, угрюмая краса,
И весною и зимою зелена,
И зимою и весною холодна...
Тяжело сосной печальною расти,
Не меняться никогда и не цвести,
Равнодушным быть и к счастью и к беде,
Но судьбою быть прикованным к земле,
Быть бессильным — превратиться в бренный прах
Или вихрем разыграться в небесах!

1845

МОЛОДОЙ МЕСЯЦ

Ясный месяц, ночной чародей!..
Вслед за зорькой вечерней пурпурною
Поднимись ты стезею лазурною,
Посвети мне опять поскорей...
Сердце молотом в грудь мне колотится,
Сердце чует: к нему не воротится
Все, с чего обмирало оно...
Всё далеко теперь... Но далекую
Пережил бы я ночь звездоокую —
При надежде... А то — все темно.

1861 (?)

А. А. ГРИГОРЬЕВ
(1822—1864)

КОМЕТА

Когда средь сонма звезд, размеренно и стройно,
Как звуков перелив, одна вослед другой,
Определенный путь свершающих спокойно,
Комета полетит неправильной чертой,
Недосозда́нная, вся полная раздора,
Невзнузданных стихий неистового спора,
Горя еще сама и на пути своем
Грозя иным звездам стремленьем и огнем,
Что́ нужды ей тогда до общего смущенья,
До разрушения гармонии?.. Она
Из лона отчего, из родника творенья
В созданья стройный круг борьбою послана,
Да совершит путем борьбы и испытанья
Цель очищения и цель самосозданья.

Июнь 1843

ТОПОЛЮ

Серебряный тополь, мы ровни с тобой,
Но ты беззаботно-кудрявой главой
Поднялся высоко; раскинул широкую тень
И весело шелестом листьев приветствуешь день.

Ровесник мой тополь, мы молоды оба равно
И поровну сил нам, быть может, с тобою дано —
Но всякое утро поит тебя божья роса,
Ночные приветно глядят на тебя небеса.

Кудрявый мой тополь, с тобой нам равно тяжело
Склонить и погнуть перед силою ветра чело...
Но свеж и здоров ты, и строен и прям,
Молись же, товарищ, ночным небесам!

6 июля 1847

И. С. АКСАКОВ
(1823—1886)

НОЧЬ

В заботах жизни многосложной,
В ее шумливой пустоте,
Далеко мысль о непреложной
Природы дивной красоте!
Так, охлажденных и привычных,
Нас не смущает вид небес,
Ни повторение обычных,
Всегда торжественных чудес!
Но в час внезапный пробужденья
Душе послышится опять
Восторга тихого смятенье,
Мгновений чистых благодать!..

Полны чудес неистощимых
Природы вечные дела!
Полны пространств неизмеримых
Все неба звездные тела!
Идут чредой бессчетной годы,
Один другим теснится век;
Сменились царства и народы,
Преобразился человек!..
А ты стоишь неизменимо,
Не увядаешь ты одна;
Твое убранство нерушимо, —
Все те же солнце и луна!
Твое безмолвие ночное
Все то же таинство хранит;
Все так же небо голубое
Нас неизвестностью манит!..

А ты, которая воспета
Стихами столькими была,
Луна, царица полусвета,
Как много грез ты родила,
Как много снов и вздоров милых!
Повсюду, блеск твой возлюбя,
Толпы мечтательниц унылых
Подъемлют взоры на тебя!..

О, помню я твое сиянье
И целый ряд таких ночей,
И тихий говор, и молчанье
Невольно прерванных речей!
Река, блестя, струилась мимо,
Шумели листья в вышине...
Проснулось все, что недвижимо
В душевной спало глубине!..

И многих тех, кто в эти ночи
Пытали думой мир иной,
Давным-давно закрылись очи,
Давным-давно их нет со мной!
Так мне теперь предстали ясно
Когда-то милые черты...
И ныне так же ты прекрасно,
И так же тихо светишь ты!

2 ноября 1845

ВЕЧЕР

(Из поэмы «Бродяга»)

Жар свалил. Повеяла прохлада.
Длинный день покончил ряд забот;
По дворам давно загнали стадо,
И косцы вернулися с работ.
Потемнеть заря уже готова;
Тихо все. Час ночи недалек.
Подымался и улегся снова
На закате легкий ветерок!..

Говор смолк; лишь изредка собачий
Слышен лай; промолвят голоса...
Пыль слеглась; остыл песок горячий,
Пала сильно на землю роса.

По краям темнеющего свода
Тени все, широкие, слились:
Встретить ночь готовится природа;
Запахи отвсюду понеслись.
В тишине жизнь новая творится:
Зрячею проснулася сова,
И встает, и будто шевелится,
И растет, и шепчется трава!..

ШОССЕ

(Отрывок)

Прямая дорога, большая дорога!
Простору немало взяла ты у бога,
Ты вдаль протянулась, пряма как стрела,
Широкою гладью, что скатерть, легла!
Ты камнем убита, жестка для копыта,
Ты мерена мерой, трудами добыта!..
В тебе что ни шаг, то мужик работа́л:
Прорезывал горы, мосты настилал,
Все дружною силой и с песнями взято, —
Вколачивал молот и рыла лопата,
И дебри топор вековые просек...
Куда как упорен в труде человек!

А. Н. ОСТРОВСКИЙ
(1823—1886)

* * *

Полна чудес могучая природа!
Дары свои обильно рассыпая,
Причудливо она играет: бросит
В болотинке, в забытом уголке,
Под кустиком, цветок весны жемчужный,
Задумчиво склоненный ландыш, брызнет
На белизну его холодной пылью
Серебряной росы — и дышит цветик
Неуловимым запахом весны,
Прельщая взор и обонянье...

* * *

Заря чиста, и утро будет ясно.
Уходит день веселый, догорают
Последние лучи зари, все выше
И выше свет малиновый; потемки
Цепляются за сучья и растут,
Преследуя зари румяный отблеск,
И скоро ночь в росящемся лесу
С вершинами деревьев станет вровень.

И. С. НИКИТИН
(1824—1861)

ЛЕС

Шуми, шуми, зеленый лес!
Знаком мне шум твой величавый,
И твой покой, и блеск небес
Над головой твоей кудрявой.

Я с детства понимать привык
Твое молчание немое
И твой таинственный язык,
Как что-то близкое, родное.

Как я любил, когда порой,
Краса угрюмая природы,
Ты спорил с сильною грозой
В минуты страшной непогоды,
Когда больших твоих дубов
Вершины темные качались,
И сотни разных голосов
В твоей глуши перекликались...
Или когда светило дня
На дальнем западе сияло
И ярким пурпуром огня
Твою одежду освещало.
Меж тем, в глуши твоих дерев
Была уж ночь, а над тобою
Цепь разноцветных облаков
Тянулась пестрою грядою.

И вот я снова прихожу
К тебе с тоской моей бесплодной,
Опять на сумрак твой гляжу
И голос слушаю свободный.
И, может быть, в твоей глуши,
Как узник, волей оживленный,
Забуду скорбь моей души
И горечь жизни обыденной.
1849

УТРО

Звезды меркнут и гаснут. В огне облака.
Белый пар по лугам расстилается.
По зеркальной воде, по кудрям лозняка
От зари алый свет разливается.
Дремлет чуткий камыш. Тишь — безлюдье вокруг.
Чуть приметна тропинка росистая.
Куст заденешь плечом, — на лицо тебе вдруг
С листьев брызнет роса серебристая.
Потянул ветерок, воду морщит-рябит.
Пронеслись утки с шумом и скрылися.
Далеко-далеко колокольчик звенит.
Рыбаки в шалаше пробудилися,
Сняли сети с шестов, весла к лодкам несут...
А восток все горит-разгорается.
Птички солнышка ждут, птички песни поют,
И стоит себе лес, улыбается.
Вот и солнце встает, из-за пашен блестит,
За морями ночлег свой покинуло,
На поля, на луга, на макушки ракит
Золотыми потоками хлынуло.
Едет пахарь с сохой, едет — песню поет;
По плечу молодцу все тяжелое...
Не боли ты, душа! отдохни от забот!
Здравствуй, солнце да утро веселое!

ВСТРЕЧА ЗИМЫ

Поутру вчера дождь
В стекла окон стучал,
Над землею туман
Облаками вставал.

Веял холод в лицо
От угрюмых небес,
И, бог знает о чем,
Плакал сумрачный лес.

В полдень дождь перестал,
И, что белый пушок,
На осеннюю грязь
Начал падать снежок.

Ночь прошла. Рассвело.
Нет нигде облачка.
Воздух легок и чист,
И замерзла река.

На дворах и домах
Снег лежит полотном
И от солнца блестит
Разноцветным огнем.

На безлюдный простор
Побелевших полей
Смотрит весело лес
Из-под черных кудрей,

Словно рад он чему, —
И на ветках берез,
Как алмазы, горят
Капли сдержанных слез.

Здравствуй, гостья-зима!
Просим милости к нам
Песни севера петь
По лесам и степям.

Есть раздолье у нас, —
Где угодно гуляй;
Строй мосты по рекам
И ковры расстилай.

Нам не стать привыкать, —
Пусть мороз твой трещит:
Наша русская кровь
На морозе горит!

Искони уж таков
Православный народ:
Летом, смотришь, жара —
В полушубке идет;

Жгучий холод пахнул —
Все равно для него:
По колени в снегу,
Говорит: «Ничего!»

В чистом поле метель
И крутит, и мутит, —
Наш степной мужичок
Едет в санках, кряхтит:

«Ну, соколики, ну!
Выносите, дружки!»
Сам сидит и поет:
«Не белы-то снежки!..»

Да и нам ли подчас
Смерть не встретить шутя,
Если к бурям у нас
Привыкает дитя?

Когда мать в колыбель
На ночь сына кладет,
Под окном для него
Песни вьюга поет.

И разгул непогод
С ранних лет ему люб,
И растет богатырь,
Что под бурями дуб.

Рассыпай же, зима,
До весны золотой
Серебро по полям
Нашей Руси святой!

И случится ли, к нам
Гость незваный придет
И за наше добро
С нами спор заведет —

Уж прими ты его
На сторонке чужой,
Хмельный пир приготовь,
Гостю песню пропой;

Для постели ему
Белый пух припаси
И метелью засыпь
Его след на Руси!

1854, 20 ноября

* * *

В темной чаще замолк соловей,
Прокатилась звезда в синеве;
Месяц смотрит сквозь сетку ветвей,
Зажигает росу на траве.

Дремлют розы. Прохлада плывет.
Кто-то свистнул... вот замер и свист.
Ухо слышит, едва упадет
Насекомым подточенный лист.

Как при месяце кроток и тих
У тебя милый очерк лица!
Эту ночь, полный грез золотых,
Я б продлил без конца, без конца!

А. Н. ПЛЕЩЕЕВ
(1825—1893)

* * *

Скучная картина!
Тучи без конца,
Дождик так и льется,
Лужи у крыльца...
Чахлая рябина
Мокнет под окном;
Смотрит деревушка
Сереньким пятном.
Что ты рано в гости,
Осень, к нам пришла?
Еще просит сердце
Света и тепла!

Все тебе не рады!
Твой унылый вид
Горе да невзгоды
Бедному сулит.
Слышит он заране
Крик и плач ребят;
Видит, как от стужи
Ночь они не спят;
Нет одежды теплой,
Нету в печке дров...
Ты на чей же, осень,
Поспешила зов?

Вон и худ и бледен
Сгорбился больной...
Как он рад был солнцу,
Как был бодр весной!
А теперь — наводит
Желтых листьев шум
На душу больную
Рой зловещих дум!
Рано, рано, осень,
В гости к нам пришла...
Многим не дождаться
Света и тепла!

1860

ВЕСНА

Уж тает снег, бегут ручьи,
В окно повеяло весною...
Засвищут скоро соловьи,
И лес оденется листвою!

Чиста небесная лазурь,
Теплей и ярче солнце стало,
Пора метелей злых и бурь
Опять надолго миновала.

И сердце сильно так в груди
Стучит, как будто ждет чего-то,
Как будто счастье впереди
И унесла зима заботы!

Все лица весело глядят.
«Весна!» — читаешь в каждом взоре;
И тот, как празднику, ей рад,
Чья жизнь — лишь тяжкий труд и горе.

Но резвых деток звонкий смех
И беззаботных птичек пенье
Мне говорят — кто больше всех
Природы любит обновленье!

1872

Н. С. СОКОЛОВ
(30—40 годы XIX в.)

ОН

Кипел, горел пожар московский,
Дым расстилался по реке,
На высоте стены кремлевской
Стоял он в сером сюртуке.

Он видел огненное море,
Впервые полный мрачных дум,
Он в первый раз постигнул горе,
И содрогнулся гордый ум!

Ему мечтался остров дикий,
Он видел гибель впереди,
И призадумался великий,
Скрестивши руки на груди;

И погрузился он в мечтанья,
Свой взор на пламя устремил,
И тихим голосом страданья
Он сам себе проговорил:

«Судьба играет человеком;
Она, лукавая, всегда
То вознесет тебя над веком,
То бросит в пропасти стыда.

И я, водивший за собою
Европу целую в цепях,
Теперь поникнул головою
На этих горестных стенах!

И вы, мной созванные гости,
И вы погибли средь снегов, —
В полях истлеют ваши кости
Без погребенья и гробов!

Зачем я шел к тебе, Россия,
В твои глубокие снега?
Здесь о ступени роковые
Споткнулась дерзкая нога!

Твоя обширная столица —
Последний шаг мечты моей,
Она — надежд моих гробница,
Погибшей славы — мавзолей».

1850

С. И. СТРОМИЛОВ
(30—40 годы XIX века)

* * *

То не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит;
То мое сердечко стонет,
Как осенний лист дрожит.

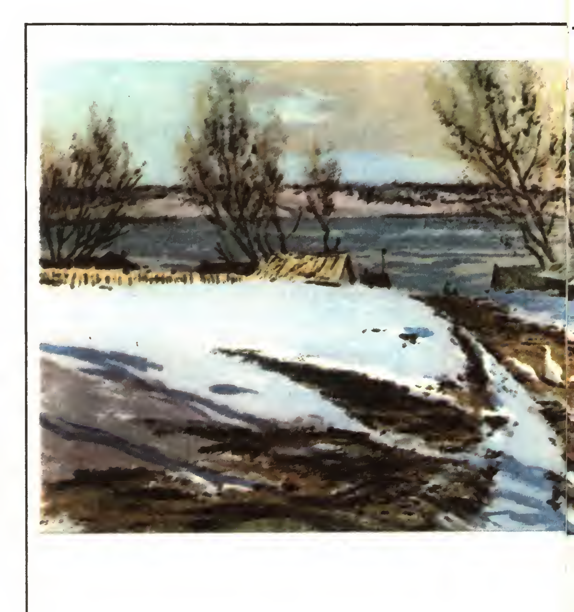
Извела меня кручина
Подколодная змея!..
Догорай, моя лучина, —
Догорю с тобой и я!

Не житье мне здесь без милой:
С кем теперь идти к венцу?
Знать, судил мне рок с могилой
Обручаться, молодцу.

Расступись, земля сырая,
Дай мне, молодцу, покой,
Приюти меня, родная,
В тесной келье гробовой.

Мне постыла жизнь такая,
Съела грусть меня, тоска...
Скоро ль, скоро ль гробовая
Скроет грудь мою доска!

1840-е годы



М. Л. МИХАЙЛОВ
(1829—1865)

* * *

Снова дней весенних
Дождалися мы:
Ласточки щебечут
Над окном тюрьмы.

Между гор зеленых
Темной полосой
Вьется вдаль дорога
К стороне родной.

1862 (?)

* * *

Говорят, весна пришла,
Ярки дни и ночь тепла;
Луг зеленый весь в цветах,
Соловьи поют в лесах.
Я хожу среди лугов —
Я ищу твоих следов;
В чаще слушаю лесной,
Не раздастся ль голос твой.

Где ж весна и где цветы?
Их срывать не ходишь ты.
Где же песня соловья?
Не слышна мне речь твоя...
Не пришла еще весна.
День угрюм, ночь холодна.
Поле инеи куют,
Птицы плачут, не поют.

1862 (?)

К. К. СЛУЧЕВСКИЙ
(1837—1904)

ЧЕРНОЗЕМНАЯ ПОЛОСА

Полдневный час. Жара гнетет дыханье;
Глядишь прищурясь, — блеск глаза слезит,
И над землею воздух в колебанье,
Мигает быстро, будто бы кипит.

И тени нет. Повсюду искры, блестки;
Трава слегла, до корня прожжена.
В ушах шумит, как будто слышны всплески,
Как будто где-то подле бьет волна...

Ужасный час! Везде оцепененье:
Жмет лист к ветвям нагретая верба,
Укрылся зверь, затем что жжет движенье,
По щелям спят, приткнувшись, ястреба.

А в поле труд... Обычной чередою
Идет косьба: хлеба не будут ждать!
Но это время названо страдою, —
Другого слова нет его назвать...

Кто испытал огонь такого неба,
Тот без труда раз навсегда поймет,
Зачем игру и шутку с крошкой хлеба
За тяжкий грех считает наш народ!

СНЕГА

Месяц в небе высоком стоит,
Степь, покрытая снегом, блестит,
И уж сколько сияет по ней
Голубых и зеленых огней!..

Неподвижная ночь холодна,
И глубоко-нема тишина,
И ломается в воздухе свет
Проплывающих звезд и планет...

Вот из белых, глубоких снегов,
На какой-то таинственный зов,
Словно белые люди встают,
И встают, и идут, и растут!

Светят лики неясные их,
И проходят одни сквозь других,
И по степи мерцает вокруг
Много, много светящихся рук...

* * *

Что, камни не живут? Не может быть! Смотри,
Как дружно все они краснеют в час зари,
Как сохраняют в ночь то мягкое тепло,
Которое с утра от солнца в них сошло!
Какой ужасный гул идет от мостовых!
Как крепки камни все в призваниях своих, —
Когда они реку вдоль берега ведут,
Когда покойников, накрывши, стерегут,
И как гримасничают долгие века,
Когда ваятеля искусная рука
Увековечит нам под лоском красоты
Чьи-либо гнусные, проклятые черты!

* * *

Упала молния в ручей,
Вода не стала горячей.
А что ручей до дна пронзен,
Сквозь шелест струй не слышит он.

Зато и молнии струя,
Упав, лишилась бытия.
Другого не было пути...
И я прощу, и ты прости.

В. И. БОГДАНОВ
(1837—1886)

ДУБИНУШКА

Много песен слыхал я в родной стороне,
Как их с горя, как с радости пели,
Но одна только песнь в память врезалась мне,
Это — песня рабочей артели:
«Ухни, дубинушка, ухни!
Ухни, березова, ухни!
Ух!..»

За работой толпа, не под силу ей труд,
Ноет грудь, ломит шею и спину...
Но вздохнут бедняки, пот с лица оботрут
И, кряхтя, запевают дубину:
«Ухни, дубинушка, ухни!
Ухни, березова, ухни!
Ух!..»

Англичанин-хитрец, чтоб работе помочь,
Вымышлял за машиной машину;
Ухитрялись и мы: чуть пришлося невмочь,
Вспоминаем родную дубину:
«Ухни, дубинушка, ухни!
Ухни, березова, ухни!
Ух!..»

Да, дубинка, в тебя, видно, вера сильна,
Что творят по тебе так поминки,
Где работа дружней и усердней нужна,
Там у нас, знать, нельзя без дубинки:
«Ухни, дубинушка, ухни!
Ухни, березова, ухни!
Ух!..»

Эта песня у нас уж сложилась давно;
Петр с дубинкой ходил на работу,
Чтоб дружней прорубалось в Европу окно, —
И гремело по финскому флоту:
«Ухни, дубинушка, ухни!
Ухни, березова, ухни!
Ух!..»

Прорубили окно... Да, могуч был напор
Бессознательной силы... Все стали
Эту силу ценить и бояться с тех пор.
Наши ж деды одно напевали:
«Ухни, дубинушка, ухни!
Ухни, березова, ухни!
Ух!..»

И от дедов к отцам, от отцов к сыновьям
Эта песня пошла по наследству;
Чуть на лад что нейдет, так к дубинушке там
Прибегаем, как к верному средству:
«Ухни, дубинушка, ухни!
Ухни, березова, ухни!
Ух!..»

Эх, когда б эту песню допеть поскорей!
Без дубины чтоб спорилось дело,
И при тяжком труде утомленных людей
Монотонно б у нас не гудело:
«Ухни, дубинушка, ухни!
Ухни, березова, ухни!
Ух!..»

1865

И. З. СУРИКОВ
(1841—1880)

РЯБИНА

«Что шумишь, качаясь,
Тонкая рябина,
Низко наклоняясь
Головою к тыну?»

«С ветром речь веду я
О своей невзгоде,
Что одна расту я
В этом огороде.

Грустно, сиротинка,
Я стою, качаюсь,
Что к земле былинка,
К тыну нагибаюсь.

Там, за тыном, в поле,
Над рекой глубокой,
На просторе, в воле,
Дуб растет высокий.

Как бы я желала
К дубу перебраться;
Я б тогда не стала
Гнуться да качаться.

Близко бы ветвями
Я к нему прижалась
И с его листами
День и ночь шепталась.

Нет, нельзя рябинке
К дубу перебраться!
Знать, мне, сиротинке,
Век одной качаться».

1865

И. И. МАКАРОВ
(1821—1852)

* * *

Однозвучно гремит колокольчик,
И дорога пылится слегка,
И уныло по ровному полю
Разливается песнь ямщика.

Столько грусти в той песне унылой,
Столько грусти в напеве родном,
Что в душе моей хладной, остылой
Разгорелося сердце огнем.

И припомнил я ночи иные,
И родные поля и леса,
И на очи, давно уж сухие,
Набежала, как искра, слеза.

Однозвучно гремит колокольчик,
И дорога пылится слегка;
И замолк мой ямщик, а дорога
Предо мной далека, далека...

Конец 1840-х годов

А. Н. АПУХТИН
(1840—1893)

ПЕТЕРБУРГСКАЯ НОЧЬ

Холодна, прозрачна и уныла,
Ночь вчера мне тихо говорила:
«Не дивися, друг, что я бледна
И как день блестеть осуждена,
Что до утра этот блеск прозрачный
Не затмится хоть минутой мрачной,
Что светла я в вашей стороне...
Не дивись и не завидуй мне.
Проносясь без устали над вами,
Я прочла пытливыми очами
Столько горя, столько слез и зла,
Что сама заснуть я не могла!
Да и кто же спит у вас? Не те ли,
Что весь день трудились и терпели
И теперь работают в слезах?
Уж не те ль заснули, что в цепях
Вспоминать должны любовь, природу
И свою любимую свободу?
Уж не он ли спит, мечтатель мой,
С юным сердцем, с любящей душой?
Нет, ко мне бежит он в исступленьи,
Молит хоть участья иль забвенья...
Но утешить власть мне не дана:
Я как лед бледна и холодна...
Только спят у вас глупцы, злодеи:
Их не душат слезы да идеи,
Совести их не в чем упрекать...
Эти чисты, эти могут спать».

1863

АСТРАМ

Поздние гости отцветшего лета,
Шепчутся ваши головки понурые,
Словно клянете вы дни без просвета,
Словно пугают вас ноченьки хмурые...

Розы — вот те отцвели, да хоть жили...
Нечего вам помянуть пред кончиною:
Звезды весенние вам не светили,
Песней не тешились вы соловьиною...

Начало 1860-х годов

ДВЕ ВЕТКИ

Верхние ветви зеленого, стройного клена,
В горьком раздумье слежу я за вами с балкона.

Грустно вы смотрите: ваше житье незавидно;
Что на земле нас волнует — того вам не видно.

В синее небо вы взор устремили напрасно:
Небо — безжалостно, небо — так гордо-бесстрастно!

Бури ль вы ждете? Быть может, раскрывши объятья,
Встретились вы, как давно разлученные братья?..

Нет, никогда вам не встретиться! Ветер застонет,
Листья крутя, он дрожащую ветку наклонит,

Но, неизменный, суровый закон выполняя,
Тотчас от ветки родной отшатнется другая...

Бедные ветви, утешьтесь! Вы слишком высоки:
Вот отчего вы так грустны и так одиноки!

1878

* * *

Отчалила лодка. Чуть брезжил рассвет...
В ушах раздавался прощальный привет,
Дышал он нежданною лаской...
Свинцовое море шумело кругом...
Все это мне кажется сладостным сном,
Волшебной несбыточной сказкой!

О нет, то не сон был! В дали голубой
Две белые чайки неслись над водой,
И серые тучки летели, —
И все, что сказать я не мог и не смел,
Кипело в душе... и восток чуть алел,
И волны шумели, шумели!..

1879

Д. Н. САДОВНИКОВ
(1847—1883)

* * *

Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны
Выбегают расписные,
Острогрудые челны.

На переднем Стенька Разин,
Обнявшись с своей княжной,
Свадьбу новую справляет
И веселый и хмельной.

А княжна, склонивши очи,
Ни жива и ни мертва,
Робко слушает хмельные,
Неразумные слова.

«Ничего не пожалею!
Буйну голову отдам!» —
Раздается по окрестным
Берегам и островам.

«Ишь ты, братцы, атаман-то
Нас на бабу променял!
Ночку с нею провозился —
Сам наутро бабой стал...»

Ошалел... Насмешки, шепот
Слышит пьяный атаман —
Персиянки полоненной
Крепче обнял полный стан.

Гневно кровью налилися
Атаманова глаза,
Брови черные нависли,
Собирается гроза...

«Эх, кормилица родная,
Волга-матушка, река!
Не видала ты подарков
От донского казака!..

Чтобы не было зазорно
Перед вольными людьми,
Перед вольною рекою, —
На, кормилица... возьми!»

Мощным взмахом поднимает
Полоненную княжну
И, не глядя, прочь кидает
В набежавшую волну...

«Что затихли, удалые?..
Эй ты, Фролка-черт, пляши!..
Грянь, ребята, хоровую
За помин ее души!..»

1883

А. А. ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ (1848—1913)

* * *

Бушует буря, ночь темна,
Внимаю ветра завыванья.
Он, как бродяга, у окна
Стучит и просит подаянья.

Отдам ему свою печаль,
Печаль, что в сердце тайно тлеет, —
Пусть в поле он ее развеет
И унесет с собою вдаль!

1877

* * *

Прошумели весенние воды,
Загремели веселые грозы,
В одеяньях воскресшей природы
Расцвели гиацинты и розы.

Принеслись от далеких поморий
Перелетные певчие птицы;
В небесах светлоокие зори
Во всю ночь не смыкают зеницы.

Но и в бледной тиши их сияний
Внятен жизни таинственный лепет,
Внятны звуки незримых лобзаний
И любви торжествующей трепет.

Пробудись же в сердцах, умиленье,
Расступись, мрак печали угрюмый,
Прочь гнетущее душу сомненье,
Прочь недобрые, зимние думы!

Сердце полно живительной веры
В эти громы победной природы,
В эти песни о счастье без меры,
В эти зори любви и свободы!

1884

Д. Н. ЦЕРТЕЛЕВ
(1852—1911)

* * *

Гаснет закат. Мой челнок над уснувшей рекою
Тихо скользит, все безмолвно кругом;
Слышу я только, как рыба всплеснется порою
Или камыш прошуршит под веслом.

А надо мною сквозь сумрак густеющей ночи
Звезды несчетные ярко горят,
И, под веслом отражаясь, небесные очи
В искрах серебряной зыби дрожат.

Снова воскресли забытые долго виденья,
Снова встают золотые мечты,
Шепчут мне яркие звезды: «Напрасны сомненья,
Все, чего жаждешь, изведаешь ты.

Там, в этой бездне, где нет ни годов, ни мгновений,
Все, что прошло уже, все, что придет,
Все, что скользит над землей, как минутные тени,
Вечно в мерцании нашем живет».

1886

О. Н. ЧЮМИНА
(1858—1909)

ПРОБУЖДЕНИЕ ВЕСНЫ

1

Тревожны вешние закаты!
Горит румянцем талый снег,
Горят сердца у нас, объяты
Воспоминаньем вешних нег.

Из дивных градов затонувших
Несется звон колоколов,
Так отголоском дней минувших
Звучит напев знакомых слов.

Они волнуют, вызывают
Из душных комнат на крыльцо
И легким ветром обвевают
Разгоряченное лицо.

В них слышится напоминанье
О светлых мыслях и делах,
Как в поэтическом сказанье
О слышанных в ночном молчанье
На дне морском колоколах!

2

Как лепестки акаций белые
Весной от ветра облетают,
Снежинки легкие, несмелые
Кружатся в воздухе и тают.

Исходит трепет пробуждения
И веет влагой от проталин,
Звон капель в мерном их падении —
И переливчат, и хрустален.

И те же звоны переливные
В прозрачном воздухе роятся,
Ручьи весенние, призывные,
С победной песнею струятся!

С последними лучами алыми
Земля седую сбросит дрему,
И твердь лучами вспыхнет алыми
Навстречу солнцу золотому!

3

Прилетели сюда из цветущей земли,
Высоко в небесах пронеслись журавли.

Прилетел ветерок из свободной земли,
Всколыхнул паруса, понеслись корабли.

Он снега растопил, и по лику земли,
Словно теплые слезы, ручьи потекли.

И звенят ручейки о лучах, о тепле
И о том, как светла станет жизнь на земле,

Как ворвется в окно вольный ветер степей
И растопит, как снег, он железо цепей,

И навстречу ему встрепенутся сердца,
И цветы расцветут на могиле борца.

1907

В ТУМАНЕ

Густой туман, как саван желтоватый,
Над городом повис — ни ночь, ни день!
Свет фонарей — дрожащий, красноватый —
Могильную напоминает сень.

В тумане влажном сдавленно и глухо
Звучат шаги и голоса людей,
И позади тревожно ловит ухо
Горячее дыханье лошадей.

Под инеем — ряд призраков туманных —
Стоят деревья белые в саду;
Меж призраков таких же безымянных
В толпе людей я как во сне иду.

И хочется, как тяжкий сон кошмарный,
Тумана влажный саван отряхнуть,
Чтоб сумерки сменил день лучезарный
И ясно вновь могли мы видеть путь.

1907

П. Д. БУТУРЛИН
(1859—1895)

СЕРЫЙ СОНЕТ

Вчера с вечернею зарей,
С последней, красной вспышкой света,
В зловещих тучах над землей
Печально умирало лето,

И осень с бледною луной
Взошла — и пел ей до рассвета,
Всю ночь, в листве еще густой
Изменник-ветер песнь привета.

Сегодня в небе нет лучей,
И дождь, дождь льется безнадежно,
Как слезы скорбных матерей!

И в этой тихой мгле безбрежной,
Смотри, к краям весны мятежной
Летит станица журавлей!

1893

* * *

...Безбрежность дали, русской дали,
О, как ты странно хороша!
Тебя, светлее светлой стали,
Однообразнее печали,
Как любит русская душа.
У волн блестящих океанов
Иль на горах, где средь туманов
Мир еле виден и мольбе
Доступней, мнится, царь творенья, —
В порывах страстного томленья
Она тоскует по тебе,
О даль родимых кругозоров,
Где нет преград для жадных взоров,
Где ширь небес и ширь полей
В одной сливаются лазури,
Где место есть для всех лучей
И есть раздолье всякой буре!

1890

С. Ф. РЫСКИН
(1860—1895)

УДАЛЕЦ

Живет моя зазноба в высоком терему;
В высокий этот терем нет ходу никому;
Но я нежданным гостем — настанет только ночь —
К желанной во светлицу пожаловать не прочь!
Без шапки-невидимки пройду я в гости к ней!
Была бы только ночка сегодня потемней!..

При тереме, я знаю, есть сторож у крыльца,
Но он не остановит детину-удальца:
Короткая расправа с ним будет у меня —
Не скажет он ни слова, отведав кистеня!
Эх, мой кистень страшнее десятка кистеней!
Была бы только ночка сегодня потемней!..

Войду тогда я смело и быстро на крыльцо;
Забрякает у двери железное кольцо;
И выйдет мне навстречу, и хилый и седой,
Постылый муж зазнобы, красотки молодой,
И он не загородит собой дороги к ней!
Была бы только ночка сегодня потемней!..

Войдет тогда к желанной лихая голова,
Промолвит: будь здорова, красавица вдова!
Бежим со мной скорее, бежим, моя краса,
Из терема-темницы в дремучие леса!
Бежим — готова тройка лихих моих коней!
Была бы только ночка сегодня потемней!

Едва перед рассветом рассеется туман,
К товарищам с желанной примчится атаман;
И будет пир горою тогда в густом лесу,
И удалец женою возьмет себе красу;
Он скажет: не увидишь со мной ты черных дней!
Была бы только ночка сегодня потемней!..

1882

М. И. ОЖЕГОВ
(1860—Н)

* * *

Меж крутых бережков
Волга-речка течет,
А на ней, по волнам,
Легка лодка плывет.

В ней сидел молодец,
Шапка с кистью на нем.
Он с веревкой в руках
Волны резал веслом.

Он ко бережку плыл,
Лодку вмиг привязал,
Сам на берег взошел,
Соловьем просвистал.

А на береге том
Высок терем стоял,
В нем красотка жила,
Он ее вызывал.

Одинокой она
Растворила окно,
Приняла молодца
По веревке умно.

Ночку всю пировал
С ненаглядной душой,
Утром рано с зарей
Возвращался домой.

Муж красавицы был
Воевода лихой,
Молодца повстречал
Он в саду над рекой.

Долго бились они
На крутом берегу,
Не хотел уступить
Воевода врагу.

Но последний удар
Их судьбу порешил
И конец их вражде
Навсегда положил.

Волга в волны свои
Молодца приняла,
По реке, по волнам
Шапка с кистью плыла.

1870-е годы

П. Ф. ЯКУБОВИЧ
(1860—1911)

* * *

Ярко небо стран далеких,
Но затмить оно не в силах
Красоту небес родимых,
Полинялых и унылых!

И отдаст больное сердце
Все созвучья в поднебесной
За шуршание осоки
В речке мшистой и безвестной.

Красотой, довольством, счастьем
Сторона цветет чужая,
Но милей в своих лохмотьях
И слезах страна родная!

1886

ОБЛАКО

Сегодня наш рудник весь потонул в цветах!
Толпа колодников, обритых и в цепях,
Вперив еще раз вдаль тоскующие взоры,
Вздыхая и кряхтя, в свои вползает норы.
Безрадостный приют неволи и труда!
С обледенелых стен ручьем бежит вода;
Спускаясь в полутьме, о мокрые ступени
Скользит нога... Склонись по-рабски
на колени —
И в каменную грудь бессмысленно стучи!
А сердце гордое безропотно молчи!..

На вольный божий свет я вышел из могилы,
От холода дрожа, озлобленный, унылый,
И ненавистным все нашел опять вокруг —
Всей этой красоты бездушной ликованье,
Природы наглый блеск перед лицом страданья,
И ароматный лес, и гор зеленых круг...

Но вдруг — там, в вышине, в лазури чистой утра, —
Невольно взор маня причудливой игрой,
С каймой из золота обломок перламутра,
От юга облачко промчалось с быстротой.
И в душу брызнул свет поэзии забытой,
И сердце мертвое мгновенно расцвело.
— О, что тебя в наш край суровый занесло,
Чудесный гость весны? Порыв ли бурь
сердитый,
Или бродячий нрав? Из Ганга ль светлых вод,

Из темных ли пучин ты вышло океана?
Отчизну знойную, где рай земной цветет,
Скажи, успело ль ты забыть в стране тумана?
Но вот нахмурился твой лучезарный лик,
Ты дрогнуло и ввысь испуганно вспорхнуло!
Огонь цветов померк... Еще блаженный миг —
И утра дивное виденье потонуло.
Не ужаснулось ли ты вида наших мук,
Свирепости людской, безумья и позора?
В мысль не пришло ль тебе, что от бездушных
рук
Не скроешься и ты, любимица простора?..

— Прости, краса небес! Минутный гость, прости!
Спасибо и за то: волшебный сон свободы
Ты пробудил во мне... счастливого пути
В счастливую страну, где ясен пир природы!
Ты побывай и там, в краю весны моей,
Где милая моя печально увядает,
Где в зелени садов рокочет соловей
Про счастье и любовь и синий Днестр сверкает.
Шепни ей с ветерком, который мчит тебя,
Что прошлое отнять у нас бессильны годы,
Что все я верен ей, что все я жду, любя:
Затворы упадут — и грянет весть свободы!

1892

С. Я. НАДСОН
(1862—1887)

* * *

Осень, поздняя осень!.. Над хмурой землею
Неподвижно и низко висят облака;
Желтый лес отуманен свинцовою мглою,
В желтый берег без умолку бьется река...
В сердце — грустные думы и грустные звуки,
Жизнь, как цепь, как тяжелое бремя, гнетет,
Призрак смерти в тоскующих грезах встает,
И позорно упали бессильные руки...

Это чувство — знакомый недуг: чуть весна
Ароматно повеет дыханием мая,
Чуть проснется в реке голубая волна
И промчится в лазури гроза молодая,
Чуть в лесу соловей про любовь и печаль
Запоет, разгоняя туман и ненастье, —
Сердце снова запросится в ясную даль,
Сердце снова поверит в далекое счастье...

Но скажи мне, к чему так ничтожно оно,
Наше сердце, — что даже и мертвой природе
Волновать его чуткие струны дано,
И то к смерти манить, то к любви и свободе?..
И к чему в нем так беглы любовь и тоска,
Как ненастной и хмурой осенней порою
Этот белый туман под свинцовой рекою
Или эти седые над ней облака?

1881—1882

ВЕСЕННЯЯ ЗОРЬКА

Над прудом и садом, рощей и полями
Знойно разметалась ночка голубая,
И во мраке ночи бледными лучами
Тихо догорает зорька золотая.
Приглядись: в ней, кроткой, тихой и отрадной, —
Узенькой полоске в море небосклона, —
Красота и прелесть ночи непроглядной,
Тайна мягких красок и прозрачность тона,
С нею мрак не страшен — он не мрак могилы
Без надежд и мысли, радости и муки, —
С ней яснее видны жизненные силы,
С ней яснее слышны жизненные звуки.
Что была б без зорьки эта даль немая,
Этот пруд, неровно тронутый сияньем?..

1881

К. М. ФОФАНОВ
(1862—1911)

ОСЕНЬ

День осенний, день унылый
Сеет мглою и дождем,
И разрытою могилой
Пахнет в воздухе сыром...

Как больной глядит сквозь слезы
Опечалившийся день —
На поникшие березы,
На опавшую сирень...

Хмель засох вокруг беседки,
И летят со всех сторон
На обветренные ветки
Стаи черные ворон...

В их тревоге торопливой,
В резком крике слышны мне
Смех над долею счастливой
И укор былой весне...

1892

* * *

Как будто раннею весною,
В дни поздней осени — светло.
Озер прозрачное стекло
Блестит румяной синевою.

Лучи последние свои
Закат в полях роняет косо,
И вдоль промерзлой колеи
Стучат трескучие колеса...

Последний блеск, последний шум
В дыханьи осени так внятен,
Холодный воздух так угрюм
И так спокойно ароматен, —

Что сердце в чуткой тишине
Предсмертным снам природы внемлет
И, очарованное, дремлет,
Весну почуяв в полусне...

Январь 1898

И. Ф. АННЕНСКИЙ
(1856—1909)

В ДОРОГЕ

Перестал холодный дождь,
Сизый пар по небу вьется,
Но на пятна нив и рощ
Точно блеск молочный льется.

В этом чаяньи утра
И предчувствии мороза
Как у черного костра
Мертвы линии обоза!

Жеребячий дробный бег,
Пробы первых свистов птичьих
И кошмары снов мужичьих
Под рогожами телег.

Тошно сердцу моему
От одних намеков шума:
Все бы молча в полутьму
Уводила думу дума.

Не сошла и тень с земли,
Уж в дыму овины тонут,
И с бадьями журавли [1],
Выпрямляясь, тихо стонут.

Дед идет с сумой и бос,
Нищета заводит повесть:
О, мучительный вопрос!
Наша совесть... Наша совесть...

СНЕГ

Полюбил бы я зиму,
Да обуза тяжка...
От нее даже дыму
Не уйти в облака.

Эта резанность линий,
Этот грузный полет,
Этот нищенский синий
И заплаканный лед!

Но люблю ослабелый
От заоблачных нег —
То сверкающе белый,
То сиреневый снег...

И особенно талый,
Когда, выси открыв,
Он ложится усталый
На скользящий обрыв,

Точно стада в тумане
Непорочные сны —
На томительной грани
Всесожженья весны.

[1] На колодцах.

А. Н. БУДИЩЕВ
(1866—1916)

НА РОДИНЕ

Бледно-синий, сияющий купол небес,
И зеленых полей необъятный простор,
И кудрявой листвой опрокинутый лес
В задремавших водах неглубоких озер,
И с копнами снопов золотистых гумно,
И чета невысоких ракит у плетня...
Все, до травки последней, знакомо давно,
Все пахнуло приветом родным на меня.
Словно после болезни, усталый от мук,
Возвратился я к матери милой под кров,
Словно в вражеском стане, раскинутом вкруг,
Я любимого друга узнал средь врагов.
И с улыбкой к нему я навстречу бегу,
И спешу по лицу прочитать о былом,
И гляжу, и очей оторвать не могу,
И сказать не умею о счастье моем!..

1891

* * *

Словно в саване дремлют туманом одетые пашни,
Как на море маяк, в синем небе сияет луна,
Эта тихая ночь лепит тучи в волшебные башни
И о чем-то грустит, и тиха, и робка, и бледна.

Как отравой она жаждой счастья меня опоила
И сулит мне раскрыть все заветные тайны небес,
Эта тихая ночь, как знахарка, меня исцелила,
Эта тихая ночь вся полна, словно сказка, чудес.

Сколько звезд золотых зажигает мне небо господне,
Сколько новых цветов распустилось в зеленом саду,
И какие желанья меня посетили сегодня,
И какие виденья приснились мне в жарком бреду.

Пусть меня эта ночь, как мираж средь пустыни,
обманет,
За минутный восторг я прощу ей коварную ложь,
Чем душистей цветок, тем скорее он к осени вянет,
И какого вина без отравы похмелья испьешь?..

1891

* * *

Только вечер затеплится синий,
Только звезды зажгут небеса
И черемух серебряный иней
Уберет жемчугами роса,

Отвори осторожно калитку
И войди в тихий садик, как тень,
Да надень потемнее накидку,
И чадру на головку надень.

Там, где гуще сплетаются ветки,
Я незримо, неслышно пройду
И на самом пороге беседки
С милых губок чадру отведу...

1909

П. С. СОЛОВЬЕВА
(1867—1924)

* * *

Нет движенья в горах, все замолкло и спит
Под сверкающим снежным ковром,
Только горный поток, не смолкая, шумит
И рыдает и ночью, и днем.

Всюду стелет зима ледяной свой покров
И с потоком вступает в борьбу,
Но он рвется, мятежный, из тяжких оков,
Громко ропщет на жизнь и судьбу.

И несется средь скал и угрюмых камней,
Нарушая их мертвый покой,
И поет им, что нет ни преград, ни цепей
Всем бесстрашным с могучей душой.

И разносится песня во мраке долин,
Пробуждая от мертвого сна,
А навстречу потоку с лазурных вершин
Улыбаясь нисходит весна.

1896

ЗИМНЕЮ ДОРОГОЙ

Морозная ночь... Отлетает клубами
Дыханье усталых коней,
Далекое небо мерцает звезда́ми,
И скрип раздается саней.
Я еду, и сны, пролетая незримо,
Меня задевают крылом;
Мне чудится кто-то далекий, любимый;
Повеяло прежним теплом.
Опять невозможное яркой зарею
Над сумраком жизни горит;
Я жадно, как прежде, внимаю душою
Всему, что оно говорит.
А звезды далеко и тускло мерцают,
Мороз все сильней и сильней...
Седыми клубами во мрак улетает
Дыханье усталых коней.

1900

А. А. КОРИНФСКИЙ
(1868—1937)

В ПОЛЯХ

1

Еду я, еду... Везде предо мной
Чахлые нивы родимые
Стелются мертвенно-бледной волной,
Солнца лучами палимые...
Колос пустой от межи до межи
Перекликается с колосом;
Чудится: кто-то над волнами ржи
Стонет пронзительным голосом...
Слышится ропот тревоги больной,
Слышатся слезы смирения, —
Это рыдает над нивой родной
Гений труда и терпения!..

2

Чутко дремлет в полях недожатая рожь,
С нетерпеньем жнецов дожидается;
Побурел-пожелтел шелковистый овес,
Точно пьяный от ветру шатается.
Нарядилась гречиха в цветной сарафан
И белеет над горными скатами...
Ветерок, пробегая хлебами, шумит:
«Будем золотогресть мы лопатами!..»
Солнце красное сыплет над грудью земли,
Над рабочею ратью могучею,
Золотые снопы искрометных лучей,
Ни на миг не скрываясь за тучею...
Улыбается солнце... До ясных небес
С нивы песня доносится женская...
Улыбается солнце и шепчет без слов:
«Исполать тебе, мощь деревенская!..»

25 мая 1892

ЖИГУЛИ

...Жигули, Жигули!..
И — опять предо мной
К облакам вознесли
Горы лес вековой.

Взоры верхом скользят —
От скалы до скалы,
Где лишь тучки парят
Да ширяют орлы.

Люб им Волги простор —
Белопенная гладь.
Зеленеющих гор
Красота-благодать.

Здесь пред ними встает
За курганом курган,
Где (гуторит народ)
«Думу думал Степан»,

Где бессудным судьей
Разин правил свой суд,
Где о воле родной
Бури песни поют...

Июнь 1896

А. М. ФЕДОРОВ
(1868—1949)

В БАШКИРСКОЙ СТЕПИ

1

Ковыль цветет. Вся степь как бы седая.
Я еду вдаль... Куда ни посмотрю —
Везде простор без грани и без края,
И все поет, цветет, благоухая,
Как гурию, приветствуя зарю.

Я опьянен. Иль вижу въяве диво?
Иль грезит степь былым передо мной?
Арабский конь промчался горделиво:
То Зюлькарнейн ведет полки спесиво, —
Но мирный скиф отхлынул пред войной.

Войска прошли. Опять игра тумана:
Чудь... Половцы... Биармии орда...
Как сонмы туч, как волны океана,
Колышутся обозы Тамерлана,
Звенят мечи, кровь льется как вода.

Кричат орлы. Зловещий ворон стонет...
Туман исчез, и даль опять светла.
Но кто там вновь? Иль ветер тучу гонит?
Иль снова степь кого-нибудь хоронит?
То Русь идет... Гудят колокола...

Очнулся я... Волшебств исчезла сила.
Передо мной беспечно степь цветет.
Немой курган, безвестная могила...
Лишь о минувшей вольности уныло
Башкир-ямщик тоскует и поет.

2

Какая даль! Какой простор!
В степи, как в небе, тонет взор,
И мысль летит за ним вослед,
И ей нигде преграды нет.

Кругом зеленый океан.
На нем — волной застыл курган,
И всюду, пеной бурных вод,
Ковыль серебряный цветет.

Порою, с ветром наравне,
Башкир промчится на коне...
Стада овец, обоза цепь,
Аул... А там — все та же степь,

Все та же ширь, все та же даль,
Все тех же рек живая сталь...

Здесь царство ясной тишины.
Здесь ложе северной весны.

Д. П. ШЕСТАКОВ
(1869—1937)

ВЛАДИВОСТОКСКИЕ ЯМБЫ

1

Не говори: уж все воспето;
Смотри, как тих морской залив,
Смотри, в какую бездну света
Вон тот свергается обрыв.
И так легко, неуловимо
Созвучье неба и земли,
Что разве б арфой серафима
Мы повторить его могли.

14 августа 1925

2

Порой взамен беспечной неги
Свирепо заревет тайфун
И в стройный хор живых элегий
Ворвется хаос диких струн —
В такой безумной схватке фурий,
С таким стремленьем сокрушить,
Как будто ты, страна лазури,
Еще не бросила творить.

10 сентября 1928

3

Какая тишина и нежность,
Как далеко от пылких бурь.
Забыта ты, весны мятежность,
И лета знойная лазурь.
Уж утром медленно и строго
Встает неяркая заря,
И шепчет сердцу много-много
Усталый сумрак сентября.

1928

И. А. БУНИН
(1870—1953)

* * *

Бушует полая вода,
Шумит и глухо, и протяжно.
Грачей пролетные стада
Кричат и весело, и важно.

Дымятся черные бугры,
И утром в воздухе нагретом
Густые белые пары
Напоены теплом и светом.

А в полдень лужи под окном
Так разливаются и блещут,
Что ярким солнечным пятном
По залу «зайчики» трепещут.

Меж круглых рыхлых облаков
Невинно небо голубеет,
И солнце ласковее греет
В затишье гумен и дворов.

Весна, весна! И все ей радо.
Как в забытьи каком стоишь
И слышишь свежий запах сада
И теплый запах талых крыш.

Кругом вода журчит, сверкает,
Крик петухов звучит порой,
А ветер, мягкий и сырой,
Глаза тихонько закрывает.

1892

ЛИСТОПАД

Лес, точно терем расписной,
Лиловый, золотой, багряный,
Веселой, пестрою стеной
Стоит над светлою поляной.

Березы желтою резьбой
Блестят в лазури голубой,
Как вышки, елочки темнеют,
А между кленами синеют
То там, то здесь, в листве сквозной,
Просветы в небо, что оконца.
Лес пахнет дубом и сосной,
За лето высох он от солнца,

И Осень тихою вдовой
Вступает в пестрый терем свой.

Сегодня на пустой поляне,
Среди широкого двора,
Воздушной паутины ткани
Блестят, как сеть из серебра.
Сегодня целый день играет
В дворе последний мотылек
И, точно белый лепесток,
На паутине замирает,
Пригретый солнечным теплом;
Сегодня так светло кругом,
Такое мертвое молчанье
В лесу и в синей вышине,
Что можно в этой тишине
Расслышать листика шуршанье.
Лес, точно терем расписной,
Лиловый, золотой, багряный,
Стоит над солнечной поляной,
Завороженный тишиной;
Заквохчет дрозд, перелетая
Среди подседа, где густая
Листва янтарный отблеск льет;
Играя, в небе промелькнет
Скворцов рассыпанная стая —
И снова все кругом замрет.

Последние мгновенья счастья!
Уж знает Осень, что такой
Глубокий и немой покой —
Предвестник долгого ненастья.
Глубоко, странно лес молчал
И на заре, когда с заката
Пурпурный блеск огня и злата
Пожаром терем освещал.
Потом угрюмо в нем стемнело.
Луна восходит, а в лесу
Ложатся тени на росу...
Вот стало холодно и бело
Среди полян, среди сквозной
Осенней чащи помертвелой,
И жутко Осени одной
В пустынной тишине ночной.

Теперь уж тишина другая:
Прислушайся — она растет,
А с нею, бледностью пугая,
И месяц медленно встает.
Все тени сделал он короче,
Прозрачный дым навел на лес
И вот уж смотрит прямо в очи
С туманной высоты небес.
О, мертвый сон осенней ночи!
О, жуткий час ночных чудес!
В сребристом и сыром тумане
Светло и пусто на поляне;
Лес, белым светом залитой,

Своей застывшей красотой
Как будто смерть себе пророчит;
Сова и та молчит: сидит
Да тупо из ветвей глядит,
Порою дико захохочет,
Сорвется с шумом с высоты,
Взмахнувши мягкими крылами,
И снова сядет на кусты
И смотрит круглыми глазами,
Водя ушастой головой
По сторонам, как в изумленьи;
А лес стоит в оцепененьи,
Наполнен бледной, легкой мглой
И листьев сыростью гнилой...

Не жди: наутро не проглянет
На небе солнце. Дождь и мгла
Холодным дымом лес туманят, —
Недаром эта ночь прошла!
И Осень затаит глубоко
Все, что она пережила
В немую ночь, и одиноко
Запрется в тереме своем:
Пусть бор бушует под дождем,
Пусть мрачны и ненастны ночи
И на поляне волчьи очи
Зеленым светятся огнем!
Лес, точно терем без призора,
Весь потемнел и полинял,
Сентябрь, кружась по чащам бора,
С него местами крышу снял
И вход сырой листвой усыпал;
А там зазимок ночью выпал
И таять стал, все умертвив...

Трубят рога в полях далеких,
Звенит их медный перелив,
Как грустный вопль, среди широких
Ненастных и туманных нив.
Сквозь шум деревьев, за долиной,
Теряясь в глубине лесов,
Угрюмо воет рог туриный,
Скликая на добычу псов,
И звучный гам их голосов
Разносит бури шум пустынный.
Льет дождь, холодный точно лед,
Кружатся листья по полянам,
И гуси длинным караваном
Над лесом держат перелет.
Но дни идут. И вот уж дымы
Встают столбами на заре,
Леса багряны, недвижимы,
Земля в морозном серебре,
И в горностаевом шугае,
Умывши бледное лицо,
Последний день в лесу встречая,
Выходит Осень на крыльцо.
Двор пуст и холоден. В ворота,

Среди двух высохших осин,
Видна ей синева долин
И ширь пустынного болота,
Дорога на далекий юг:
Туда от зимних бурь и вьюг,
От зимней стужи и метели
Давно уж птицы улетели;
Туда и Осень поутру
Свой одинокий путь направит
И навсегда в пустом бору
Раскрытый терем свой оставит.

Прости же, лес! Прости, прощай,
День будет ласковый, хороший,
И скоро мягкою порошей
Засеребрится мертвый край.
Как будут странны в этот белый,
Пустынный и холодный день
И бор, и терем опустелый,
И крыши тихих деревень,
И небеса, и без границы
В них уходящие поля!
Как будут рады соболя,
И горностаи и куницы,
Резвясь и греясь на бегу
В сугробах мягких на лугу!
А там, как буйный пляс шамана,
Ворвутся в голую тайгу
Ветры из тундры, с океана,
Гудя в крутящемся снегу
И завывая в поле зверем.
Они разрушат старый терем,
Оставят колья и потом
На этом острове пустом
Повесят инеи сквозные,
И будут в небе голубом
Сиять чертоги ледяные
И хрусталем и серебром.
А в ночь, меж белых их разводов,
Взойдут огни небесных сводов,
Заблещет звездный щит Стожар —
В тот час, когда среди молчанья
Морозный светится пожар,
Расцвет Полярного Сиянья!

1900

В. Я. БРЮСОВ
(1873—1924)

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Серебро, огни и блестки, —
Целый мир из серебра!
В жемчугах горят березки,
Черно-голые вчера.

Это — область чьей-то грезы,
Это — призраки и сны!
Все предметы старой прозы
Волшебством озарены.

Экипажи, пешеходы,
На лазури белый дым,
Жизнь людей и жизнь природы
Полны новым и святым.

Воплощение мечтаний,
Жизни с грезою игра,
Этот мир очарований,
Этот мир из серебра!

21 января 1895

ВЕСНОЙ

Не в первый раз твои поля
Обозреваю я, Россия;
Чернеет взрытая земля,
Дрожат, клонясь, овсы тугие
И, тихо листья шевеля,
Берез извилины родные.

Вот косогор, а вот река,
За лесом — вышка колокольни;
Даль беспредельно широка,
Простор лугов, что шаг, раздольней;
Плывут неспешно облака,
Так высоко над жизнью дальней.

Вы неизменны, дали нив,
Где свежий колос нежно зреет!
Сон пашни новой, ты красив,
Тебя встающий день лелеет!
И с неба радостный призыв
Опять в весеннем ветре веет.

Да, много ты перенесла,
Россия, сумрачной невзгоды,
Пока, алея, не взошла
Заря сознанья и свободы!
Но сила творчества — светла
В глубоких тайниках природы.

Нет места для сомнений тут,
Где вольны дали, глуби сини,
Где васильки во ржи цветут,
Где запах мяты и полыни,
Где от начала бодрый труд
Был торжествующей святыней.

7 июня 1920

А. А. БЛОК
(1880—1921)

* * *

Несбыточное грезится опять.

Фет

Еще бледные зори на небе,
Далеко запевает петух.
На полях в созревающем хлебе
Червячок засветил и потух.

Потемнели ольховые ветки,
За рекой огонек замигал.
Сквозь туман чародейный и редкий
Невидимкой табун проскакал.

Я печальными еду полями,
Повторяю печальный напев.
Невозможные сны за плечами
Исчезают, душой овладев.

Я шепчу и слагаю созвучья —
Небывалое в думах моих.
И качаются серые сучья,
Словно руки и лица у них.

17 ноября 1902

ОСЕННЯЯ ВОЛЯ

Выхожу я в путь, открытый взорам,
Ветер гнет упругие кусты,
Битый камень лег по косогорам,
Желтой глины скудные пласты.

Разгулялась осень в мокрых долах,
Обнажила кладбища земли,
Но густых рябин в проезжих селах
Красный свет зареет издали́.

Вот оно, мое веселье, пляшет
И звенит, звенит, в кустах пропав!
И вдали, вдали призывно машет
Твой узорный, твой цветной рукав.

Кто взманил меня на путь знакомый,
Усмехнулся мне в окно тюрьмы?
Или — каменным путем влекомый
Нищий, распевающий псалмы?

Нет, иду я в путь никем не званый,
И земля да будет мне легка!
Буду слушать голос Руси пьяной,
Отдыхать под крышей кабака.

Запою ли про свою удачу,
Как я молодость сгубил в хмелю...
Над печалью нив твоих заплачу,
Твой простор навеки полюблю...

Много нас — свободных, юных, статных —
Умирает, не любя...
Приюти ты в далях необъятных!
Как и жить и плакать без тебя!

Июль 1905. Рогачевское шоссе

НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

Река раскинулась. Течет, грустит лениво
И моет берега.
Над скудной глиной желтого обрыва
В степи грустят стога.

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
Наш путь — стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь.

Наш путь — степной, наш путь — в тоске безбрежной,
В твоей тоске, о, Русь!
И даже мглы — ночной и зарубежной —
Я не боюсь.

Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами
Степную даль.
В степном дыму блеснет святое знамя
И ханской сабли сталь...

И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль...

И нет конца! Мелькают версты, кручи...
Останови!
Идут, идут испуганные тучи,
Закат в крови!

Закат в крови! Из сердца кровь струится!
Плачь, сердце, плачь...
Покоя нет! Степная кобылица
Несется вскачь!

7 июня 1908

РОССИЯ

Опять, как в годы золотые,
Три стертых треплются шлеи,
И вязнут спицы расписные
В расхлябанные колеи...

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые —
Как слезы первые любви!

Тебя жалеть я не умею,
И крест свой бережно несу...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!

Пускай заманит и обманет, —
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...

Ну, что ж? Одной заботой боле —
Одной слезой река шумней,
А ты все та же — лес, да поле,
Да плат узорный до бровей...

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснет в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,
Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика!..

18 октября 1908

А. Н. БЕЛЫЙ (1880—1934)

ВЕСНА

Все подсохло. И почки уж есть.
Зацветут скоро ландыши, кашки.
Вот плывут облачка, как барашки.
Громче, громче весенняя весть.

Я встревожен назойливым писком:
подоткнувшись, ворчливая Фекла,
нависая над улицей с риском,
протирает оконные стекла.

Тут известку счищают ножом...
Тут стаканчики с ядом... Тут вата...
Грудь апрельским восторгом объята.
Ветер пылью крутит за окном.

Окна настежь — и крик, разговоры,
и цветочный качается стебель,
и выходят на двор полотеры
босиком выколачивать мебель.

Выполз кот и сидит у корытца,
умывается бархатной лапкой.
Вот мальчишка в рубашке из ситца,
пробежав, запустил в него бабкой.

В небе свет предвечерних огней.
Чувства снова, как прежде, огнисты.
Небеса все синей и синей,
облачка, как барашки, волнисты.

В синих далях блуждает мой взор.
Все земные стремленья так жалки...
Мужичонка в опорках на двор
с громом ввозит тяжелые балки.

1903. Москва

ТРОЙКА

Ей, помчались! Кони бойко
Бьют копытом в звонкий лед;
Разукрашенная тройка
Закружит и унесет.

Солнце, над равниной кроясь,
Зарумянится слегка.

В крупных искрах блещет пояс
Молодого ямщика.

Будет вечер: опояшет
Небо яркий багрянец.
Захохочет и запляшет
Твой валдайский бубенец.

Ляжет скатерть огневая
На холодные снега.
Загорится расписная
Золотистая дуга.

Кони встанут. Ветер стихнет.
Кто там встретит на крыльце?
Чей румянец ярче вспыхнет
На обветренном лице?

Сядет в тройку. Улыбнется.
Скажет: «Здравствуй, молодец...»
И опять в полях зальется
Вольным смехом бубенец.

Июнь 1904
Серебряный Колодезь

ЗИМА

М. А. Волошину

Снега синей, снега туманней;
Вновь освеженней дышим мы.
Люблю деревню, вечер ранний
И грусть серебряной зимы.

Лицо изрежет ветер резкий,
Прохлещет хладом в глубь аллей;
Ломает хрупкие подвески
Ледяных, звонких хрусталей.

Навеяв синий, синий иней
В стеклянный ток остывших вод,
На снежной, бархатной пустыне
Воздушный водит хоровод.

В темнеющее поле прыснет
Вечерний, первый огонек;
И над деревнею повиснет
В багровом западе дымок;

Багровый холод небосклона;
Багровый отблеск на реке...
Лениво каркнула ворона;
Бубенчик звякнул вдалеке.

Когда же в космах белых тонет
В поля закинутая ель,
Сребро метет, и рвет, и гонит
Над садом дикая метель, —

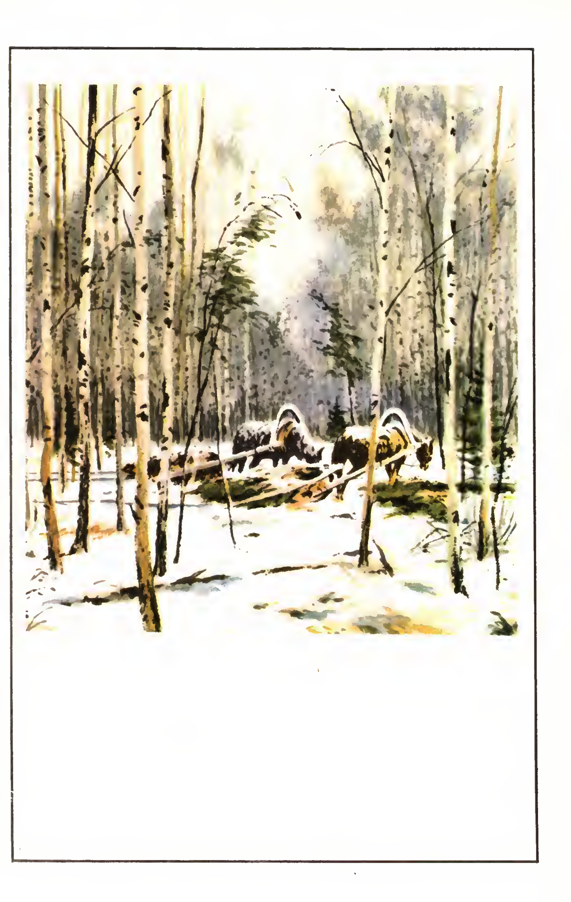
Пусть грудой золотых каменьев
Вскипит железный мой камин:
Средь пламенистых, легких звеньев
Трескучий прядает рубин.

Вновь упиваюсь, беспечальный,
Я деревенской тишиной;
В моей руке бокал хрустальный
Играет пеной кружевной.

Вдали от зависти и злобы
Мне жизнь окончить суждено.
Одни суровые сугробы
Глядят, как призраки, в окно.

Пусть за стеною, в дымке блеклой,
Сухой, сухой, сухой мороз, —
Слетит веселый рой на стекла
Алмазных, блещущих стрекоз.

1907. Петровское



П. В. ОРЕШИН (1887—1938)

НА РОДИНЕ

Не знаю, есть ли край чудесней
Того, в котором я живу,
Дышу снопом, и пенюсь песней,
И сон мой вижу наяву.

Ржаной мужик и пролетарий,
Москва и — вместе — Нью-Йорк.
И шум о тульском самоваре
Давно заглохнул и умолк.

Мы, правда, все еще потеем
За самоваром, но мечтой
Не раз сермяжная Россия
Вздохнет над новой красотой.

В гробах перевернутся предки,
Когда мы, светом дорожа,
Подвесим солнце в синей клетке
На подоконник, как чижа.

Ах, Нью-Йорк наш — на пороге.
Но нам Америкой не быть.
Свои задумала дороги
Ржаная ленинская сыть.

Им — небоскребы, нам —
в просторе
Мильоны изб, но изб таких,
Чтоб пели соловьями зори
И звезды с потолков стальных.

Схвачусь за голову: не тресни!
Свой сон ржаной не оборву.
И вряд приснится край чудесней
Того, в котором я живу!

1923

СЕРЕБРЯНЫЙ БОР

Люблю в веселые морозы
Проехать по лесу верхом,
Когда обмазаны березы
Как будто мерзлым молоком.

Хорош ты в зиму на закате,
Серебряный московский бор,
Когда тебя насквозь прохватит
Морозов северных задор!

По нерушимому обету
Любви не изменю грехом.
Но кто бы не хотел по свету
Взмыть на метелице верхом!

Молчит березовое море,
Заиндевел любой вихор.
И крикнуть хочется в задоре:
Хорош ты, подмосковный бор!

Но ты редеешь с каждым годом,
Не видно множества берез.
И густо льется горьким медом
Заря вечерняя в мороз.

И жалко мне, а сердцу ясно —
Да и чего скрывать беду? —
Вас всех порубят занапрасно
Вот в этом или в том году.

А я приду опять сюда же,
Под голубую тишину,
Замечу новую пропажу —
И пожалею, и вздохну.

Лихой поземкой заструится
Над головой вечерний свет.
И иней от последней птицы
Запорошит последний след.

1926

СОН БЕРЕЗ

Сон берез, задумчивый и тихий,
Синева, улыбка и покой.
Я иду по розовой гречихе,
Трогая глазами и рукой.

Я себе как будто бы не верю,
Что живу в приснившемся раю.
Но струятся облачные перья
На шальную голову мою.

За деревней яблони и груши
Падают румяным лепестком.
И поет мне ветер прямо в уши
Полевым заливчатым стихом.

Я ищу той песенки начало,
Но его и не было и нет.
Не пытай, что сказкой прозвучало,
Что не может вылиться в ответ!

Разве эти рощи и селенья
Сами за себя не говорят?
Над лесами алое кипенье,
Золотой тоскующий закат.

Разве мало говорят без слова
Эти нивы, пашни и плетни?
Лучше в душу края голубого
В тихий час поглубже загляни.

Там просторы солнца и гречихи,
Звон косы и песня за рекой.
Сон берез, задумчивый и тихий,
Марево, улыбка и покой.

1927

И. В. СЕВЕРЯНИН
(1887—1941)

В ИЮЛЕ

В полях созрел ячмень.
Он радует меня!
Брожу я целый день
По волнам ячменя.

Смеется мне июль,
Кивают мне поля.
И облако — как тюль,
И солнце жжет, паля.

Блуждаю целый день
В сухих волнах земли,
Пока ночная тень
Не омрачит стебли.

Спущусь к реке, взгляну
На илистый атлас;
Взгрустнется ли, — а ну,
А ну печаль от глаз.

Теперь ли тосковать,
Когда поспел ячмень?
Я всех расцеловать
Хотел бы в этот день!

Июль 1909

ТИШЬ ДВОЯКАЯ

Высокая стоит луна.
Высокие стоят морозы.
Далекие скрипят обозы.
И кажется, что нам слышна
Архангельская тишина.

Она слышна — она видна:
В ней всхлипы клюквенной трясины,
В ней хрусты снежной парусины,
В ней тихих крыльев белизна —
Архангельская тишина...

1929

А. А. АХМАТОВА
(1889—1966)

* * *

Цветов и неживых вещей
Приятен запах в этом доме.
У грядок груды овощей
Лежат, пестры, на черноземе.

Еще струится холодок,
Но с парников снята рогожа.
Там есть прудок, такой прудок,
Где тина на парчу похожа.

А мальчик мне сказал, боясь,
Совсем взволнованно и тихо,
Что там живет большой карась
И с ним большая карасиха.

1913

ВОРОНЕЖ

И город весь стоит оледенелый.
Как под стеклом деревья, стены, снег.
По хрусталям я прохожу несмело.
Узорных санок так неверен бег.
А над Петром воронежским — вороны,
Да тополя, и свод светло-зеленый,
Размытый, мутный, в солнечной пыли,
И Куликовской битвой веют склоны
Могучей победительной земли...
И тополя, как сдвинутые чаши,
Над нами сразу зазвенят сильней,
Как будто пьют за ликованье наше
На брачном пире тысячи гостей.

1936

ПРИМОРСКИЙ ПАРК ПОБЕДЫ

Еще недавно плоская коса,
черневшая уныло в невской дельте,
как при Петре, была покрыта мхом
и ледяною пеною омыта.

Скучали там две-три плакучих ивы,
и дряхлая рыбацкая ладья

в песке прибрежном грустио догнивала.
И буйный ветер гостем был единым
безлюдного и мертвого болота.

* * *

Но ранним утром вышли леиииградцы
бесчисленными толпами иа взморье.
И каждый посадил по деревцу
на той косе, и топкой и пустыииой,
на память о великом Дие Победы.

И вот сегодня — это светлый сад,
привольный, ясиый, под огромным иебом:
курчавятся и зацветают ветки,
жужжат шмели, и бабочки порхают,
и соком иаливаются дубки,
а лиственницы нежиые и липы
в спокойных водах тихого канала,
как в зеркале, любуются собой...
И там, где прежде парус одииокий
белел в серебряном тумаие моря, —
десятки быстрокрылых, легких яхт
иа воле тешатся...

Издалека
восторженные клики с стадиоиа
доносятся...
Да, это парк Победы.

1950

Н. Н. АСЕЕВ
(1889—1963)

ЗИМА

Прелесть утренней зимы!..
Дни стоят невыразимы,
снегу — хоть давай взаймы
всем другим бесснежным зимам.

Снег и снег, и ель в снегу —
в белых пачках — балериной,
снег зажется на лугу
ювелирною витриной.

Иней мечет жемчуга,
ветка вверх взметнется тенью,
и осыплются снега
театральным привиденьем.

Белый прах провьет столбом,
чтоб развеяться бесшумно,
в небе еле голубом
все безмолвно и бездумно...

На оградах, на столбах
шапки криво вздеты набок,
будто выпивший казак
спотыкался на ухабах.

Этот воздух, этот вид
можно пить не без опаски:
он действительно пьянит
замороженным шампанским!

1953

СНЕГИРИ

Тихо-тихо сидят снегири на снегу
меж стеблей прошлогодней крапивы;
я тебе до конца описать не смогу,
как они и бедны и красивы!

Тихо-тихо клюют на крапиве зерно, —
без кормежки прожить — не шутки! —
пусть крапивы зерно, хоть не сытно оно,
да хоть что-нибудь будет в желудке.

Тихо-тихо сидят на снегу снегири —
на головках бобровые шапочки;
у самца на груди отраженье зари,
скромно-серые перья на самочке.

Поскакали вприпрыжку один за другой
по своей подкрапивенской улице;
небо взмыло над ними высокой дугой,
снег последней поземкою курится.

И такая вокруг снегирей тишина,
так они никого не пугаются,
и так явен их поиск скупого зерна,
что понятно: весна надвигается!

1953

Б. Л. ПАСТЕРНАК
(1890—1960)

ИНЕЙ

Глухая пора листопада,
Последних гусей косяки.
Расстраиваться не надо:
У страха глаза велики.

Пусть ветер, рябину занянчив,
Пугает ее перед сном.
Порядок творенья обманчив,
Как сказка с хорошим концом.

Ты завтра очнешься от спячки
И, выйдя на зимнюю гладь,
Опять за углом водокачки
Как вкопанный будешь стоять.

Опять эти белые мухи,
И крыши, и святочный дед,
И трубы, и лес лопоухий
Шутом маскарадным одет.

Все обледенело с размаху
В папахе до самых бровей
И крадущейся росомахой
Подсматривает с ветвей.

Ты дальше идешь с недоверьем,
Тропинка ныряет в овраг.
Здесь инея сводчатый терем,
Решетчатый тес на дверях.

За снежной густой занавеской
Какой-то сторожки стена,
Дорога, и край перелеска,
И новая чаща видна.

Торжественное затишье,
Оправленное в резьбу,
Похоже на четверостишье
О спящей царевне в гробу.

И белому мертвому царству,
Бросавшему мысленно в дрожь,
Я тихо шепчу: «Благодарствуй,
Ты больше, чем просят, даешь».

ВЕСНА

Все нынешней весной особое.
Живее воробьев шумиха.
Я даже выразить не пробую,
Как на душе светло и тихо.

Иначе думается, пишется,
И громкою октавой в хоре
Земной могучий голос слышится
Освобожденных территорий.

Весеннее дыханье родины
Смывает след зимы с пространства
И черные от слез обводины
С заплаканных очей славянства.

Везде трава готова вылезти,
И улицы старинной Праги
Молчат, одна другой извилистей,
Но заиграют, как овраги.

Сказанья Чехии, Моравии
И Сербии с весенней негой,
Сорвавши пелену бесправия,
Цветами выйдут из-под снега.

Все дымкой сказочной подернется.
Подобно завиткам по стенам
В боярской золоченой горнице
И на Василии Блаженном.

Мечтателю и полуночнику
Москва милей всего на свете:
Он дома, у первоисточника
Всего, чем будет цвесть столетье.

М. И. ЦВЕТАЕВА
(1892—1941)

* * *

Сини подмосковные холмы,
В воздухе чуть теплом — пыль и деготь.
Сплю весь день, весь день смеюсь, —
должно быть,
Выздоравливаю от зимы.

Я иду домой возможно тише.
Ненаписанных стихов — не жаль!
Стук колес и жареный миндаль
Мне дороже всех четверостиший.

Голова до прелести пуста,
Оттого что сердце — слишком полно!
Дни мои, как маленькие волны,
На которые гляжу с моста.

Чьи-то взгляды слишком уж нежны
В нежном воздухе, едва нагретом...
— Я уже заболеваю летом,
Еле выздоровев от зимы.

13 марта 1915

* * *

Белое солнце и низкие, низкие тучи,
Вдоль огородов — за белой стеною — погост.
И на песке вереницы соломенных чучел
Под перекладинами в человеческий рост.

И, перевесившись через заборные колья,
Вижу: дороги, деревья, солдаты вразброд.
Старая баба — посыпанный крупною солью
Черный ломоть у калитки жует и жует...

Чем прогневили тебя эти серые хаты, —
Господи! — и для чего стольким простреливать
грудь?
Поезд прошел и завыл, и завыли солдаты,
И запылил, запылил отступающий путь...

— Нет, умереть! Никогда не родиться бы лучше,
Чем этот жалобный, жалостный, каторжный вой
О чернобровых красавицах. — Ох, и поют же
Нынче солдаты! О господи боже ты мой!

3 июля 1916

* * *

Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья.
Я родилась.

Спорили сотни
Колоколов.
День был субботний:
Иоанн Богослов.

Мне и доныне
Хочется грызть
Жаркой рябины
Горькую кисть.

16 августа 1916

В. В. МАЯКОВСКИЙ
(1893—1930)

КИЕВ

Лапы елок,
лапки,
лапушки...
Все в снегу,
а теплые какие!
Будто в гости
к старой,
старой бабушке
я
вчера
приехал в Киев.
Вот стою
на горке
на Владимирской.
Ширь вовсю —
не вымчать и перу!
Так
когда-то,
рассиявшись в выморозки,
Киевскую
Русь
оглядывал Перун.
А потом —
когда
и кто,
не помню толком,
только знаю,
что сюда вот
по льду,
да и по воде,
в порогах,
волоком —
шли
с дарами
к Диру и Аскольду.
Дальше
било солнце
куполам в литавры.
— На колени, Русь!
Согнись и стой. —
До сегодня
нас
Владимир гонит в лавры.
Плеть креста
сжимает
каменный святой.
Шли
из мест
таких,
которых нету глуше, —
прадеды,

прапрадеды
и пра пра пра!..
Много
всяческих
кровавых безделушек
здесь у бабушки
моей
по берегам Днепра.
Был убит
и снова встал Столыпин,
памятником встал,
вложивши пальцы в китель.
Снова был убит,
и вновь
дрожали липы
от пальбы
двенадцати правительств.
А теперь
встают
с Подола
дымы,
киевская грудь
гудит,
котлами грета.
Не святой уже —
другой,
земной Владимир
крестит нас
железом и огнем декретов.
Даже чуть
зарусофильствовал
от этой шири!
Русофильство,
да другого сорта.
Вот
моя
рабочая страна,
одна
в огромном мире.
— Эй!
Пуанкаре!
возьми нас?
Черта!
Пусть еще
последний,
старый батька
содрогает
плачем
лавры звонницы.
Пусть
еще
врезается с Крещатика
волчий вой:
«Даю-беру червонцы!»
Наша сила —
правда,
ваша —
лаврьи звоны.

Ваша —
дым кадильный,
наша —
фабрик дым.
Ваша мощь —
червонец,
наша —
стяг червонный.
Мы возьмем,
займем
и победим.
Здравствуй
и прощай, седая бабушка!
Уходи с пути!
скорее!
ну-ка!
Умирай, старуха,
спекулянтка,
набожка!
Мы идем —
ватага юных внуков!

1924

ПОСЛУШАЙТЕ!

Послушайте!
Ведь, если звезды зажигают —
значит — это кому-нибудь нужно?
Значит — кто-то хочет, чтобы они были?
Значит — кто-то называет эти плевочки
жемчужиной?
И, надрываясь
в метелях полуденной пыли,
врывается к богу.
боится, что опоздал,
плачет,
целует ему жилистую руку,
просит —
чтоб обязательно была звезда! —
клянется —
не перенесет эту беззвездную муку!
А после
ходит тревожный,
но спокойный наружно.
Говорит кому-то:
«Ведь теперь тебе ничего?
Не страшно?
Да?!»
Послушайте!
Ведь, если звезды
зажигают —
значит — это кому-нибудь нужно?
Значит — это необходимо,
чтобы каждый вечер
над крышами
загоралась хоть одна звезда?!

1914

КАНЦЕЛЯРСКИЕ ПРИВЫЧКИ

Я
два месяца
шатался по природе,
чтоб смотреть цветы
и звезд огнишки.
Таковых не видел.
Вся природа вроде
телефонной книжки.
Везде —
у скал,
на массивном грузе
Кавказа
и Крыма скалоликого,
на стенах уборных,
на небе,
на пузе
лошади Петра Великого,
от пыли дорожной
до гор,
где грозы
гремят,
грома потрясав, —
везде
отрывки стихов и прозы,
фамилии
и адреса.
«Здесь были Соня и Ваня Хайлов.
Семейство ело и отдыхало».
«Коля и Зина
соединили души».
Стрела
и сердце
в виде груши.
«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Комсомолец Петр Парулайтис».
«Мусью Гога,
парикмахер из Таганрога».
На кипарисе,
стоящем века,
весь алфавит:
а б в г д е ж з к
А у этого
от лазанья
талант иссяк.
Превыше орлиных зон
просто и мило:
«Исак
Лебензон».
Особенно
людей
винить не будем.
Таким нельзя
без фамилий и дат!
Всю жизнь канцелярствовали,
привыкли люди.

Они
и на скалу
глядят, как на мандат.
Такому,
глядящему
за чаем
с балконца,
как солнце
садится в чаще,
ни восход,
ни закат,
а даже солнце —
входящее
и исходящее.
Эх!
Поставь меня
часок
на место Рыкова,
я б
к весне
декрет железный выковал:
«По фамилиям
на стволах и скалах
узнать
подписавшихся малых.
Каждому
в лапки
дать по тряпке.
За спину ведра —
и марш бодро!
Подписавшимся
и Колям
и Зинам
собственные имена
стирать бензином.
А чтоб энергия
не пропадала даром,
кстати, и Ай-Петри
почистить скипидаром.
А кто
до того
к подписям привык,
что снова
к скале полез, —
у этого
навсегда
закрывается лик-
без».
Под декретом подпись
и росчерк броский —
Владимир Маяковский.

1926
Ялта, Симферополь, Гурзуф, Алупка

С. А. ЕСЕНИН
(1895—1925)

* * *

Выткался на озере алый свет зари.
На бору со звонами плачут глухари.

Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло.
Только мне не плачется — на душе светло.

Знаю, выйдешь к вечеру за кольцо дорог,
Сядем в копны свежие под соседний стог.

Зацелую допьяна, изомну, как цвет,
Хмельному от радости пересуду нет.

Ты сама под ласками сбросишь шелк фаты,
Унесу я пьяную до утра в кусты.

И пускай со звонами плачут глухари,
Есть тоска веселая в алостях зари.

1910

* * *

Разбуди меня завтра рано,
О моя терпеливая мать!
Я пойду за дорожным курганом
Дорогого гостя встречать.

Я сегодня увидел в пуще
След широких колес на лугу.
Треплет ветер под облачной кущей
Золотую его дугу.

На рассвете он завтра промчится,
Шапку-месяц пригнув под кустом,
И игриво взмахнет кобылица
Над равниною красным хвостом.

Разбуди меня завтра рано,
Засвети в нашей горнице свет.
Говорят, что я скоро стану
Знаменитый русский поэт.

Воспою я тебя и гостя,
Нашу печь, петуха и кров...
И на песни мои прольется
Молоко твоих рыжих коров.

1917

* * *

Я покинул родимый дом,
Голубую оставил Русь.
В три звезды березняк над прудом
Теплит матери старой грусть.

Золотою лягушкой луна
Распласталась на тихой воде.
Словно яблонный цвет, седина
У отца пролилась в бороде.

Я не скоро, не скоро вернусь!
Долго петь и звенеть пурге.
Стережет голубую Русь
Старый клен на одной ноге.

И я знаю, есть радость в нем
Тем, кто листьев целует дождь,
Оттого что тот старый клен
Головой на меня похож.

1918

* * *

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

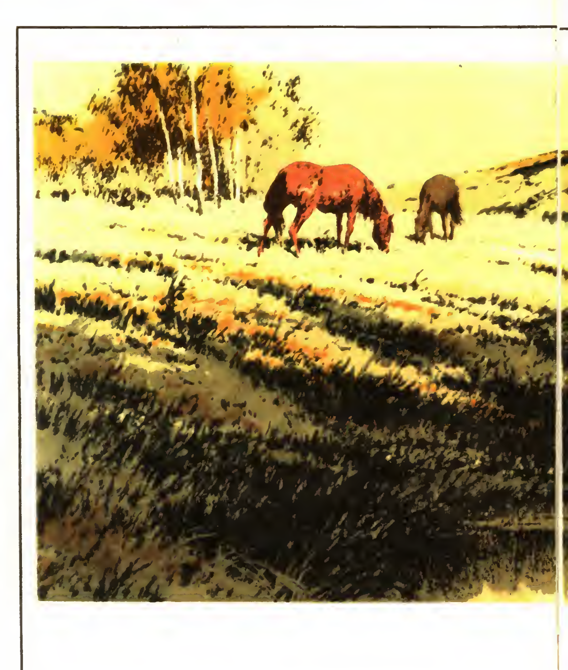
Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком,
И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.

Дух бродяжий! ты все реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст.
О, моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств.

Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя, иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процвесть и умереть.

1922



* * *

Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.

Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник —
Пройдет, зайдет и вновь оставит дом.
О всех ушедших грезит конопляник
С широким месяцем над голубым прудом.

Стою один среди равнины голой,
А журавлей относит ветер в даль,
Я полон дум о юности веселой,
Но ничего в прошедшем мне не жаль.

Не жаль мне лет, растраченных напрасно,
Не жаль души сиреневую цветь.
В саду горит костер рябины красной,
Но никого не может он согреть.

Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадет трава.
Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.

И если время, ветром разметая,
Сгребет их все в один ненужный ком...
Скажите так... что роща золотая
Отговорила милым языком.

1924

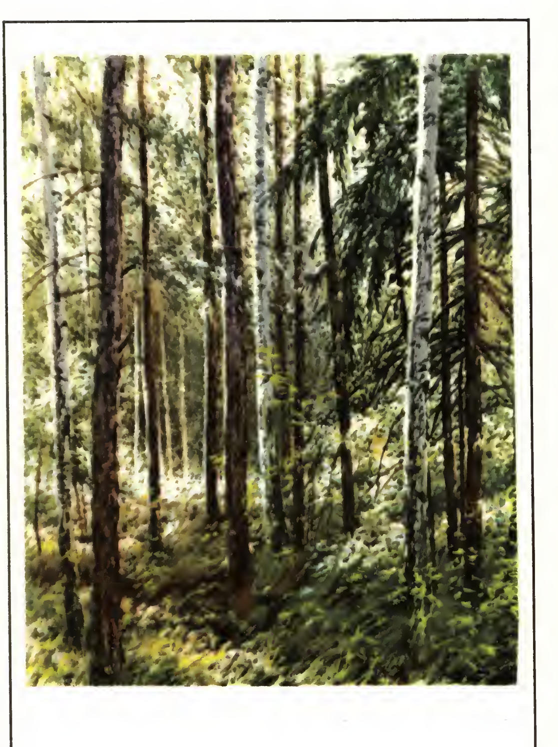
* * *

Низкий дом с голубыми ставнями,
Не забыть мне тебя никогда, —
Слишком были такими недавними
Отзвучавшие в сумрак года.

До сегодня еще мне снится
Наше поле, луга и лес,
Принакрытые сереньким ситцем
Этих северных бедных небес.

Восхищаться уж я не умею
И пропасть не хотел бы в глуши,
Но, наверно, навеки имею
Нежность грустную русской души.

Полюбил я седых журавлей
С их курлыканьем в тощие дали,
Потому что в просторах полей
Они сытных хлебов не видали.



Только видели березь да цветь,
Да ракитник, кривой и безлистый,
Да разбойные слышали свисты,
От которых легко умереть.

Как бы я и хотел не любить,
Все равно не могу научиться,
И под этим дешевеньким ситцем
Ты мила мне, родимая выть.

Потому так и днями недавними
Уж не юные веют года...
Низкий дом с голубыми ставнями,
Не забыть мне тебя никогда.

1924

* * *

Мелколесье. Степь и дали.
Свет луны во все концы.
Вот опять вдруг зарыдали
Разливные бубенцы.

Неприглядная дорога,
Да любимая навек,
По которой ездил много
Всякий русский человек.

Эх вы, сани! Что за сани!
Звоны мерзлые осин.
У меня отец — крестьянин,
Ну, а я — крестьянский сын.

Наплевать мне на известность
И на то, что я поэт.
Эту чахленькую местность
Не видал я много лет.

Тот, кто видел хоть однажды
Этот край и эту гладь,
Тот почти березке каждой
Ножку рад поцеловать.

Как же мне не прослезиться,
Если с венкой в стынь и звень
Будет рядом веселиться
Юность русских деревень.

Эх, гармошка, смерть-отрава,
Знать, с того под этот вой
Не одна лихая слава
Пропадала трын-травой.

1925

* * *

Клен ты мой опавший, клен заледенелый,
Что стоишь нагнувшись под метелью белой?

Или что увидел? Или что услышал?
Словно за деревню погулять ты вышел.

И, как пьяный сторож, выйдя на дорогу,
Утонул в сугробе, приморозил ногу.

Ах, и сам я нынче чтой-то стал нестойкий,
Не дойду до дома с дружеской попойки.

Там вон встретил вербу, там сосну приметил,
Распевал им песни под метель о лете.

Сам себе казался я таким же кленом,
Только не опавшим, а вовсю зеленым.

И, утратив скромность, одуревши в доску,
Как жену чужую, обнимал березку.

1925

И. Л. СЕЛЬВИНСКИЙ (1899—1968)

ШИПОВНИК

Среди цветов малокровных,
Теряющих к осени краски,
Пылает поздний шиповник,
Шипящий, закатно — красный.

Годные только в силос,
Качаясь, как богдыханы,
Цветы стоят «безуханны»,
Как в старину говорилось.

А этот в зеленой куще,
Лицом отражая запад,
Еще излучает ликующий
Высокомерный запах.

Как будто, ничуть не жалея
Тебя со всей твоей братией,
Сейчас прошла по аллее
Женщина в шумном платье.

Запах... Вдыхаю невольно
Это холодное пламя...
Оно омывает память,
Как музыкальные волны.

Давно уже спит в могиле
Та женщина в каплях коралла,
Что раз назвала меня:
«милый» —
И больше не повторяла.

Было ли это когда-то?
Прошли океаны
да рельсы...
Но вот
шиповник
зарделся,
Полный ее аромата,

И, алой этой волною
Рванувшись ко мне отчаянно,
Женщина снова со мною
С лаской своей случайной.

1959

* * *

Какое сложное явленье — дерево.
Вглядитесь! В каждом — облик утомленный.
Ему на долю пало древнее:
Оно глотает солнце, как лимоны.

Потом зеленой хвоей и листвой
Раздаривает это солнце.
Заснет. Но исполинский подвиг свой
Опять свершает тут же, как проснется.

В нем жизни вековое волшебство,
В нем бьются воды, что волны покрепче.
Оно шумит, шуршит, и что-то шепчет,
И хочет, чтобы поняли его.

Оно страдает молча. Я прочел
В его морщинах горести нежданные...

Стул деревянен. Деревянен стол.
Но дерево — оно не деревянное.

1967

Н. Н. УШАКОВ
(1899—1973)

ЦВЕТУТ ГОРТЕНЗИИ В БАТУМИ

С синих шапок провисают
капли с небом пополам —
над косыми парусами,
прислоненными к скалам,
над цистернами
и краткой
перекличкой
поездов,
над маисовой посадкой,
опускающейся в ров,
над зелено-жарким горном
ослепительной земли,
над страной высокогорной,
отдыхающей вдали.

Ты в воде,
и темной гущей
нефть играет
вкруг тебя.

Гроздь гортензии плывущей
рыбы
ртами
теребят.
Море в странствующем дыме.
Моря нефтяную гладь
хочет шапками своими
синий берег
закидать.
Ты выходишь,
ты сердита:
— Посмотрите,
ну и грязь!

Говорят,
что Афродита
здесь
из нефти родилась.

1935

БОЛЬШАЯ ВОЛГА

Поезд,
проплывая, уплывая,
скрылся в рощах левой стороны.

До свиданья,
Волга голубая,
черно-голубая от луны.

Дальний путь пройдет по Казахстану
за большую станцию Арысь,
я тебя искать глазами стану —
серебром и чернью улыбнись.

Пусть войдет в мое стихотворенье
лунной ночи светлая пора —
неба,
листьев
и воды кипенье —
почерк синевы и серебра.

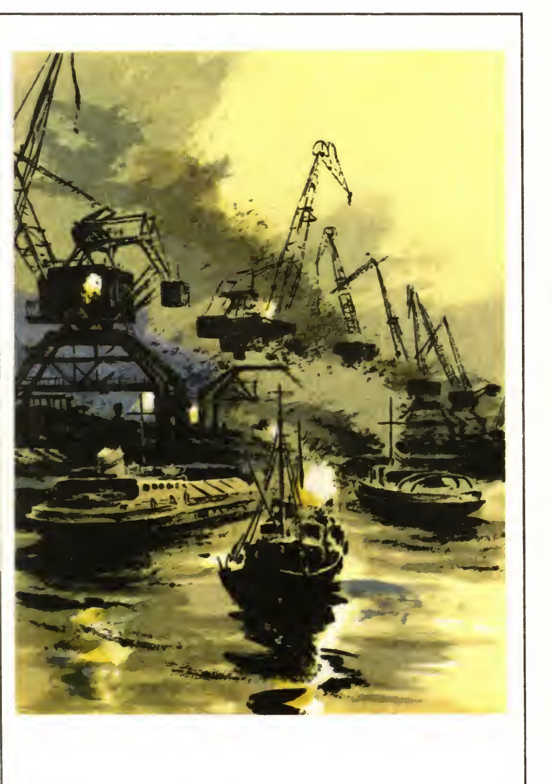
Пусть всегда меж жизнью и стихами,
полная и фонарей и звезд,
Волга льется синими струями,
Сызранский в луне чернеет мост.

Пусть везде виднеется,
сверкая
на равнинах и в стихах страны,
Волга, Волга — влага дорогая,
пристань голубая от луны.

Впереди Коканд передо мною,
позади остался Киев мой.
Волга, Волга,
полною волною
пыль и плесень
всех столетий смой.

Прикоснись,
притронься
к вялой коже,
Волга, Волга,
юности река,
чтобы стать мне
на сто лет моложе,
заглянуть
в грядущие века.

Озари мне этот мир огромный
сонмом электрических светил,
чтобы ночью,
даже самой темной,
каждою деталью говорил,
чтобы не заученная поза
и не жест,
сработанный в тиши, —
в стих входила
явственная проза —
трепет
поэтической души.



За живое
научи бороться,
Волга, Волга,
молодость моя!
Размывай
пригретые болотца,
разливайся
в свежие моря.

1953

* * *

Я хочу быть деревом в разливе,
в половодье посреди стремнин.
Не могу не удивляться иве,
направляющей
движенье льдин.

Вот опять их флот свирепый мчится,
потрясая вербою опять.
Содрогнувшись,
не переломиться,
выстоять
и направленье дать.

1960

А. А. ПРОКОФЬЕВ
(1900—1971)

ДАЛЬНЯЯ ДОРОГА

По широкой, по прямой
В летний теплый вечер
Хорошо идти домой
Огонькам навстречу.

Их не видно, но горят
За высоким бором
И прибавить шаг велят,
Замигают скоро.

И тревоги далеки,
И забот немного.
Золотые огоньки,
Дальняя дорога.

Сколько троп выходит к ней,
А над нею, свесясь,
И звезда горит ясней,
И светлее месяц.

Слышен трепет камыша,
Свой, веселый, местный,
И распахнута душа
В наш простор чудесный,

Где синеют ручейки,
Где привал у стога...
Золотые огоньки,
Дальняя дорога.

* * *

Здесь тишина. Возьми ее, и трогай,
И пей ее, и зачерпни ведром.
Выходит вечер прямо на дорогу,
И месяц землю меряет багром.

Высоких сосен бронзовые стены
Окружены просторами долин,
И кое-где цветут платки измены
У одиноко зябнущих рябин.

И мне видны расплавленные смолы
И перелесок, спящий на боку,
За рощей — лес, а за лесами — долы
И выход на великую реку.

Все голубым окутано покоем,
И виден день, заброшенный в траву...
Вы спросите: да где ж это такое?
А я не помню и не назову.

Оправдываться буду перед всеми
И так скажу стареющим друзьям:
«Товарищи! Земля идет на север,
К зеленым океанам и морям!»

И мне не повторить такого мига,
Отправимся за ним и не найдем,
А я хочу, чтоб голубое иго
Еще звенело в голосе моем.

1933

* * *

Как хорош этот мачтовый лес,
Он под ветром натянут до звона,
Доросли до высоких небес
Молодые зеленые кроны.

Как пригожа березок гряда!
Бьет зеленый прибой у дороги,
Им без устали моет вода
Без того побеленные ноги.

Колокольцев лиловых в лугах
Льется звон по родимой сторонке,
Вешний луч, предзакатный и тонкий,
Лось несет на ветвистых рогах!

Никнут купы плакучих берез
Там, где ветер гуляет на воле...

Я люблю эту землю до слез
За былинку последнюю в поле!

М. В. ИСАКОВСКИЙ (1900—1973)

ВЕСНА

Растаял снег, луга зазеленели,
Телеги вновь грохочут по мосту,
И воробьи от солнца опьянели,
И яблони качаются в цвету.

По всем дворам — где надо и не надо —
С утра идет веселый перестук,
И на лужайке принимает стадо
Еще зимою нанятый пастух.

Весна, весна кругом живет и дышит,
Весна, весна шумит со всех сторон!..
Взлетел петух на самый гребень крыши,
Да так поет, что слышит весь район.

Раскрыты окна. Веет теплый ветер,
И легкий пар клубится у реки,
И шумно солнцу радуются дети,
И думают о жизни старики.

1927

ДУБ

Развесистый дуб на холме зеленеет,
Раскинувши ветви широко,
И в землю родную своими корнями
Он входит глубоко-глубоко.

И пусть над вершиной проносятся тучи,
Пусть ветры над ним завывают, —
Он держится крепко за землю родную,
И бури его не сломают.

1933—1951

В ДНИ ОСЕНИ

А. И. Исаковской

Не жаркие, не летние,
Встают из-за реки
Осенние, последние,
Останние деньки.

Еще и солнце радует,
И синий воздух чист.
Но падает и падает
С деревьев мертвый лист.

Еще рябины алые
Все ждут к себе девчат.
Но гуси запоздалые
«Прости-прощай!» кричат.

Еще нигде не вьюжится,
И всходы — зелены.
Но все пруды и лужицы
Уже застеклены.

И рощи запустелые
Мне глухо шепчут вслед,
Что скоро мухи белые
Закроют белый свет...

Нет, я не огорчаюся,
Напрасно не скорблю,
Я лишь хожу прощаюся
Со всём, что так люблю!

Хожу, как в годы ранние, —
Хожу, брожу, смотрю.
Но только «до свидания!»
Уже не говорю...

Осень 1967
Внуково

В. А. ЛУГОВСКОЙ
(1901—1957)

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Снова, как прежде.
                    Снова тюльпаны
На сизых увалах.
                    Снова весна.
Горы вы, горы, откосы, туманы,
Тихих, далеких дождей пелена!
Милая Азия, вот я вернулся,
Слышу тревожную силу свою,
Ветром пронзительным захлебнулся,
Телом, как дерево, потянулся,
Руки раскинул — и вот стою.
Вот она, молодость!
Здесь,
        за холмами,
Над черными пашнями, над молодой
Горькой полынью.
                    Синее пламя
Над ослепительною водой.
Жизнь моя! Вы, позабытые лица,
Невероятных годов голоса.
Мчатся сквозь них перелетные птицы,
Поет, одурманившись степью, оса.
Как будто уснул и проснулся — и
                                        вышел
В юные годы и гордые сны,
Чтобы, взлетая все выше и выше,
Пела душа, добиваясь весны.
Чтобы по старым,
                    пустым перелогам
Песня, как плуг, провела борозду.
...Снова, как прежде, по тем же дорогам
Азией нашей
                к югу иду.

Та же земля — материнское лоно,
Та же пустынного ветра рука.
Снова по скосам и дымчатым склонам
Льется кровавых маков река.
Беркут над ней застывает в полете,
Над этой лавиной весенней крови.
Кровью омытую,
                    в темном поте,
Древнюю землю —
                        своей назови.
Ты на земле этой дома.
                            Ты — дома!
Ее у тебя не отнять никому.
Многое вижу теперь по-другому,
Многое, лишь умирая, пойму.

Многие песни давно постарели,
Многих волнений былых не понять
Только все та же дорога апреля,
Тоненьких трав бесконечная рать.

И нестерпимо и неустанно
Сердце гудит, как тугая струна!
Горы вы, горы, откосы, туманы,
Тихих далеких дождей пелена...

1948

ГУСИ

Над необъятной Русью
С озерами на дне
Загоготали гуси
В зеленой вышине.

Заря огнем холодным
Позолотила их,
Летят они свободно,
Как старый русский стих.

До сосен Заонежья
Река небес тиха.
Так трепетно и нежно
Внизу цветет ольха.

Вожак разносит крылья,
Спешит на брачный пир.
То сказкою, то былью
Становится весь мир.

Под крыльями тугими
Земля ясным-ясна,
Мильоны лет за ними
Стремилась к нам весна.

Иных из них рассеют
Разлука, смерть, беда,
Но путь весны — на север!
На север, как всегда.

1956

ЗЯБЛИК ЗАПЕЛ

Зяблик запел на березе лиловой,
Вышел из черной земли чистотел.
Это не высказать будничным словом —
Снова, как в детстве, зяблик запел.

Значит, дано мне опять насладиться
Дедовской русской прохладной весной,
Видеть, как мчатся пролетные птицы
К старым гнездовьям, на север родной.

Слушать ручьев перезвон по низинам,
Тихий, дремотный, клонящий ко сну,
И вспоминать отшумевшие зимы,
Зябликов детства, зовущих весну.

Заново каждой весною родится
Мир в заповедной апрельской тиши.
Мысли летят, как пролетные птицы,
К старым, забытым гнездовьям души.

Видишь всю землю, рожденную снова.
Все, что забылось, — встает наяву.
Каждая клеточка шара земного
Тайно тебе говорит — я живу!

Жизнь голубой бесконечностью манит.
Где же предел? Мне не виден предел.
Рощи берез в легкокрылом тумане.
Снова, как в детстве, зяблик запел.

1956

ЗВЕЗДЫ ОСЕНИ

Тишь стареющей природы.
Звезды осени горят.
Лает пес плохой породы,
Непокорный пес Пират.

Водит он хвостом, как кистью,
Цепью звякает глухой.
Облетают с яблонь листья,
Сухо шепчутся с травой.

Сколько нежности и грусти
В том, что чуть бездомен сам,
В стылых лужах, в ломком хрусте,
В заморозках по ночам.

Ходишь, ходишь, как влюбленный,
Слышишь детский свист вдали.
Тонкий холодок каленый
Вырастает из земли.

Что ж в такую осень ищешь?
Молодость — она ушла,
Золотое пепелище
Буйных листьев разнесла.

Счастья миг? Забытый голос?
Дружбы поднятый стакан?

Жжет ли сердце тайный голод
Иль одна из старых ран?

Или та, что брови прячет
В темно-бурый лисий жар,
И от губ ее горячих
Облачком клубится пар?

Может быть, ее и надо...
Только с нею мне нужны
Лист бродячий, жесткость сада,
Одинокий стон сосны,

Все огромное, живое,
Что зимой должно заснуть,
Что мне песней ветровою
Обещает вечный путь.

1956

Н. А. ЗАБОЛОЦКИЙ
(1903—1958)

УТРО

Петух запевает, светает, пора!
В лесу под ногами гора серебра.
Там черных деревьев стоят батальоны,
Там елки как пики, как выстрелы — клены,
Их корни как шкворни, сучки как стропила,
Их ветры ласкают, им светят светила.
Там дятлы, качаясь на дубе сыром,
С утра вырубают своим топором
Угрюмые ноты из книги дубрав,
Короткие головы в плечи вобрав.
Рожденный пустыней,
Колеблется звук,
Колеблется синий
На нитке паук.
Колеблется воздух,
Прозрачен и чист,
В сияющих звездах
Колеблется лист.
И птицы, одетые в светлые шлемы,
Сидят на воротах забытой поэмы,
И девочка в речке играет нагая
И смотрит на небо, смеясь и мигая.
Петух запевает, светает, пора!
В лесу под ногами гора серебра.

1946

ВЕЧЕР НА ОКЕ

В очарованье русского пейзажа
Есть подлинная радость, но она
Открыта не для каждого и даже
Не каждому художнику видна.
С утра обремененная работой,
Трудом лесов, заботами полей,
Природа смотрит как бы с неохотой
На нас, неочарованных людей.
И лишь когда за темной чащей леса
Вечерний луч таинственно блеснет,
Обыденности плотная завеса
С ее красот мгновенно упадет.
Вздохнут леса, опущенные в воду,
И, как бы сквозь прозрачное стекло,
Вся грудь реки приникнет к небосводу
И загорится влажно и светло.
Из белых башен облачного мира

Сойдет огонь, и в нежном том огне,
Как будто под руками ювелира,
Сквозные тени лягут в глубине.
И чем ясней становятся детали
Предметов, расположенных вокруг,
Тем необъятней делаются дали
Речных лугов, затонов и излук.
Горит весь мир, прозрачен и духовен,
Теперь-то он поистине хорош,
И ты, ликуя, множество диковин
В его живых чертах распознаешь.

1957

ПОДМОСКОВНЫЕ РОЩИ

Жучок ли точит древесину
Или скоблит листочек тля,
Сухих листов своих корзину
Несет мне осенью земля.

В висячем золоте дубравы
И в серебре березняки
Стоят, как знамения славы,
На берегах Москвы-реки.

О эти рощи Подмосковья!
С каких давно минувших дней
Стоят они у изголовья
Далекой юности моей!

Давно все стрелы отсвистели
И отгремели все щиты,
Давно отплакали метели
Лихое время нищеты,

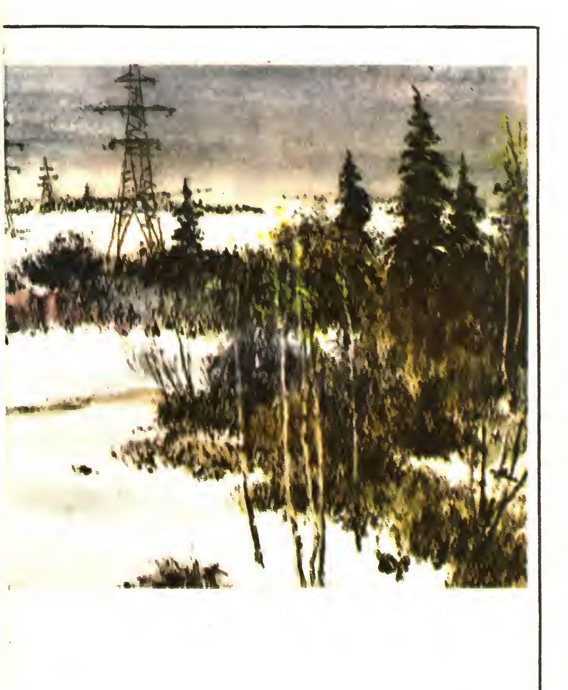
Давно умолк Иван Великий,
И только рощи в поздний час
Все с той же грустью полудикой
Глядят с окрестностей на нас.

Леса с обломками усадеб,
Места с остатками церквей
Все так же ждут вороньих свадеб
И воркованья голубей.

Они, как комнаты, просторны,
И ранней осенью с утра
Поют в них маленькие горны,
И вторит горнам детвора.

А мне-то, господи помилуй,
Все кажется, что вдалеке
Трубит коломенец служилый
С пищалью дедовской в руке.

1958



Б. П. КОРНИЛОВ
(1907—1938)

НА КЕРЖЕНЦЕ

Мы идем.
И рука в руке,
И шумит молодая смородина.
Мы на Керженце, на реке,
Где моя непонятная родина,
Где растут вековые леса,
Где гуляют и лось и лиса
И на каждой лесной версте
У любого кержачьего скита
Русь, распятая на кресте,
На старинном,
На медном прибита.
Девки черные молятся здесь,
Старики умирают за делом
И не любят, что тракторы есть —
Жеребцы с металлическим телом.
Это русская старина,
Вся замшенная, как стена,
Где водою сморёна смородина,
Где реке незабвенность дана, —
Там корежит медведя она,
Желтобородая родина,
Там медведя корежит медведь.

Замолчи!
Нам про это не петь.

1927

КАЧКА НА КАСПИЙСКОМ МОРЕ

За кормою вода густая —
солона она, зелена,
неожиданно вырастая,
на дыбы поднялась она,
и, качаясь, идут валы
от Баку
до Махачкалы.

Мы теперь не поем, не спорим —
мы водою увлечены;
ходят волны Каспийским морем
небывалой величины.

А потом —
затихают воды,
ночь каспийская,
мертвая зыбь;
знаменуя красу природы,
звезды высыпали, как сыпь;
От Махачкалы
до Баку

луны плавают на боку.
Я стою себе, успокоясь,
я насмешливо щурю глаз —
мне Каспийское море по пояс,
нипочем...
Уверяю вас.

Нас не так на земле качало,
нас мотало кругом во мгле, —
качка в море берет начало,
а бесчинствует на земле.
Нас качало в казачьих седлах,
только стыла по жилам кровь,
мы любили девчонок подлых —
нас укачивала любовь.
Водка, что ли, еще?
И водка —
спирт горячий,
зеленый,
злой;
нас качало в пирушках вот как —
с боку на бок
и с ног долой...

Только звезды летят картечью,
говорят мне:
«Иди, усни...»
Дом, качаясь, идет навстречу,
сам качаешься, черт возьми...

Стынет соль девятого пота
на протравленной коже спины,
и качает меня работа
лучше спирта
и лучше войны.

Что мне море?
Какое дело
мне до этой
зеленой беды?

Соль тяжелого, сбитого тела
солонее морской воды.

Что мне (спрашиваю я), если
наши зубы
как пена белы —
и качаются наши песни
от Баку
до Махачкалы.

1930, Каспийское море — Волга

ПЕСНЯ О ВСТРЕЧНОМ

Нас утро встречает прохладой,
нас ветром встречает река.
Кудрявая, что ж ты не рада
веселому пенью гудка?

Не спи, вставай, кудрявая!
В цехах звеня,
страна встает со славою
на встречу дня.

И радость поет, не скончая,
и песня навстречу идет,
и люди смеются, встречая,
и встречное солнце встает.

Горячее и бравое,
бодрит меня.
Страна встает со славою
на встречу дня.

Бригада нас встретит работой,
и ты улыбнешься друзьям,
с которыми труд, и забота,
и встречный, и жизнь — пополам.

За Нарвскою заставою,
в громах, в огнях,
страна встает со славою
на встречу дня.

И с ней до победного края
ты, молодость наша, пройдешь,
покуда не выйдет вторая
навстречу тебе молодежь.

И в жизнь вбежит оравою,
отцов сменя.
Страна встает со славою
на встречу дня.

...И радость никак не запрятать,
когда барабанщики бьют:
за нами идут октябрята,
картавые песни поют.

Отважные, картавые,
идут, звеня.
Страна встает со славою
на встречу дня!

Такою прекрасною речью
о правде своей заяви.
Мы жизни выходим навстречу,
навстречу труду и любви!

Любить грешно ль, кудрявая,
когда, звеня,
страна встает со славою
на встречу дня.

1931

* * *

Яхта шла, молодая, косая,
серебристая вся от света —
гнутым парусом срезая
тонкий слой голубого ветра.

В ноздри дунул соленый запах —
пахло островом, морем, Лахтой...
На шести своих тонких лапах
шли шестерки вровень с яхтой.
Не хватало весел и лодок —
с вышек прыгали прямо в воду,
острой ласточкой пролетая
над зелеными островами,
и дрожала вода золотая,
вся исколотая прыгунами.
Задыхаясь и завывая,
к стадиону летели трамваи,
все от фабрик и от заводов
к стадиону, где легкий отдых.
К стадиону, где каждый стайер,
каждый спринтер — литейщик,
слесарь —
пролетает, как в птичьей стае,
своего не чувствуя веса.
И трамваи у стадиона
встанут враз.
Их трясет лихорадка.
Их маршруты: Труд — Оборона,
наверху обозначены кратко.
Мы маршрут и без этого знали,
мы сдаем нашей силы пробу,
и прибывшие парни сняли
заводскую, черную робу.
Вот вам классовый ветра анализ,
наша легкая сила живая,
снова девушки засмеялись,
рыбьей стайкою проплывая.
Солнце пышет веселым жаром,
покрывая плечи загаром;
похваляясь плеч желтизною
(то ли будет через неделю),
я почувствую, что весною
года на три я молодею.
Пойте песню.
Она простая.
Пойте хором и под гитару.
Пусть идет она, вырастая,
к стадиону,
к реке,
к загару.
Пусть поет ее, проплывая
мимо берега,
мимо парка,
вся скользящая,
вся живая,
вся оранжевая байдарка.

1934

Д. Б. КЕДРИН
(1907—1945)

КРЫМ

Старинный друг, поговорим,
Старинный друг, ты помнишь Крым?
Вообразим, что мы сидим
Под буком темным и густым.
Медуз и крабов на мели
Босые школьники нашли,
За волнорезом залегли
В глубоком штиле корабли.
А море, как веселый пес,
Лежит у отмелей и кос
И быстрым языком волны
Облизывает валуны.
Звезда похожа на слезу,
А кипарисы там, внизу, —
Как две зеленые свечи
В сандалом пахнущей ночи.
Ты закурил и говоришь:
— Как пахнет ночь! Какая тишь!
Я тут уже однажды был,
Но край, который я любил,
Но Крым, который так мне мил,
Я трехдюймовками громил.
Тогда, в двадцатом, тут кругом
Нам каждый камень был врагом,
И каждый дом, и каждый куст...
Какая перемена чувств!
Ведь я теперь на берегу
Окурка видеть не могу,
Я веточке не дам упасть,
Я камешка не дам украсть.
Не потому ль, что вся земля, —
От Крыма и до стен Кремля,
Вся до последнего ручья —
Теперь ничья, теперь моя?
Пусть в ливадийских розах есть
Кровь тех, кто не успел расцвесть,
Пусть наливает виноград
Та жизнь, что двадцать лет назад
Пришла, чтоб в эту землю лечь, —
Клянусь, что праздник стоит свеч!
Смотри! Сюда со связкой нот
В пижаме шелковой идет
И поднимает скрипку тот,
Кто грыз подсолнух у ворот.
Тропинкой, города правей,
В чадры укрыты до бровей
Уже татарки не идут:
Они играют в теннис тут.
Легки, круглы и горячи,

Летят над сеткою мячи,
Их отбивают москвичи —
Парашютистки и врачи...
Наш летний отдых весел, но,
Играя в мяч, идя в кино,
На утлом ялике гребя,
Борясь, работая, любя, —
Как трудно дался этот край,
Не забывай, не забывай!.. —
Ты смолк. В потемках наших глаз
Звезда крылатая зажглась.
А море, как веселый пес,
Лежит у отмелей и кос,
Звезда похожа на слезу,
А кипарисы там, внизу,
Нам светят, будто две свечи,
В сандалом пахнущей ночи...
Тогда мы выпили до дна
Бокал мускатного вина,
Бокал за родину свою,
За счастье жить в таком краю,
За то, что Кремль, за то, что Крым
Мы никому не отдадим.

1935

* * *

Весь край этот, милый навеки,
В стволах белокорых берез,
И эти студеные реки,
У плеса которых ты рос.

И темная роща, где свищут
Всю ночь напролет соловьи,
И липы на старом кладбище,
Где предки уснули твои.

И синий ласкающий воздух,
И крепкий загар на щеках,
И деды в андреевских звездах,
В высоких седых париках.

И рожь на полях непочатых,
И эта хлеб-соль средь стола,
И псковских соборов стрельчатых
Причудливые купола.

И фрески Андрея Рублева
На темной церковной стене,
И звонкое русское слово,
И в чарочке пенник на дне.

И своды лабазов просторных,
Где в сене — раздолье мышам,

И эта — на ларчиках черных —
Кудрявая вязь палешан.

И дети, что мчатся, глазея,
По следу солдатских колонн,
И в старом полтавском музее
Полотнища шведских знамен.

И санки, чтоб вихрем летели!
И волка опасливый шаг,
И серьги вчерашней метели
У зябких осинок в ушах.

И ливни — такие косые,
Что в поле не видно ни зги...
Запомни:
Все это — Россия,
Которую топчут враги.

1942

КУКУШКА

Утомленные пушки
В это утро молчали.
Лился голос кукушки,
Полный горькой печали.
Но ее кукованье
Не считал, как бывало,
Тот, кому этой ранью
Встарь она куковала.
Взорван дот в три наката,
Сбита ели макушка...
Молодого солдата
Обманула кукушка!

1943

С. И. ЧЕКМАРЕВ
(1910—1933)

В ПУТИ

Сегодня вьюга беснтся,
ехать не велит.
Мерни мой игреневый
ушами шевелит.
— Ты что, овес-то даром ел
по целому мешку?
Давай, давай прокатимся
по белому снежку!
Чтобы глаза заискрились,
чтобы ветер щеки жег,
Чтобы снежинки вихрилнсь
в переплётеиьях ног.
Кого, скажи, пугаешь ты,
косматая метель?
Мы все здесь люди взрослые,
нет маленьких детей.
Нам все равио, голубушка,
хоть вой ты иль ие вой, —
Твой голосок проинзтельный
мы слышим ие впервой.
Среди сиежииок шелковых,
в иагромождеиьн скал,
Я только здесь нашел себе,
чего всю жизиь искал.
Ты что, прижался, слушаешь,
мерии, мою речь?
А ну, рвани, как бешеиый,
метелице навстречь!
Я все-таки, товарищи,
жалею горожан:
Стоят машииы сложные
у них по гаражам.
Там иглы, карбюраторы,
н черт их разберет!
А мы помашем палкою —
н двнжемся вперед.
Скорость, иаправлепне
и качество езды
Легко мы регулируем
прн помощи узды.
Тяжелое чудовище
пузатый автобус,
Он был бы здесь, в ущелиях,
обузой нз обуз.
Скажи мне — он проехал бы,
ну, вот на этот стог?
Конечно, не проехал бы,
он сразу тут бы сдох!
А с поршнями н с кольцами
вознлся человек.
Он ие смыкал иад кингамн
своих усталых век,
Он думал над машинами
десятки тысяч лет...
Таких, как мой игреневый,
еще покамест нет.
С такой вот теплой кожею
и гривою коия,
С такой вот хнтрой рожею,
глядящей на меия.
И вот ои снова мчит меня,
иисколько ие устав,
Опять мелькает в воздухе
скакательный сустав.
И все уже не нужное
я стряхиваю с лет,
И вьюгою за санками
заравниваю след...

П. Н. ВАСИЛЬЕВ
(1910—1937)

ПУТЬ В СТРАНУ

Обожжены стремительною сталью,
Пески ложатся, кутаясь в туман,
Трубит весна над гулкой магистралью,
И в горизонты сомкнут Туркестан.

Горят огни в ауле недалеком,
Но наш состав взлетает на откос,
И ветви рельс перекипают соком —
Весенней кровью яблонь и берез.

Обледенев, сгибают горы кряжи
Последнею густою сединой...
Открыт простор.
И кто теперь развяжет
Тяжелый узел, связанный страной?

За наши дни, пропитанные потом,
Среди курганных выветренных трав
Отпразднует победу декапоты,
В дороге до зари прогрохотав.

В безмолвном одиночестве просторов,
По-прежнему упорен и суров,
Почетными огнями семафоров
Отмечен путь составов и ветров.

Пусть под шатром полярного сиянья
Проходят Обью вздыбленные льды, —
К пустынному подножию Тянь-Шаня
Индустрии проложены следы.

Где камыши тигриного Балхаша
Качают зыбь под древней синевой,
Над пиками водонапорных башен
Турксиб звенит железом и листвой.

И на верблюжьих старых перевалах
Цветет урюк у синих чайхане,
Цветут огни поднявшихся вокзалов,
Салютуя разбуженной стране.

Здесь, на земле истоптанной границы,
Утверждены горячие века
Золотоносной вьюгою пшеницы
И облаками пышного хлопка!..

1930

* * *

Сначала пробежал осинник,
Потом дубы прошли, потом,
Закутавшись в овчинах синих,
С размаху в бубны грянул гром.

Плясал огонь в глазах саженных,
А тучи стали на привал,
И дождь на травах обожженных
Копытами затанцевал.

Стал странен под раскрытым небом
Деревьев пригнутый разбег,
И все равно как будто не был,
И если был — под этим небом
С землей сравнялся человек.

1932

ТРОЙКА

Вновь на снегах, от бурь покатых,
В колючих бусах из репья,
Ты на ногах своих лохматых
Переступаешь вдаль, храпя,
И кажешь морды в пенных розах, —
Кто смог, сбираясь в дальний путь,
К саням — на тесаных березах
Такую силу притянуть?
Но даже стрекот сбруй сорочий
Закован в обруч ледяной.
Ты медлишь, вдаль вперяя очи,
Дыша соломой и слюной.
И коренник, как баня, дышит,
Щекою к поводам припав,
Он ухом водит, будто слышит,
Как рядом в горне бьют хозяв;
Стальными блещет каблуками
И белозубый скалит рот,
И харя с красными белками,
Цыганская, от злобы ржет.
В его глазах костры косые,
В нем зверья стать и зверья прыть,
К такому можно пол-России
Тачанкой гиблой прицепить!
И пристяжные! Отступая,
Одна стоит на месте вскачь,
Другая, рыжая и злая,
Вся в красный согнута калач.
Одна — из меченых и ражих,
Другая — краденая знать —
Татарская княжна да б... —
Кто выдумал хмельных лошажьих

Разгульных девок запрягать?
Ресниц декабрьское сиянье
И бабий запах пьяных кож,
Ведро серебряного ржанья —
Подставишь к мордам — наберешь.
Но вот сундук в обивке медной
На сани ставят. Веселей!
И чьи-то руки в миг последний
С цепей спускают кобелей.
И коренник, вовсю кобенясь,
Под тенью длинного бича,
Выходит в поле, подбоченясь,
Приплясывая и хохоча.
Рванулись. И — деревня сбита,
Пристяжка мечет, а вожак,
Вонзая в быстроту копыта,
Полмира тащит на вожжах!

1933

О. Ф. БЕРГГОЛЬЦ
(1910—1975)

НАШ САД

Ты помнишь ли сиянье Петергофа,
Дремучие петровские сады,
И этот влажный лепет, бред и вздохи
Всегда живой, хлопочущей воды?

Так много было здесь тепла и света,
Что в городе, зимою, в пору вьюг,
Все мнилось мне: а в Петергофе — лето,
Алмазный, синий, праздничный июль.

Молчи — увы! Волшебный сад изрублен,
Мертвы источники с живой водой,
И праздник человечества поруган
Свирепой чужеземною ордой.

...Но мы пришли к тебе, земная
радость, —
Тебя не вытоптать, не истребить.
Но мы пришли к тебе, стоящей рядом,
Тысячеверстною дорогой битв.

Пришли — и, символом свершенной мести,
В знак человеческого торжества
Воздвигнем вновь, на том же самом месте,
Самсона, раздирающего льва.

И вновь из пепла черного, отсюда,
Где смерть и прах, восстанет прежний сад.
Да будет так! Я твердо верю в чудо:
Ты дал мне эту веру, Ленинград.

26 января 1944

БАБЬЕ ЛЕТО

Есть время природы особого света,
неяркого солнца, нежнейшего зноя.
Оно называется
бабье лето
и в прелести спорит с самою весною.

Уже на лицо осторожно садится
летучая, легкая паутина...
Как звонко поют запоздалые птицы!
Как пышно и грозно пылают куртины!

Давно отгремели могучие ливни,
все отдано тихой и темною нивой...
Все чаще от взгляда бываю счастливой,
все реже и горше бываю ревнивой.

О мудрость щедрейшего бабьего лета,
с отрадой тебя принимаю... И все же,
любовь моя, где ты, аукнемся, где ты?
А рощи безмолвны, а звезды все строже...

Вот видишь — проходит пора звездопада,
и, кажется, время навек разлучаться...
...А я лишь теперь понимаю, как надо
любить, и жалеть, и прощать, и прощаться...

1956—1960

А. Т. ТВАРДОВСКИЙ
(1910—1971)

НОВОЕ ОЗЕРО

Сползли подтеки красноватой глины
По белым сваям, вбитым навсегда.
И вот остановилась у плотины
Пугливая весенняя вода.

И вот уже гоняет волны ветер
На только что затопленном лугу.
И хутор со скворешней не заметил,
Как очутился вдруг на берегу.

Кругом поля ровней и ближе стали.
В верховье где-то мостик всплыл худой,
И лодка пробирается кустами,
Дымя ольховой пылью над водой.

А у сторожки, на бугре высоком,
Подрублена береза, и давно
Долбленое корытце светлым соком —
Березовиком — до краев полно...

Сидит старик с ведерком у обрыва,
Как будто тридцать лет он здесь живет.
— Что делаешь? — Взглянул неторопливо:
— Пускаю, малец, рыбу на развод...

Про паводок, про добрую погоду,
Про все дела ведет охотно речь.
И вкусно курит, сплевывая в воду,
Которую приставлен он стеречь.

И попросту собой доволен сторож,
И все ему доступны чудеса:
Понадобится — сделает озера,
Понадобится — выстроит здесь город
Иль вырастит зеленые леса.

1934

* * *

Рожь, рожь... Дорога полевая
Ведет неведомо куда.
Над полем низко провисая,
Лениво стонут провода.
Рожь, рожь — до свода голубого,

Чуть видишь где-нибудь вдали,
Ныряет шапка верхового,
Грузовичок плывет в пыли.
Рожь уходилась. Близки сроки,
Отяжелела и на край
Всем полем подалась к дороге,
Нависнула — хоть подпирай.
Знать, колос туго начиненный,
Четырехгранный, золотой,
Устал держать пуды, вагоны,
Составы хлеба над землей.

1939

* * *

Ветром, что ли, подунуло
С тех печальных полей, —
Что там с ней, как подумаю,
Стороною моей!

С тою русской сторонкою,
Захолустной, лесной,
Незавидной, негромкою,
А навеки родной.

Неужели там по небу
Тучки помнят свой шлях?
Неужели там что-нибудь
Зеленеет в полях?

За гнездовья те самые
За Днепром, за Десной
Снова птицы из-за моря
Прилетели весной?

И под небом ограбленной,
Оскорбленной земли
Уцелевшие яблони —
Срок пришел — расцвели?

Люди счетом уменьшены,
Молча дышат, живут.
И мужей своих женщины
Неужели не ждут?

И что было — оплакано, —
Смыло начисто след?
И как будто, что так оно,
И похоже... А — нет!..

1943

* * *

Снега потемнеют синие
Вдоль загородных дорог,
И воды зайдут низинами
В прозрачный еще лесок.

Недвижной гладью прикинутся,
И разом — в сырой ночи
В поход отовсюду ринутся,
Из русел выбив ручьи.

И, сонная, талая,
Земля обвянет едва,
Листву прошивая старую,
Пойдет строчить трава.

И с ветром нежно-зеленая
Ольховая пыльца,
Из детских лет донесенная,
Как тень, коснется лица.

И сердце почует заново,
Что свежесть поры любой
Не только была, да канула,
А есть и будет с тобой.

1955

* * *

Как после мартовских метелей,
Свежи, прозрачны и легки,
В апреле —
Вдруг порозовели
По-вербному березняки.

Весенним заморозком чутким
Подсушен и взбодрен лесок.
Еще одни, другие сутки,
И под корой проснется сок.
И зимний пень березовый
Зальется пеной розовой.

1966

БЕРЕЗА

На выезде с Кремлевского двора,
За выступом надвратной башни Спасской,
Сорочьей черно-белою раскраской
Рябеет — вдруг — прогиб ее ствола.

Должно быть, здесь пробилась самосевом,
Протнулась, отклоняясь от стены,
Угадывая, где тут юг, где север,
Высвобождая крону из тени...

Ее не видно по пути к царь-пушке
За краем притемненного угла.
Простецкая — точь-в-точь с лесной опушки,
С околицы забвенной деревушки.
С кладбищенского сельского бугра...

А выросла в столице ненароком,
Чтоб возле самой башни мировой
Ее курантов слушать мерный бой
И города державный рокот.

Вновь зеленеть и вновь терять свой лист,
И красоваться в серебре морозном,
И на ветвях качать потомство птиц,
Что здесь кружились при Иване Грозном.

И вздрагивать во мгле сторожевой
От гибельного грохота и воя,
Когда полосовалось над Москвой
Огнями небо фронтовое.

И в кольцах лет вести немой отсчет
Всему, что пронесется, протечет
На выезде, где в памятные годы
Простые не ходили пешеходы;

Где только по звонку, блюдя черед,
Машины — вниз — на площадь, на народ,
Ныряли под ступенчатые своды
И снизу вырывались из ворот.

И стольких здесь она перевидала,
Встречая, провожая всякий раз,
Своих, чужих — каких там ни попало, —
И отразилась в стольких парах глаз,
По ней скользнувших мимолетным взглядом
В тот краткий миг, как проносились рядом...

Нет, не бесследны в мире наши дни,
Таящие надежду иль угрозу.
Случится быть в Кремле — поди взгляни
На эту неприметную березу.

Какая есть — тебе предстанет вся,
Запас диковин мало твой пополнит,
Но что-то вновь тебе напомнит,
Чего вовеки забывать нельзя...

1966

П. С. КОМАРОВ
(1911—1949)

ЗОЛОТАЯ ПРОСЕКА

Ни шороха, ни звука. Тишина.
Осенней паутины поволока.
И неба голубая вышина.
И просека, зовущая далеко.

Грибная прель, знакомая давно.
Березы в запоздалой позолоте.
Озерных далей синее окно.
Скучающая цапля на болоте...

Мне кажется, почти еще вчера
Сюда мое заглядывало детство,
И след от пионерского костра,
Наверно, сохранился по соседству.

Берестяной наполнив туесок
Пунцовою смородиной лесною,
Я отдыхать садился на песок
У дерева, под крышей навесною.

Оно шумело, ветви наклоня,
То тихо и задумчиво, то строго,
И просекой казалась для меня
Всей нашей жизни первая дорога.

Иди и не сворачивай, иди,
Руками разрывая паутинки,
И вырастут фиалки на пути
И лютиков литые золотинки.

Кукушка прокричит тебе вослед,
Разгадывать судьбу твою захочет,
И ты пересчитаешь, сколько лет
Она тебе сегодня напророчит.

И я иду с мечтой наедине,
Звенят неугомонные синицы,
Деревья пересказывают мне
Забытые лесные небылицы.

Как будто все по-прежнему в лесу:
Свернется лист спиралями витыми,
И дрогнет в паутине на весу,
И промелькнет краями золотыми.

И сразу детство слышится во всем:
В застенчивой, как девочка, березке,
В сухой былинке, в запахе грибном,
В неуловимом птичьем отголоске.

Но я полжизни прожил, и теперь,
Прислушиваясь к птицам на опушке,
Напоминаю сам себе: «Не верь
Лесному волхованию кукушки!»

Куда б меня дороги ни вели —
Весной, на кратковременных привалах,
Не видел я, как лютики цвели,
И не искал на просеке фиалок.

Пришел июнь. И только полоса
Моей зари с лесами стала вровень,
На лютики упала не роса —
Упали капли человечьей крови.

Их смоет дождь. А жизнь велит: иди,
Иди и не сворачивай с дороги,
И что бы ни случилось впереди —
Увидишь солнце на своем пороге.

Здесь будет все: небес голубизна,
Осенней паутины поволока,
Березы в золоте, лесная тишина
И просека, зовущая далеко.

1940—1941

НАД ШАНТАРСКИМИ ОСТРОВАМИ

Под крылом самолета — тайга и тайга,
Золотая земля в непромытых бутарах.
Голубые песцы. Голубые снега.
Голубая зима на Шантарах.

Твой покинутый чум. Бесприютный дымок.
Чей-то след торбазов на культбазу.
Ты летишь далеко. Ты иначе не мог.
Ты сюда возвратишься не сразу.

А на скалах прибрежных лежат облака,
Словно чайки на птичьих базарах.
Голубые хребты. Голубая река.
Голубые снега на Шантарах.

Где-то город вдали... Там, наверное, ждут.
Там профессор седой к тебе выйдет навстречу,
И найдутся друзья — камчадал и якут.
Новый чум. Новый дом. Откровенные речи.

Только нет, не забыть... Где-то воет пурга,
Все следы замело — нет ни новых, ни старых.
Голубые песцы. Голубые снега.
Голубая зима на Шантарах.

1945

Б. А. КОСТРОВ
(1912—1945)

ЗАКАЗНИК

Заросший земляничником курган.
Таскают хвою муравьи на спинах.
Растет и зреет ярая малина.
Клыкастый пень
Стоит как истукан.

Кроты пещеры под корнями роют,
И в тишине —
до звезд вознесена —
О купол неба бьется головою,
Не в силах с места тронуться,
сосна.

По ветру к солнцу медленно летит
Пернатых новоселов стая,
Но безучастно —
с дерева —
седая
Сова на мир полуденный глядит.
Безмолвствую в раздумье.

1939

* * *

Мы в полночь вышли на крыльцо
И не узнали, помнишь, сада.
Твое открытое лицо
Зарделось вдруг от снегопада.

И бесконечно и легко
Снежинки падали и, тая,
Кружились,
Где-то высоко
Кричали птицы, пролетая.

В пути застиг их первый снег.
Вожак хлестал крылами вьюгу
И вел —
встревоженный за всех —
Ширококрылых братьев к югу.

«Так люди ходят напролом», —
Подумал я.

А ты
        вздохнула
И белым
Шелковым платком,
Как лебедь крыльями, махнула.

1939

ОСЕНЬ

Над плотным стареющим тыном
Всю ночь —
                от зари до зари —
Багряные гроздья рябины
Качаются, как снегири.
На озере плещутся рыбы,
А дальше —
                долина,
                        и в ней
Камней седоватые глыбы
Похожи на груды костей.
Здесь ветер размашистый жестче,
Кричит коршунье на заре!

Опять осыпаются рощи,
И шорох листвы на дворе.

1940

Я. В. СМЕЛЯКОВ
(1913—1972)

РЯБИНА

В осенний день из дальнего села,
как скромное приданое свое,
к стене Кремля рябина принесла
рязанских ягод красное шитье.

Кремлевских башен длился хоровод.
Сиял поток предпраздничных огней.
Среди твоих сокровищниц, народ,
как песня песен — площадь площадей.

Отсюда начинается земля.
Здесь гений мира меж знамен уснул.
И звезды неба с звездами Кремля
над ним несут почетный караул.

В полотнищах и флагах торжества
пришелицу из дальнего села
великая победная Москва
как дочь свою в объятья приняла.

К весне готовя белые цветы,
в простой листве и ягодах своих
она стоит, как образ чистоты,
меж вечных веток елей голубых.

И радует людей моей страны
средь куполов и каменных громад
на площади салютов, у стены,
рябины тонкой праздничный наряд.

1948

КОЛОКОЛЬЧИКИ

Земля российская богата
в своей траве, в своих цветах.
Все колокольчики когда-то,
как будто сельские набаты,
гремели вечером в степях.

Потом их подрезали косы,
чтоб большей не было беды.
Они ложились безголосо
в тяжеловлажные ряды.

Их после вилы поднимали,
неся над самой головой.

Цветы несмело обретали
как бы ушедший голос свой.

Но, получив жестокий опыт
своей возлюбленной земли,
они уже на общий шепот
в стогах и копнах перешли.

Потом на дровнях удалялись,
роняя по дороге прах,
и губы конские купались
в траве увялой и цветах.

Так начиналась жизнь вторая,
идя все той же стороной:
ведь колокольчики Валдая,
то раскатясь, то затихая,
звенят и плачут под дугой.

1969

ПОЛЕВЫЕ ЦВЕТЫ

В гудки индустрии поверя,
спав от волнения с лица,
мы вышли все из сельской двери,
сошли с крестьянского крыльца.

И нас от старого крылечка
и вдоль села, и за село,
кружась и прыгая, колечко
в далекий город увело.

Нет, это вовсе не отсталость,
что с той поры до этих дней
вся та земля, что там осталась,
осталась в памяти твоей.

Ты весь засветишься на рынке
средь повседневной тесноты,
в крестьянской ивовой корзинке
увидев сельские цветы.

Оттуда, от полян и речек,
с какой-то детскою тоской
они пришли к тебе навстречу,
бывалый житель городской.

Вези их в утреннем трамвае,
не суетясь и не спеша,
неловко к сердцу прижимая,
увялой свежестью дыша.

Тебе цветы расскажут эти,
их полевая простота,
что где-то там на белом свете,

как рожь на утреннем рассвете,
шумят родимые места;

что светит небо дорогое
и так, да и не так, как тут,
и за собою, за собою
тебя обратно позовут.

Любовь к земле на расстоянье
нехлопотлива, хоть трудна.
Но это все не покаянье,
а только лирика одна.

Одна страна, одна Россия
взяла под собственную сень
и наши судьбы городские,
и судьбы наших деревень.

1969

А. Я. ЯШИН
(1913—1968)

ОРЕЛ

Из-за утеса, как из-за угла,
Почти в упор ударили в орла.

А он спокойно свой покинул камень,
Не оглянувшись даже на стрелка,
И, как всегда,
Широкими кругами,
Не торопясь, ушел за облака.

Быть может, дробь совсем мелка была —
Для перепелок, а не для орла?
Иль задрожала у стрелка рука
И покачнулся ствол дробовика?

Нет, ни дробинки не скользнуло мимо,
А сердце и орлиное ранимо...
Орел упал,
Но средь далеких скал,
Чтоб враг не видел,
Не торжествовал.

1956

* * *

Не верю, что звери не говорят,
Что думать не могут певчие птицы,
Что только инстинкты у хитрой лисицы
И пчелы не знают, чего творят.

Попробуйте в роще уединиться,
Укрыться под хвойный густой наряд
Да вникнуть в жизнь, что шумит вокруг,
Предубежденность на время откинув, —
И в сердце не будет места гордыне,
Вас трепет и робость охватят вдруг.

Достойно ль царя природы
                                        делить
Всех в мире живущих
На высших и низших?
Порой и владыки разумом нищи,
Все относительно, может быть?

Высокомерие не к лицу
Ни великану,
Ни мудрецу.
В сосновом бору,

В березовой роще,
Где так многогранно желанье жить,
Мне, сильному, только добрей, и проще,
И человечней хочется быть.

Мы видим не все со своей горы,
Чудес неоткрытых еще немало.
Боюсь, чтоб кичливость не помешала
Нам постигать иные миры.

1959

ЛЮБЛЮ ВСЕ ЖИВОЕ

Когда-то я и не убить не мог,
Что б ни летело над головой.
Садился за весла — ружье у ног,
Шел в чащу — заране взводил курок,
На жатву брал дробовик с собой.

Стрелял и коршуна и воробья,
Не разбираясь — друзья? враги?
А ныне
На ток хожу без ружья,
Катаюсь на озере без остроги.

Доверие птиц умею ценить.
Бывает легко на душе, когда
Случайно удастся жизнь сохранить
Птенцу, упавшему из гнезда.

Себя самого узнать не могу.
Осинки в лесу зазря не срублю,
В корнях родничок, что клад, берегу,
На муравейник не наступлю, —
Люблю все живое,
Живых люблю.

1959

ДОБРУ ОТКРОЕТСЯ СЕРДЦЕ

Не свалит меня бездорожье,
Я с детства ходил без сапог,
И сколько б теперь ни прожил —
Ничто для дубленой кожи
Неровность лесных дорог.

Без страха брожу по осоке,
По гальке,
Через поля.

Шипов не боюсь на тропке...
Все лишние электротоки
Берет из меня земля.

А с ними,
Почти бесследно
Рассасываясь, как вода,
Все злое,
Дурное,
Вредное
Уходит в песок навсегда.

И остается в теле,
В душе
После долгих бед
Лишь то,
Без чего ни веселья,
Ни счастья на людях нет.

Мне просто необходимо
Босым по земле ходить,
Чтоб верить,
И быть любимым,
И самому любить.

Ступи, мой товарищ, попробуй
И ты в холодок росы,
Сорви надоевшую обувь,
Пройдись по земле босым!

В глаза, будто память о детстве,
Зеленые глянут места,
Добру откроется сердце,
И совесть будет чиста.

Б. А. РУЧЬЕВ
(1913—1973)

МОЙ ИЮЛЬ

В птичий месяц моего рожденья
Невпопад леса свистят: июль!
Росы, рассыпаясь от паденья,
умывают родину мою.
На горах костры горят без дыма,
жжет заря заказанный сосняк.
С тропками витыми и пустыми —
вся земля, как озеро, ясна.
И признаюсь —
по своей охоте,
въявь мне снится, только замолчу,
что лечу я в синем самолете,
часовым над родиной лечу...

Чуть качая на озерах лодки,
трубят в трубы в гнездах падунов
города Урала — самородки
с дымчатыми зернами домов.
Выше труб взвиваются дороги,
цепи гор шатая на весах;
поднялись орлиные крутоги,
полегли лосиные леса.
За горами реки ходят кругом,
гнутся пашни, падают луга,
тополя по лесенке до юга
всходят на серебряных ногах.
Бродит море Черное потопом,
все эскадры ставит на отвод,
вдоль по морю город Севастополь
броненосной крепостью плывет.
А за ним ни берега, ни края,
жарко — без дорог и без оград —
догорает и не догорает
черный и зеленый виноград.
Карту стран заря перекроила
золотыми иглами пера,
и кричу я:
— Здравствуй, Украина,
небо семицветного Днепра!..
Ты берешь на славу и на годы
синеву, как рек своих удой,
золотое — от своих угодий,
сок вишневый от своих садов.
Но навстречу вскрылись перекрестной,
трубной, зореходною рекой
медные московские оркестры,
а оркестров — сорок сороков.
И встает, броненный в красный камень,
звезды из рубинов окрыля,

мир, хранимый чистыми штыками
в воротах гранитного Кремля.
Мир, хранящий в маршах Мавзолея,
на граненых, каменных руках —
яви и легендам — имя Ленин,
сердцем не сгорающим века.
И, склонясь над музыкой печальной,
честь отдав на медленном лету,
тихо-тихо говорю:
                    — Начальник,
горы в громе и земля в цвету!..

* * *

За щучьим Тоболом, за волчьей тайгой,
   за краем огня и змеи,
гроза становила высокой дугой
   ворота от сердца земли.
Где зарево славы от горных костров,
   червонцы и сила в ходу,
где горы железа и реки ветров
   у гордых людей в поводу.
Особый народ (не мои земляки),
   я жизнью ручался за то,
что сможет из самой последней реки
   устроить всемирный потоп.
А что моя доля? В лесах ни души,
   за яром взмывается яр.
Ну что моя доля? Девчонка, скажи!
   Дикарка лесная моя.
Стояла девчонка в суровой красе,
   и сам я сказал:
                    — Хорошо...
Я хлеба напек, насушил карасей
   и кожей оправил мешок.
Над солнцем, над черным испуганным днем
   в тайге хохотала гроза,
четыре сосны изрубила огнем
   и мне указала вокзал.
И не было горя, и я не гадал,
   что край о разлуке поет,
что поезд, качая, несет на года
   в далекий орлиный полет.
Страна, где страдал я от полдней сухих,
   от зимнего холода дрог,
навеки потеряны числа твоих
   мостов, семафоров, дорог.
Сто раз я слыхал, как дорога гремит,
   и поезд врывался туда,
где синие горы качал динамит,
   в долинах росли города.
Так юных любила, шатала и жгла
   костров золотая пора —
за гром вагонеток, за искры кайла,
   за каменный звон топора.

Горячие ночи прикончили сон,
и, трубку сжимая в зубах,
работал, готовый на сорок часов
забыть про еду и табак.
Июль налетал с азиатских границ,
январь с ледовитых морей,
и губы в июле ссыхались в крови
и были как лед в январе.
Во сне я не видел краев дорогих
и думал — по-старому, въявь
живет на Тоболе, у волчьей тайги,
лесная зазноба моя.
В боях на ударе ломается сталь,
а я возмужал от боев.
На поднятых мною домах и мостах
я вырубил имя ее.
В тайге порешили, что в землю зарыт,
но летом проезжий горняк
хвастнул, что бывал у Магнитной горы
и песню слыхал про меня.
Сказала девчонка:
— Найду, хоть убей... —
не знала ни смеха, ни сна,
отправила белых своих голубей —
четыре почтовых письма.
Они долетели, забились в руке,
и я расспросил их подряд...
И видел, как баржи летят по реке,
костры над тайгою горят.
На всех пристанях поднялись земляки —
народ, именитый за то,
что может из малой сибирской реки
устроить всемирный потоп.
Зато гармонист открывает игру,
и первой из первых подруг
высокая девушка входит на круг —
и радугой кружится круг.
За жаркие руки, за легкость шагов,
за сердце ее и еще
за вечную верность — от двух берегов
невиданный в мире почет.
Но тьма загремела замками дверей,
уходит зазноба моя.
И полночь уходит.
И время заре.
Стожары над миром стоят.
Красивые звезды походных былин,
при вас покидая привал,
походку любимой по гулу земли
я тысячи раз узнавал,
И, ветру назло раскрывая глаза,
о годах, что с нею прошел,
простыми словами нельзя рассказать,
но песню запеть — хорошо.

П. Н. ШУБИН
(1914—1951)

КАРЕЛИЯ

Ни луга, ни синего вира —
Поземка сечет валуны,
Здесь хватит снегов на полмира,
На сотню пустынь — тишины.

Но с нами в морозных окопах
Живут в первозданной красе
Дубы на заоблачных тропах,
Степные ромашки в росе,

И Волга черемухой машет,
И жимолость плещет в Орле:
Огромная Родина наша —
На снежной карельской земле.

Здесь гибель фашистских дивизий,
Здесь мщение ночью и днем,
Долины и вьюжные выси
Прикрыты гремучим огнем.

И нет ничего нам роднее,
Чем снежная эта земля,
И в сполохах небо над нею,
И реки ясней хрусталя.

Нам в жизни еще доведется
Под вишнями спать у плетней,
В ковыльной степи из колодца
Поить на закате коней;

Но всем, побывавшим на Лице,
На Каменной лысой горе,
Когда-нибудь Север приснится,
Леса в ледяном серебре,

И свист настигающей стали,
И лыжни стоверстная нить,
Суровые дальние дали,
Которых нельзя позабыть!

3 апреля 1944
Сорока

РОДИНА

Дикие расстояния,
Страшные расстояния,
Северного сияния
Трепетные стояния.

Русским горящим городом
Смотрит из облаков оно;
Светлым, могучим холодом
Звездное небо ковано.

У ледяного терема
Бродит буран стреноженный,
Горы в снегу затеряны —
Малые, как горошины.

Здесь валуны, как грамоты, —
Далей пещерных вестники,
В мерзлых гробницах — мамонты,
Этой земли ровесники.

В сопках, морозом выжженных,
Робкое сердце выстынет.
Только бесстрашный выживет,
Только могучий выстоит.

Русские, непокорные
Люди кремневой крепости,
Топчут вершины горные,
Белые от свирепости,

Далями великанскими
Мчатся, земли хозяева,
С бурями океанскими
Злые встречают зарева.

Лыжи спешат без отдыха,
Лодок скрипят уключины,
Груди не ищут продыха,
Мышцы узлами скручены.

Злобные смяты карлики,
Вбиты в могилы жесткие,
Пьяные кровью Нарвика
Черные псы заморские.

Где им пустыми душами,
Лапами их паучьими
Править снегами-стужами,
Вольных владений кручами!

Вон побережья Мурмана,
Стонут гудками гавани,
Дымы летят, как турманы,
Спутники дальних плаваний.

В силах любого ворога
Встретить и побороть она,
Смуглая вся от пороха,
Снежная наша Родина!

1944
Мурманск

А. И. НЕДОГОНОВ
(1914—1948)

ВЫХОД ВЕСНЫ

Святое зачатье цветенья:
тюльпанника первый виток.
На цыпочках встали растенья
и смотрят глазком на восток.

И нюхают воздух лиловый,
подкрашенный хвоей еловой,
настоянный на можжевеле,
на прели сентябрьской листвы,
вплывающий свистом травы
в соломку пастушьей свирели.

О, первый студеный туман —
распахнутый утренник мира!
(Седых облаков караван —
гигантская бурка Памира.)

Весна!
Перезвон топора,
рабочая песня в селеньях,
гудят на полях трактора,
и зерна готовятся в звеньях.

На доброй планетке зерна
апрельское солнце играет.
И небо с землей, и весна,
и люди в душе повторяют:

— Нам времени мало дано
(то мира жестокая мера!).
Да будет столетье одно
и ныне и присно равно
делению
секундомера!

1935

ГНЕЗДО

Высота врезалась в рощу клином
и жила под ветром, на дожде,
с маленьким гнездом перепелиным,
с желторотым птенчиком
в гнезде.

Озаряя рощу светом белым,
грозы полыхали над гнездом.
Мать,
прикрыв птенца промокшим телом,
отводила молнии крылом.

В клочьях облаков,
как бог, спокойное
поднималось солнце.
Лишь тогда
перепелка в небо знойное
выпорхнула
из гнезда...

Дуновенье ветерка залетного
колыхало с пчелами цветы...

Пополудни
рота пулеметная

заняла рубе́ж
у высоты.

В полный рост поднявшись
над долиною,
русский парень,
бравший города,
вырыл у гнезда перепелиного
ров
для пулеметного гнезда.

И когда по ковылю седому
вражий строй пошел на высоту,
птица, возвратившаяся к дому,
вдруг затрепетала на лету
и запела вдруг...

И в то мгновенье
пулеметчик прошептал: — Пора...
(Я назвал бы ангелом спасенья
эту птицу серого пера!)

Грянул бой.
Она над боем черным
заклинала песней хрупкий дом
всем своим издревле непокорным,
гордым материнским существом...

А когда свинец поверг пехоту
и опасность обратилась вспять,
человек, приросший к пулемету,
мертвым был.

Но продолжал стрелять.

1943

ОСЕНЬ

Звезд тишина неизменная.
Сумерек зыбкая просинь.
Первая послевоенная
милая русская осень.

Тихо пришла она — вкрадчивая,
судя по звукам — тугая,
песни и дни укорачивая,
свет в куренях зажигая.

В пору такую караичи
к лунным лучам приторочены,
в пору такую, играючи,
пробуют усики заячьи
танковый след вдоль обочины...

Все мне и любо и дорого:
и безразличьем простора
суженное до шороха
сердцебиенье мотора;

и журавлиная ижица,
что под луной воровато
древней дорогою движется
к знойному устью Евфрата;

и неземная, отпетая,
вешняя юность акаций...
Осень относится к этому
с невозмутимой прохладцей.

Кочет горластый
неистово
прясла и птичник окликал.
...Осень сады перелистывает
после учебных каникул.

Осень 1945
Под Ростовом

А. И. ФАТЬЯНОВ
(1919—1959)

СОЛОВЬИ

Пришла и к нам на фронт весна,
Солдатам стало не до сна —
Не потому, что пушки бьют,
А потому, что вновь поют,
Забыв, что здесь идут бои,
Поют шальные соловьи.

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат,
Пусть солдаты немного поспят...

Но что война для соловья —
У соловья ведь жизнь своя.
Не спит солдат, припомнив дом
И сад зеленый над прудом,
Где соловьи всю ночь поют,
А в доме том солдата ждут.

Ведь завтра снова будет бой,
Уж так назначено судьбой,
Чтоб нам уйти, не долюбив,
От наших жен, от наших нив.
Но с каждым шагом в том бою
Нам ближе дом в родном краю.

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат,
Пусть солдаты немного поспят,
Немного пусть поспят...

1942

ДАВНО МЫ ДОМА НЕ БЫЛИ...

Горит свечи огарочек,
Гремит недальний бой.
Налей, дружок, по чарочке,
По нашей, фронтовой.
Не тратя время попусту,
По-дружески да попросту
Поговорим с тобой.

Давно мы дома не были...
Шумит над речкой ель,
Как будто в сказке — небыли,
За тридевять земель.
На ней иголки новые,
А шишки все еловые,
Медовые на ней.

Где елки осыпаются,
Где елочки стоят,
Который год красавицы
Гуляют без ребят.
Без нас девчатам кажется,
Что месяц сажей мажется
И звезды не горят.

Зачем им зорьки ранние,
Коль парни на войне,
В Германии, в Германии,
В далекой стороне.
Лети, мечта солдатская,
К дивчине самой ласковой,
Что помнит обо мне.

Горит свечи огарочек,
Гремит недальний бой,
Налей, дружок, по чарочке,
По нашей, фронтовой...

1944

НАШ ГОРОД

За заставами ленинградскими
Вновь бушует соловьиная весна.
Где не спали мы в дни солдатские,
Тишина теперь, как прежде, тишина.

Над Россиею —
Небо синее.
Небо синее —
Над Невой.
В целом мире нет,
Нет красивее
Ленинграда моего.

Нам все помнится: в ночи зимние
Над Россией, над родимою страной,
Весь израненный, в снежном инее,
Гордо высился печальный город мой.

Славы города, где сражались мы,
Никому и ни за что ты не отдашь.
Вместе с солнышком пробуждается
Наша гордость, наша слава — город наш.

Над Россиею —
Небо синее.
Небо синее —
Над Невой.
В целом мире нет,
Нет красивее
Ленинграда моего.

1945

Н. П. МАЙОРОВ
(1919—1942)

ПОСЛЕ ЛИВНЯ

Когда подумать бы могли вы,
Что, выйдя к лесу за столбы,
В траву и пни ударит ливень,
А через час пойдут грибы?
И стало б видно вам отселе,
Лишь только ветви отвести,
Когда пойдет слепая зелень
Как в лихорадке лес трясти.
Такая будет благодать
Для всякой твари! Даже птицам
Вдруг не захочется летать,
Когда кругом трава дымится,
И каждый штрих непостоянен,
И лишь позднее — тишина...
Так ливень шел, смещая грани,
Меняя краски и тона.
Размыты камни. Словно бивни,
Торчат они, их мучит зуд;
А по земле, размытой ливнем,
Жуки глазастые ползут.
А детвора в косоворотках
Бежит по лужам звонким, где,
Кружась, плывет в бумажных лодках
Пристрастье детское к воде.
Горит земля, и пахнет чаща
Дымящим пухом голубей,
И в окна входит мир, кипящий
Зеленым зельем тополей.
Вот так и хочется забыться,
Оставить книги, выйти в день
И, заложив углом страницу,
Пройтись босому по воде.
А после — дома, за столом,
Сверкая золотом оправы
Очков, рассказывать о том,
Как ливни ходят напролом,
Не разбирая, где канавы.

1939

АВГУСТ

Я полюбил весомые слова,
Просторный август, бабочку на раме
И сон в саду, где падает трава
К моим ногам неровными рядами.

Лежать в траве, желтеющей у вишен,
У низких яблонь, — где-то у воды,
Смотреть в листву прозрачную
И слышать,
Как рядом глухо падают плоды.

Не потому ль, что тени не хватало,
Казалось мне, вселенная мала?
Движения замедленны и вялы,
Во рту иссохло. Губы как зола.

Куда девать сгорающее тело?
Ближайший омут светел и глубок —
Пока трава на солнце не сгорела,
Войти в него всем телом до предела
И ощутить подошвами песок!

И в первый раз почувствовать так близко
Прохладное спасительное дно —
Вот так, храня стремление одно,
Вползают в землю щупальцами корни,
Питая щедро алчные плоды
(А жизнь идет!), — все глубже и упорней
Стремление пробиться до воды,
До тех границ соседнего оврага,
Где в изобилье, с запахами вин,
Как древний сок, живительная влага
Ключами бьет из почвенных глубин.

Полдневный зной под яблонями тает
На сизых листьях теплой лебеды.
И слышу я, как мир произрастает
Из первозданной матери — воды.

1939

Г. К. СУВОРОВ
(1919—1944)

* * *

Цветы, цветы... Как много их,
И розовых и голубых,
Как мотыльков на тонких стеблях,
Цветы, цветы... Везде, везде
Мне улыбаются весь день,
Живую радугу колебля.

Цветы, цветы... И на душе,
Вот в этом тесном блиндаже,
Опять легко. Я пьян цветами...
Здесь бой прошел. Здесь кровь лилась...
От грома здесь земля тряслась,
Но бой не погасил их пламя.

Цветы, цветы... И там и тут
Они смеются и цветут,
Как кровь пунцовая соколья,
Как память павших здесь в бою
За жизнь, за Родину свою. —
Они цветут на этом поле.

КОСАЧ

Заря над лесом разлилась устало...
Бой отгремел. С огрызком сухаря

Я сел у пня. Винтовка отдыхала
У ног моих, в лучах зари горя.

Я ждал друзей, идущих с поля боя...
И вдруг... где трав серебряная мгла,

В пятнадцати шагах перед собою
Я увидал два черные крыла.

Потом кривая радужная шея
Мне показалась из сухой травы.

Рука к винтовке, но... стрелять не смею, —
Ведь он один на берегах Невы...

Земля!.. И предо мною голубые
Встают папахи горных кедрачей.

Как бы сквозь сон, сквозь шорохи лесные
Я слышу ранний хохот косачей.

Так, вспоминая, в голубом томленьи
Глаз не сводил я с полукруглых крыл...

Легла винтовка на мои колени,
Поднять ее я не имел уж сил.

Да и зачем? Мой выстрел, знаю, меток,
Но птица пусть свершает свой полет.

Охотник я. Я знаю толк в приметах:
Кто птицу бьет, тот зверя не убьет.

А. И. ЛЮКИН
(1919—1967)

РОДИТЕЛИ

Силы на покосе
Измотав вконец,
На крутом откосе
Отдыхал отец.

На его рубашке
Застывала соль,
Желтые ромашки
Врачевали боль.

И вставал здоровым
Мой родной мужик,
И звенело снова:
«Вжик, вжик, вжик».

А когда жестоко
Вновь ему устать,
С квасом издалека
Приходила мать.

Хлеба подавала,
Луку для косца,
Кофтой обтирала
Шею у отца.

И вдвоем косили:
«Вжик, вжик, вжик».
Так они и жили —
Баба да мужик.

И в своих забавах
В предвечерний час
На медовых травах
Зачинали нас.

ДВОЕ В НЕНАСТЬЕ

Возле клена
Стоит кленок.
Их тревожит
То дождь,
То ветер.
— Ничего,
Потерпи, сынок, —
Клен кленка
Укрывает ветвью.
Ветвь у клена,
Будто рука —

Чем опаснее,
Тем проворней.
Так стоят они,
Два мужика,
Одного
Российского корня.

* * *

Из-под камушка струится
Расхрустальная вода.
— Дай же, дай же мне напиться,
Синеглазая беда!

Дай напиться, освежиться,
Слышишь: сердце ёк да ёк!
Погоди же торопиться —
Ты чиста, как ручеек.

И в ответ: — Попей, дорожный.
Только — девушку прости —
Будь чуть-чуть поосторожней,
Ручейка не замути.

Н. С. АНЦИФЕРОВ
(1930—1964)

Я СОЛНЦУ РАД

Когда я выхожу из-под земли,
Так улыбаюсь солнцу,
Будто с ним
Не виделся сто тысяч лет и зим.
И вдруг увидел,
Выйдя из земли.
Домой я мимо кладбища иду.
Я воздух пью — не могу напиться,
На нашем кладбище как в городском саду:
Цветет акация, насвистывают птицы...
«Привет, ребята. Я опять в гостях», —
Скажу, сняв кепку, холмикам могильным.
Я под акацией с травинкою в зубах
Усну беспечным, молодым и сильным.
Я час просплю. А может быть, все пять,
Меня разбудит родственница чья-то
И скажет, что наклюкался опять,
Что ничего не дорого, не свято...
Вы, люди-судьи, не всегда правы:
Я пьян не от бутылочного зелья —
Я опьянел, придя из подземелья,
От свиста птиц, от зелени травы...
Но я перечить женщине не стану.
Я виноват.
Я извинюсь.
Я встану.
Уйду, не поднимая головы.
А завтра выйду снова из земли,
Так улыбаясь солнцу,
Будто с ним
Не виделся сто тысяч лет и зим
И вдруг увидел,
Выйдя из земли.

СЛУЧАЙНАЯ ГОСТЬЯ

Заблудилась на штреке весна.
Валит с ног, опьяняя, хвоя.
Это все натворила сосна.
Нет, сосною была она,
А теперь — просто крепь для забоя.
Я махнул на работу рукой,
Оглянувшись на всякий случай,
И ни разу не бритой щекой
Прислонился к коре колючей.
Я в лесу.
Я в лесу первый раз!
Я дышу.
Я хочу про запас
В шахту воздуха взять лесного.
Но крепильщик — охрипший бас —
Возвращает на место снова.
Он, как все мы, на слово слаб:
— Как не совестно бисову сыну!
Чи тебе не хватает баб,
Чи сдурел, шо кохаешь лесину?..

...Мы, кряхтя, развернули сосну.
Соревнуясь в уменье и силе,
Заблудившуюся весну
Мы в четыре руки казнили.

А. Т. ПРАСОЛОВ
(1930—1972)

* * *

Густая тень и свет вечерний,
Как в сочетанье — явь и сон.
На золотое небо чернью
Далекий город нанесен.

Он стал законченней и выше,
Не подавляя общий вид.
Движенья полный — он недвижен,
Тревожно-шумный — он молчит.

Без мелочей, тупых и тусклых,
Он вынес в огненную высь
И стройность зодческого чувства,
И шпили — острые, как мысль.

* * *

Коснись ладонью грани горной.
Здесь камень гордо воплотил
Земли горячий, непокорный
Избыток вытесненных сил.

И не ищи ты бесполезно
У гор спокойные черты:
В трагическом изломе — бездна,
Восторг неистовый — хребты.

Здесь нет случайностей нелепых:
С тобою выйдя на откос,
Увижу
Грандиозный слепок
Того, что в нас не улеглось.

* * *

Мирозданье сжато берегами,
И в него,
Темна и тяжела,
Погружаясь чуткими ногами,
Лошадь одинокая вошла.

Перед нею двигались светила,
Колыхалось озеро без дна,
И над картой неба
Наклонила
Многодумно голову она.

Что ей, старой,
Виделось, казалось?
Не было покоя
Средь светил:
То луны,
То звездочки касаясь,
Огонек зеленый там скользил.

Небеса разламывало ревом,
И ждала —
Когда же перерыв, —
В напряженье,
Кратком и суровом,
Как антенны, уши навострив.

И не мог я видеть
Равнодушно
Дрожь спины
И вытертых боков,
На которых вынесла послушно
Тяжесть
Человеческих веков.

Н. М. РУБЦОВ (1935—1971)

ТИХАЯ МОЯ РОДИНА

В. Белову

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В давние годы мои.

— Где же погост? Вы не видели?
Сам я найти не могу. —
Тихо ответили жители:
— Это на том берегу.

Тихо ответили жители,
Тихо проехал обоз.
Купол церковной обители
Яркой травою зарос.

Там, где я плавал за рыбами,
Сено гребут в сеновал:
Между речными изгибами
Вырыли люди канал.

Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил...
Тихая моя родина,
Я ничего не забыл.

Новый забор перед школою,
Тот же зеленый простор,
Словно ворона веселая,
Сяду опять на забор!

Школа моя деревянная!..
Время придет уезжать —
Речка за мною туманная
Будет бежать и бежать.

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

ЗВЕЗДА ПОЛЕЙ

Звезда полей во мгле заледенелой,
Остановившись, смотрит в полынью.
Уж на часах двенадцать прозвенело,
И сон окутал родину мою...

Звезда полей! В минуты потрясений
Я вспоминал, как тихо за холмом
Она горит над золотом осенним,
Она горит над зимним серебром...

Звезда полей горит, не угасая,
Для всех тревожных жителей земли,
Своим лучом приветливым касаясь
Всех городов, поднявшихся вдали.

Но только здесь, во мгле заледенелой,
Она восходит ярче и полней,
И счастлив я, пока на свете белом
Горит, горит звезда моих полей...

Юрий Селезнев

ПОЭЗИЯ ПРИРОДЫ И ПРИРОДА ПОЭЗИИ

Я вопрошал природу, и она
Меня в свои объятья приняла.

Лермонтов

I

Среди разнообразных форм русского народного орнамента один из наиболее характерных образов — четырехугольник, пересеченный вдоль и поперек прямыми линиями, которые образуют внутри его как бы четыре поля с точками в центре каждого из них.

Как показывают археологические и этнографические материалы, это один из самых устойчивых образов русской орнаментики вообще. Он столь же обычен в современном рисунке народных тканей, сколь и в тканях XI—XII веков. По существу, тот же рисунок украшает посуду начала нашей эры, найденную при раскопках на нижнем Днепре. Он же наиболее характерен и для так называемой трипольской культуры, один из центральных очагов которой находился в районе среднего Днепра и расцвет которой относится к IV—III тысячелетиям до н. э.[1].

Редкостная «консервативность» определенной формы художественного мышления, не правда ли? Представим, что было бы с искусством вообще или с той же, например, живописью, если бы такое сознание владело художниками со времен палеолита до наших дней... А уж о поэзии и говорить не приходится. Сравним для примера хотя бы такие стихи:

Всю землю в цветы апрель одевает,
Весь собор людской в радость призывает,
Листвие древо зеленым венчает...
(Симеон Полоцкий)

О, весна без конца и без краю —
Без конца и без краю мечта!
Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!
И приветствую звоном щита!
(А. Блок)

Первые принадлежат одному из ведущих русских поэтов конца XVII, вторые — самого начала XX века. Разница в поэтическом мышлении одного и другого, как видим, разительная, а ведь их отделяют не шесть и даже не два тысячелетия, а «всего лишь» чуть более двух столетий...

Но обратимся и к такому поэтическому ряду:

Не буря соколов занесла
через поля широкие —
галицкое войско несется
к Дону Великому!
(«Слово о полку Игореве», XII в.)

[1] См. об этом, например, в статье академика Б. А. Рыбакова «Космогония и мифология земледельцев энеолита». «Вопросы археологии», 1965, № 1, с. 33 и др.

Не ветра шумят холодные,
Не пески бегут зыбучие, —
Снова горе подымается,
Словно злая туча черная...

(народная песня, XVII в.)

Не стая воронов слеталась
На груды тлеющих костей,
За Волгой, ночью, вкруг огней
Удалых шайка собиралась.

(Пушкин. 1-я треть XIX в.)

Не ветер, вея с высоты,
Листов коснулся ночью лунной;
Моей души коснулась ты...

(А. К. Толстой. 2-я половина XIX в.)

Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадет трава.
Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.

(С. Есенин. 1925 г.)

Родимая! Что еще будет
Со мною? Родная заря
Уж завтра меня не разбудит,
Играя в окне и горя...

(Н. Рубцов. 2-я половина нашего столетия)

Не правда ли, каждый из этих отрывков художественно индивидуален. Не менее очевидно и творческое своеобразие каждого из их создателей. Но вместе с тем мы наблюдаем и удивительную, присущую всем им внутреннюю общность, характеризующую определенный поэтический образ мира в целом. Такая устойчивая, но, конечно, далеко не единственная черта, как параллелизм мира природы и мира человека, как видим, «сопутствует» ему на протяжении по крайней мере семи столетий. Но если учесть, что уже и для автора «Слова о полку Игореве» этот поэтический «прием» не столько индивидуален, сколько глубоко традиционен, то, может быть, и не будет столь уж фантастично отнести истоки такого видения мира к тому же IV тысячелетию до н. э., к которому восходят и первые известные нам изображения упомянутого выше орнаментального рисунка. И может быть, прежде чем говорить о консервативности или даже косности мышления, отраженной в этой шеститысячелетней традиции, стоило бы понять смысл и самого образа и столь удивительной его сохранности?

Четырехугольник, пересеченный крест-накрест, не случайное «украшение», но идеограмма поля с точками-семенами. Это один из важнейших отличительных знаков той земледельческой культуры, сложившейся еще в эпоху энеолита, которая явилась истоком дальнейшего развития таких культур, как древнеиндийская, древнеиранская, древнегреческая, древнеславянская... Это был не просто случайный рисунок, но именно знак[1] определенной культуры, с ее особыми представлениями о мире. Он как бы вобрал в себя наиболее глубинные черты народного бытия. Об этом говорит множество фактов. Так, белорусская этнография XIX века, например, свидетельствует: «Когда строился дом, то предварительно на земле чертился

[1] Знак — от слова «знать»; однокоренное и, я бы сказал еще, — однносмысловое в существенном со словами «узнавать, значить, знаменовать». И само слово «знамя» от этого же понятия — знак.

такой знак, а затем глава семьи отправлялся на четыре поля, окружавшие усадьбу, и с каждого приносил на голове камень, который и клал в центре каждого поля квадрата»[1]. Каждый из этих камней и становился краеугольным основанием дома. Не в те ли «доисторические» времена, в которые уходит традиция, сложилась поговорка: «Не красна изба углами, а красна пирогами» — и не таится ли в ней глубинная мировоззренческая взаимосвязь между такими краеугольными камнями и точками-зернами в идеограмме поля? Во всяком случае, идея сопряжения природы и человека и через несколько тысячелетий находит законное место в поэтическом образе мира русских поэтов XIX и XX веков. И притом таких поэтов, чье творчество вряд ли кто осмелится назвать консервативным, по крайней мере для их эпохи...

Да, если видеть в этой черте русской поэзии только определенный поэтический прием, то вполне уместно удивиться и еще одному образчику косности художественного мышления. Однако прием ли это? В каких бы формах ни отражала поэзия параллель природа — человек, перед нами всюду открывается в видимых и осязаемых образах один из важнейших законов бытия: закон диалога[2].

Что это значит? В мире все взаимосвязано, взаимообусловлено, все находится в многообразных отношениях: человек — другой человек (мать, друг, брат, враг и т. д.); человек и общество; человек (или человечество) и природа (или мир в его целом) и т. д.

Эти отношения могут быть равноправными или же неравноправными. Взаимоотношения, когда одна из сторон может не считаться с другой, навязывать ей свои условия, понятия и т. д., в самом широком смысле называются монологическими. Они, как правило, эгоистические, потребительские.

Я центр мира, мир существует для меня — вот формула монологического сознания.

Диалог же как форма отношения к миру предполагает обязательное наличие второго равноправного, равноценного участника, с которым только и возможен диалог.

Я и мир; мир во мне и я в мире — вот «формула» сознания русской поэзии.

Человек и природа здесь как бы смотрятся друг в друга, раскрывают свой сокровенный смысл в диалоге. «Мгновенное», индивидуальное состояние человека в таком поэтическом образе как бы включается в вечную жизнь природы, соотносится с ней, поверяется ею. И процесс этот отнюдь не односторонен, он диалогичен в самом широком смысле этого понятия. Прекрасно сказал М. М. Пришвин: «Мы в природе соприкасаемся с творчеством жизни и соучаствуем в нем... В природе вода лежит, и ее зеркало отражает небо, горы и лес. Человек, мало того, что сам стал на ноги, он поднял вместе с собой зеркало, и увидел себя, и стал всматриваться в свое изображение... Дело человека высказать то, что молчаливо переживается миром. От этого высказывания, впрочем, изменяется и самый мир»[3].

Знак древних земледельцев «украшает» и женские изображения и статуэтки и в этом случае означает: «она понесла во чреве». «Невольно возникает ассоциация с христианским божеством плодородия — Богородицей, девой-матерью, изображаемой нередко так, что на ее животе показан не родившийся еще ребенок Иисус Христос... В Древней Руси культ Богородицы слился с местным культом рожениц... Мы знаем, как тесно магия плодородия полей переплетена с магией человеческого плодородия»[4].

Не случайно, видимо, и в народном (но не в церковном) сознании культ Богоматери сливался с древним культом Матери — Сырой Земли, то есть земли, оплодотворенной дождем, «понесшей во чреве». Идея семени есть идея зарождения новой жизни, а весь знак в целом — символ идеи самой жизни.

---

[1] Б. А. Рыбаков. Указанная статья, с. 30.

[2] Проблему диалога как одной из существенных форм самой природы бытия мира и всего в мире поставил и обосновал, как известно, М. М. Бахтин. См. его труд: Проблемы поэтики Достоевского. Изд. 3-е. М., «Художественная литература», 1972.

[3] Незабудки. М., «Художественная литература», 1969, с. 22, 23.

[4] Б. А. Рыбаков. Указанная статья, с. 29.

Тот же знак, но уже несколько в иной форме, символизировал другую сторону той же идеи жизни.

Это был знак соединения «земного» — природного и человеческого — с «небесным», точнее — с космическим. Круг — древнейший знак, обозначающий Солнце. Мироотношение, отраженное в этом знаке, столь же существенно и для образа мира русской поэзии.

Высоко солнце восходило, далеко осветило —
Во все чистое поле, через синее море,

Через синее море, через быструю речку... — это запев одной из старинных народных песен, а далее в ней рассказывается о «частной» судьбе девушки. Так же, как и в следующей:

Туманно красно солнышко, туманно,
Что в тумане красна солнышка не видно.
Кручинна красна девица, печальна;
Никто ее кручинушки не знает...

Только ли в «параллелизме» здесь дело? Да и зачем такие прямо-таки космические параллели? Однако вспомним, например, стихи Лермонтова:

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит:
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.

Казалось бы, что особенного: ну, выходит поэт на дорогу, не такое уж «всемирное» событие. Откуда, зачем вдруг этот «космизм»: «Пустыня внемлет богу», «Звезда с звездою говорит»? Впрочем, может быть, такой диалог «ни из-за чего» с Целым Миром — индивидуальная особенность художественного мироотношения именно этого поэта?

Вот бреду я вдоль большой дороги
В тихом свете гаснущего дня...
Тяжело мне, замирают ноги...

Снова «частная» ситуация, и вдруг:

Вот тот мир, где жили мы с тобою,
Ангел мой, ты видишь ли меня?
(Тютчев)

И у Есенина:

Я по первому снегу бреду,
В сердце ландыши вспыхнувших сил.
Вечер синею свечкой звезду
Над дорогой моей засветил.

Образ дороги в русской поэзии, как и в русской литературе в целом, приобрел в творчестве самых разных по художественному видению поэтов характер закономерной необходимости. Вспомним былинных и сказочных богатырей на распутье, вспомним удивительные песни, сложенные народом о дороге, чего стоит только «Не одна во поле дороженька пролегала...».

Прямая дорога, большая дорога!
Простору немало взяла ты у Бога...
(И. Аксаков)

П р о с т о р — вот что, пожалуй, более всего и характеризует образ мира, созданный русской поэзией. Если в приведенных выше стихах Есенина, например, образ з в е з д ы   н а д   д о р о г о й рассматривать сам по себе, он может быть воспринят как конкретное воспроизведение вечернего пейзажа. Но в контексте русской поэзии в целом выявляется и вне — или даже над — индивидуальная неслучайность «сугубо есенинского» образа. Нет, «звезда с звездою говорит» и «синяя свечка — звезда» — не просто пейзажи. Это еще и вольно или невольно проявившаяся в индивидуальном художественном видении поэтов общая, присущая русской поэзии закономерность. Какой бы частный эпизод, какое бы «мгновенное» состояние души, сознания ни лежали в основе стихотворения, у истинного поэта образ всегда открыт миру, внутренне сопричастен ему, духовно сопряжен с ним.

Рассмотрим хотя бы схематично, как создается внутреннее пространство (простор) образа мира в стихотворении Лермонтова «Выхожу один я на дорогу» и Тютчева «Вот бреду я вдоль большой дороги». Думается, напоминать об очевидной художественно-творческой индивидуальности каждого из поэтов нет надобности. И в том и в другом случае перед нами сразу же возникает д а л е в о й образ дороги, образ устремленности в п е р е д и в б у д у щ е е. Далее устанавливается та же беспредельность н а з а д, в п р о ш л о е: «И не жаль мне прошлого ничуть»; у Тютчева — она более поэтически сокровенна: «Улетел последний отблеск дня», «память рокового дня».

Однако образ у обоих поэтов не линеен: тут же утверждается и другая художественная координата «вертикальной» бесконечности в в е р х: «В небесах торжественно и чудно!» У Тютчева: «Все темней, темнее н а д   з е м л е ю...» А затем и «вниз»: «Но не тем холодным сном могилы...»; у Тютчева опять-таки образ «под землею, смерти-могилы дан «в намеке», но совершенно явно ощутим во всей художественной ткани стихотворения, в полунамеке строфы: «Завтра память рокового дня...» Если бы позволили себе начертать условную схему поэтического образа мира, общего этим двум столь очевидно самобытным поэтам, мы бы получили следующую анаграмму:

Она, конечно же, ни в коей мере не может представлять живую материю стихотворений, но в известной степени может быть з н а к о м их общей внутренней природы.

Стоило бы сказать и о «расширении» этого образа. Стихотворения открывают частные ситуации: «Выхожу один я...», «Вот бреду я...» Я — поэтический центр того и другого образов. Эта центральная точка их поэтического мира не замкнута на себе и в себе, она открыта з е м н о м у «дольнему» миру: «Пустыня внемлет богу», «Вот тот мир, где жили мы с тобою...» Происходит как бы расширение внутреннего пространства образа от «точки» — центра до тех пределов, когда вдруг становится «видно далеко во все концы земли». Вспомним блоковское: «Выхожу я в путь, о т к р ы т ы й взорам...» И, наконец, эта «дольняя» бесконечность художественного сопрягается и с «вселенской»: «И звезда с звездою говорит». У Тютчева: «Ангел мой, где б души ни витали, Ангел мой, ты видишь ли меня?»

И в одном и в другом случае: точка Я сопряжена с Миром в его Целом. Человек и мир связаны единым духовным состоянием сопричастности. Оттого и «частный» случай, индивидуальное состояние поэта все-мирно, оттого его образ мира духовно бесконечен.

Мы помним, что древние изображали знак Космоса солнечным кругом (славянское колесо-круг от коло-солнце). Круг же был одновременно и символом бесконечности. Таким образом, если мы захотим установить общий знак образа мира обоих поэтических шедевров, мы получим не что иное, как древнее, уходящее в глубь по меньшей мере шести тысячелетий изображение:

Конечно, такое установление схожести в известном смысле насилие над живой природой индивидуально неповторимых образов.

Но, возможно, эта «операция» в какой-то мере позволит нам понять типологию того поэтического мироотношения, которое включает художественно неповторимые образы в общенародное поэтическое отношение к миру, выработанное условиями тысячелетий его исторического бытия.

«Здесь русский дух в веках произошел», — скажет уже в наши дни Николай Рубцов. И

...этот дух пройдет через века!
И пусть травой покроется дорога!
И пусть над ней, печальные немного,
Плывут, плывут, как мысли, облака...

Нет, образы природы в русской поэзии не просто пейзаж. Скорее то, что мы порою готовы воспринимать за чистый пейзаж, — в основе своей одно из конкретных, видимых проявлений Природы в ее Целом.

II

Не нужно думать, что каждое стихотворение, которое мы, несомненно, относим к высшим духовным поэтическим ценностям, непременно обнаруживает свою «космическую» бесконечность, в столь почти наглядных пространственных и временных образах, как, скажем, в поминаемых стихах Лермонтова, Тютчева, Блока, Есенина, Рубцова. Или в народных песнях, типа «Высоко солнце исходило, далеко осветило», или в таких былинных зачинах, как:

Высота ль, высота ль поднебесная,
Глубота ль, глубота ль — океан
море,
Широки омуты днепровские... и т. д.

«Космизм» русской поэзии проявляется не в отдельных образах, пусть даже и столь устойчиво традиционных, как рассмотренный нами поэтический параллелизм: человек — природа — космос. И тем более не в отдельных «космических» терминах, но прежде всего в том духовном состоянии причастности миру, которое создается стихотворением в его целом. В состоянии духовного диалога Я с Миром. Такой диалог может быть «скрыт». Чаще всего он сокровенен, но его присутствие всегда ощутимо.

Вспомним, например, такие стихи Фета:

Облаком волнистым
Пыль встает вдали;
Конный или пеший —
Не видать в пыли!
Вижу: кто-то скачет
На лихом коне.

Казалось бы, простая зарисовка — наблюдение. И вдруг откуда такой порыв! а вернее — прорыв из «пейзажа» в бесконечность, из мира «жанровой зарисовки» в мир необходимости духовно родственного соединения с «далеким-близким»:

Друг мой, друг далекий,
Вспомни обо мне!

Это крик о невозможности быть одному. И пусть этот диалог в данном случае «только» с другом — в нем, как в зерне, весь смысл и «вселенского» чувства.

«Надо, чтобы стало тесно в себе, и очень больно от этого...» — записывает

Пришвин в дневнике; и эта «личная боль», которая у большинства так и остается личной и только, у истинного поэта «имеет *всемирное* значение жажды... найти родную душу для встречи».

Есть у Лермонтова стихи: «Когда волнуется желтеющая нива...»

Далее, как мы помним, следуют другие «когда» — образы русской природы, а все стихотворение завершается «логическим» — «тогда»:

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, —
И счастье я могу постигнуть *на земле*,
И в небесах я вижу Бога...

«Свежий лес», «звук ветерка», «малиновая слива», «ландыш серебристый», «студеный ключ» — все это не просто элементы конкретного пейзажа, но те реалии природы, которые более всего «душу облекают в плоть» (С. Есенин). Отсюда и естественный, природный космизм такой поэзии. Это духовное состояние, когда «мгновенье» равноценно вечности, когда частица бытия говорит о Целой Вселенной, когда совершающееся в душе поэта одновременно отражается «на земле и в небесах».

Личное поэтическое «я» осуществляет себя как бы перед лицом всего Мироздания.

Оставаясь в высшей степени личностным, такое сознание соотносится с сознанием всего народа. В стихотворении семнадцатилетнего Лермонтова, строфа из которого послужила эпиграфом к этой статье («Я вопрошал природу, и она Меня в свои объятья приняла»), совершенно точно определено такое состояние:

Я вдруг нашел себя, в себе одном
Нашел спасенье целому народу...

Вопрос о соотношении в поэзии личного и общенародного вообще один из наиболее глубинных. Сборник не случайно называется «Времена года» (их, кстати, тоже четыре, как и четыре поля в древнем земледельческом *знаке*, о котором мы уже говорили. А времена года «отсчитываются» по солнцу — магическому кругу древних). Не случайно, потому что именно времена года тысячелетиями определяли общенародные жизненные ритмы, циклы, которые накладывали особую несмываемую печать на быт и бытие как отдельного индивида, так и всего народа в целом.

Весна, весна, красная
Приди, весна, с радостью,
С радостью, с радостью,
С великой милостью... —

так издревле поет народ. Весна — веселье природы, время года, более всего говорящее о ее бессмертии, о неодолимости жизненных сил, о вечном возрождении.

Еще весны душистой нега
К нам не успела снизойти,
Еще овраги полны снега...
. . . .
Но возрожденья весть живая
Уж есть в пролетных журавлях.

(А. Фет)

Вспомним лермонтовские «Разливы рек... подобные морям», некрасовский «Идет-гудет Зеленый Шум», блоковские строки: «О, весна, без конца и без краю...» Можно привести десятки неповторимых поэтических воплощений «весеннего» чувства — все они при всей их индивидуальности отражают и нечто надличностное — общенародные поэтические воззрения на природу весны.

Вот что пишет, например, о своем, сугубо личном отношении к весне Пушкин: «Октябрь уж наступил... Теперь моя пора: я не люблю весны...» («Евгений Онегин»).

Но далее в том же «Евгении Онегине» читаем:

Гонимы вешними лучами,
С окрестных гор уже снега
Сбежали мутными ручьями
На потопленные луга,
Улыбкой ясною природа
Сквозь сон встречает утро года...

Здесь уже дано не личностное, но общенародное восприятие весны.

И это всеобщее чувство как бы перебарывает личную неприязнь поэта к весне:

Я наслаждаюсь дуновеньем
В лицо мне веющей весны...

Да вот ведь и народ-то поет не только свое «общее»: «Веселитеся, подружки: к нам весна скоро придет», но и индивидуальное: «Скучно, матушка, весной мне жить одной...» Личностное не поглощается общим ни в лирике народных поэтов, ни в народной поэзии, но всегда соотносится с ним.

Это «общее» и есть своеобразный поэтический знак глубоко природной причастности неповторимой личности поэта духу общенародного бытия.

Конечно, поэзия имеет свои законы, и этот знак причастности, как правило, и сам более личностен, более индивидуален, не столь наглядно зрим, как «орнаментальный образ», прошедший неизменно путь в несколько тысячелетий. Но ведь и этот образ «косности сознания» отмечает общее в меняющемся и развивающемся мире: этот знак входит в состав индивидуально неповторимых созданий от древних ритуальных сосудов до современно сработанных тканей...

А ведь при слове «поэзия» тотчас же возникает мысль о свободе («Дорогою свободной Иди, куда влечет тебя свободный ум...» Пушкин). И может быть, не случайно слово «стихи» в русском языке созвучно со словом «стихия», которое, в свою очередь, нерасторжимо опять-таки со словом «свобода»: «Прощай, свободная стихия...» Действительно, творчество — а поэтическое, кажется, более всего — и есть одно из величайших проявлений свободы человеческого духа. Это положение, думается, несомненно. Но... истинная поэзия вместе с тем и величайшая необходимость. Необходимость внутреннего духовного единства со своим народом. Вы помните, конечно, эти стихи Пушкина:

Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимн простой,
И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.

Истинная внутренняя свобода и неподкупность поэтического голоса дают право поэту быть не... свободным, но эхом... народа. А ведь эхо — отражение истинного голоса Творца — Народа. Думается, этот глубоко общественно-социальный поэтический образ «эха» у Пушкина не случайно взят из природы. Природа роднит мир человека с Целым Мира. Есть глубокая закономерность того, что в русском языке мир — община, общество, мир — невойна и Мир — вселенная — слова-близнецы. В меняющемся, «текущем», катастрофическом мире с его «относительностью» личных понятий, устоев, с его быстрой сменой эстетических и этических оценок Природа — живой образ Вечности и непреложности внеличностных, общенародных, общечеловеческих ценностей:

В заботах жизни многосложной,
В ее шумливой пустоте,

Далеко мысль о непреложной
Природы дивной красоте!

. . . .

Идут чредой бессчетной годы,
Один другим теснится век;
Сменились царства и народы,
Преобразился человек!..
А ты стоишь неизменимо,
Не увядаешь ты одна...

(**И. Аксаков**)

Истинная поэзия сродни этой воскрешающей силе вечной природы.

III

Итак, мы видим, что даже такому роду свободы творческого духа, как поэзия, присуще общее начало — соборность (слово, родственное понятиям: собрание, собирание), то есть такое качество, которое собирает все индивидуальные воли в единство и которое не только не поглощает и не подавляет свои составляющие, но только и дает им полную возможность предельного творческого волеизъявления.

Творческое начало, составляющее основу, ядро каждого из людей-творцов, проявляется в каждом из них личностно, индивидуально. Но формировалось оно тысячелетиями общенародной жизни, в том числе и в первую очередь в диалоге с природой. А этот общий — общественный — опыт передавался каждому из членов общины — общества.

«Природа для меня огонь, вода, ветер, камни, растения, животные — все это части разбитого единого существа. А человек в природе — это разум великого существа, накопляющего силу, чтобы собрать всю природу в единство» [1].

Каждая из великих и малых национальных культур несет в себе свое собирающее (соборное) творческое начало, которое в значительной мере и определяет духовно-творческое лицо народа, нации в целом. И не последнюю роль в формировании этого лица или «народной личности» (определение Ф. М. Достоевского) играют поэтические воззрения того или иного народа на природу. Они-то и вырабатывают национальную форму соборности — творческого духа, собирающего мир в Целое.

Все мы помним знаменитую «формулу» М. Горького: «Красота не в пустыне, а в душе араба». Однако это только одна сторона великого диалога человек — природа, диалога, формирующего как лицо человека, так и лицо природы, то есть в конечном счете определенный тип культуры. М. Пришвин писал, что «финская угрюмая природа определила душу карела и пустыня сделала араба, это пустыня через араба сказала нам свое слово» [2].

Вот перед нами стихи замечательного туркменского поэта XVIII века Махтумкули:

Древним горам степной грозит суховей,
Влагу ворует, душит поток песком.
Сад, где гремел неистовый соловей,
Вихрь обгложет, и станет цветок песком.

. . . .

Кто, Махтумкули, неуязвим у нас?
Чей истлевший прах мы оживим у нас?
Смерть наполнит рты ветром сухим у нас:
Все — песок. И всех засыплет песок песком.

---

[1] Незабудки, с. 24.
[2] Контекст-74. М., «Наука», 1975, с. 333.

Образ сухого песка, проходящий рефреном через все стихотворение («Станут бек и раб, плут и пророк — песком»; «Мышцы, кости и кровь — станут в срок песком») у Махтумкули, по существу, образ судьбы. Одна из составных природы, песок, здесь, в культуре, которую представляет собой туркменский поэт, не просто этнографическая деталь, но тот духовный, бытийный образ — символ, который собирает «всю природу в единство», который способен представлять мир как целое в логике и духе определенного типа культуры.

Дух и смысл русско-славянского образа мира уже по вполне понятным *природным* причинам не может быть осмыслен бытийно, вселенски через образ песка. Обратимся хотя бы к таким стихам Пушкина, как «Пророк», стихам, воплощающим духовное состояние мира, сосредоточенное в судьбе поэта-пророка. Здесь все та же сопричастность миру, все то же «личное» деяние перед лицом всего мира:

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился, —
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился..

Казалось бы, просто невероятно не ввести здесь образ *песка*: ведь «сюжет» отнесен в «пустыню». Но поэт даже и мельком, даже и «этнографически» не поминает о песке. Ибо для него важно найти прежде всего тот духовный центр, который бы связал воедино *его* образ мира. И таким центром становится *перепутье*, образ столь дорогой, столь много говорящий именно русскому сознанию. Здесь, на перепутье (вспомним образ русского богатыря на распутье), и происходит *деяние* — воплощенное поэтически как соединение «частного» (поэта) и вселенского (земного и небесного): «И внял я неба содроганье, И горний ангелов полет, И гад морских подводный ход, И дольней лозы прозябанье». Перед нами, конечно же, индивидуально-пушкинский образ. Но его духовная, собирающая мир в единство сила, по существу, та же, что и в народном образе: «Высота ль, высота ль поднебесная, глубота ль, глубота ль...»

Такие образы природы, как дорога (зимняя дорога, тройка, колокольчик под дугой...), береза, степь раздольная, «Волга-матушка», «желтеющая нива», «разливы рек»... — не случайно становятся в русской поэзии образами Родины, Руси, России в целом. Как не случайно в нашем языке *Природа* и *Родина* — слова одного *корня*. «Природа явилась нам как родина, и родина-мать обратилась в отечество» [1], — записывает в дневнике Пришвин. — Красота далеких стран непрочная, потому что всякая далекая страна рано или поздно должна выдержать испытание на близость. Потому истинную прочную красоту художник должен открывать в близком и повседневном» [2] (М. Пришвин).

Что, например, говорит африканцу или вьетнамцу «чета белеющих берез» (Лермонтов) — образ, столь близкий сердцу русского, для которого «береза, словно от милой матери письмо» (П. А. Вяземский)? Что навевает им этот «сон берез задумчивый и тихий» (Орешин)? «Экзотическое растение» вряд ли способно быть образом Родины, а значит, и мира в целом, как и для русского поэта — образ банановой пальмы или рисового поля. И только поняв душу и иного по типу сознания народа, обогатив себя проникновением в глубинные взаимосвязи, скажем, природного образа с духовно-поэтическим складом того или иного народного миросозерцания, мы способны воспринять и духовную глубину такого образа, формировавшего душу народа, и эту душу, воспринимающую через березу жизнь всего мира.

Именно в таком диалоге национальных культур и происходит истинное сближение, со-понимание, со-прикосновение наций, их взаимообогащение, без потери своего индивидуального лица.

Не сразу «душа пустыни» открывается, становится понятной и близкой национальным типам мышления с иной системой поэтического видения. Не сразу открывают тайну души своей и

[1] Незабудкин, с. 275.
[2] *Там же*, с. 130.

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной...
(Тютчев)

А «светит» в этой «скудной» для иноплеменного взора природе — душа народа. Но только через вершины творческого духа, через поэзию сокровенность «души пустынн» и духа «бедных селений» становится близкой и понятной, истинно всемирной. Нельзя любить Родину, не живя одной душой с «жизнью любимой березки»! Нельзя любить «весь мир», не имея Родины. Нельзя быть истинным поэтом вне этого чувства духовного родства со своей землей, со своим народом, с его миропониманием. Отсюда и такое чувство-сознание:

Опять она, родная сторона,
С ее зеленым, благодатным летом;
И вновь душа поэзии полна.
Да, только здесь могу я быть поэтом.
(Некрасов)

Быть русским поэтом значит быть эхом русской земли, своего народа: «Не небесам чужой отчизны. Я песни родине слагал» (Некрасов).

Отсюда и глубоко гражданский, а не пантеистический смысл такого, например, поэтического чувства природы:

Благословляю вас, леса,
Долины, горы, воды...
Благословляю я свободу
И голубые небеса...
(А. К. Толстой)

Логика общенародного мышления определяет лицо культуры, ее языка.

«Если когда-нибудь будет... едино стадо и един пастырь, то может быть... и все национальности сольются в одну человеческую семью; пусть так, но и для этой цели нужно, чтобы все национальности работали изо всех сил и чтобы каждая из них добывала из своих особенностей все лучшие соки, чтобы внести их в общую человеческую сокровищницу... А для этого нужно русскому — быть русским, а связывает нас с своею нацией больше всего — язык» [1], — писал почти сто лет назад И. А. Гончаров. Очень современные слова. Природа языка отвечает природе (духу и логике) народного сознания. «Язык» и «народ» у нас не случайно слова-синонимы.

Видимо, есть какая-то глубинная связь между природой поэзии, таланта и природой языка, связывающей талант поэта с гением его народа.

Мы знаем немало поэтических «завещаний» русских поэтов. Значительную роль играют в таких стихах образы природы. И это естественно: поэт «завещает» свой духовный опыт своему народу, он произносит свое «кредо» перед лицом всего мира.

Истинный поэт всегда осознает свою причастность вечной жизни мира и потому даже перед лицом смерти принимает жизнь и приветствует «звоном щита»:

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь...

[1] Русские писатели о литературном труде. Л., «Советский писатель», 1955, т. 3, с. 114.

Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процвесть и умереть...

В этом «завещании» нашего национального поэта, в присущей только ему, «есенинской» форме, воплощен и общий жизнеутверждающий дух народа-творца, дух бессмертия, дух созидания.

Отношение к природе, в том числе и поэтическое, — категория бытийная, мировоззренческая. Одному природа — мать, другому — мачеха, хотя и тот и другой рождаются и умирают в одной и той же природе, если смотреть на нее «объективно». Но как отдельный человек — личность, так и личность целого народа вырабатывают свое личностное же отношение и к жизни, и к смерти — и отсюда характер их общего воззрения на природу. «Природа любит пахаря, певца и охотника»[1], — писал Пришвин. В последнем я не убежден. Но пахаря и певца — несомненно. «Крупные русские писатели не пером пишут, а плугом пашут по бумаге, пробивая ее, вывертывая на белое черную землю»[2], — образ, который и мог возникнуть только в определенном типе культуры. Национальная культура русских певцов природы в основе своей до сих пор остается наследницей тысячелетних традиций пахарей-земледельцев. Оттого им и природа в целом — мать.

Русской поэзии органически присуще высокое чувство природы. И тогда, когда поэту вдруг открывается бездна, звезд полна:

Звездам числа нет, бездне дна...
(Ломоносов),

и когда он «поет» о белой березе под своим окном, — его «домашний» образ природы никогда не замкнут в чисто пейзажные рамки, потому что поэтическое сознание поэта продиктовано его духовным состоянием, в основе которого в той или иной форме всегда вселенское чувство природы — Родины.

«Космизм» такого поэтического мировосприятия, думается, в немалой степени обязан «космическим» же просторам нашей земли:

Бесконечная Россия
Словно вечность на земле!
(П. Вяземский)

Внутренний простор поэтического образа мира русской поэзии — эхо нашей национальной культуры, созданной тысячелетиями исторического бытия народа — творца, труженика, созидателя.

Поэтический сборник «Времена года» открывает перед читателем широкий простор русской лирической поэзии от Ломоносова до наших дней. В нем собраны стихи о природе в широком смысле этого слова. Россия — понятие не только социально-историческое, но и поэтическое, культурное, духовно-нравственное. Менялось ее лицо, изменялись быт, воззрения, взаимоотношения людей. Менялись поэтические приемы, но поэзия ее всегда оставалась поэзией высокого полета.

Безусловно, сборник не представляет только вершинные образцы русской поэзии природы. Не все стихи здесь равноценны. Его цель в другом: показать путь развития национального образа мира в стихах о природе на протяжении двух с половиной столетий. Если при этом любители поэзии углубят свои представления о логике и смысле такого развития, смогут ощутить единство духовного содержания поэзии, можно считать, что цель, поставленная перед сборником, достигнута.

---

[1] Избранные произведения в двух томах. М., «Художественная литература, 1972, т. 1, с. 394.
[2] Контекст-74, с. 344—345.

СПИСОК ПОЭТОВ
В АЛФАВИТНОМ ПОРЯДКЕ

И. С. Аксаков
И. Ф. Анненский
И. С. Анциферов
А. Н. Апухтин
Н. Н. Асеев
А. А. Ахматова
Е. А. Баратынский
К. Н. Батюшков
А. Е. Белый
В. Г. Бенедиктов
А. А. Блок
О. Ф. Берггольц
В. И. Богданов
В. Я. Брюсов
А. И. Будищев
И. А. Бунин
П. Д. Бутурлин
П. Н. Васильев
П. А. Вяземский
Ф. Н. Глинка
Н. И. Гнедич
А. А. Голенищев-Кутузов
А. С. Грибоедов
А. А. Григорьев
Д. П. Давыдов
А. А. Дельвиг
Г. Р. Державин
И. И. Дмитриев
С. А. Есенин
А. М. Жемчужников
Н. А. Заболоцкий
И. М. Ибрагимов
М. В. Исаковский
Н. М. Карамзин
Д. Б. Кедрин
И. И. Козлов
А. В. Кольцов
П. С. Комаров
А. А. Коринфский
Б. П. Корнилов
Б. А. Костров
М. Ю. Лермонтов
М. В. Ломоносов
А. И. Люкин
А. Н. Майков
Н. П. Майоров
В. В. Маяковский
Л. А. Мей
Н. Н. Макаров
А. Ф. Мерзляков
М. Л. Михайлов
С. Я. Надсон
А. И. Недогонов
Н. А. Некрасов
И. С. Никитин
Н. П. Огарев
А. И. Одоевский
М. И. Ожегов
П. В. Орешин
А. И. Островский
Б. Л. Пастернак
А. Н. Плещеев
А. И. Полежаев
Я. П. Полонский
А. Т. Прасолов
А. А. Прокофьев
А. С. Пушкин
В. Ф. Раевский
Н. М. Рубцов
Б. А. Ручьев
К. Ф. Рылеев
С. Ф. Рыскин
Д. Н. Садовников
И. В. Северянин
И. Л. Сельвинский
К. К. Случевский
Я. В. Смеляков
Н. С. Соколов
П. С. Соловьева
С. Н. Стромилов
Г. К. Суворов
И. З. Суриков
А. Т. Твардовский
А. К. Толстой
И. С. Тургенев
Ф. И. Тютчев
Н. Н. Ушаков
А. И. Фатьянов
А. М. Федоров
А. А. Фет
К. М. Фофанов
А. С. Хомяков
М. И. Цветаева
Д. Н. Цертелев
С. И. Чекмарев
О. Н. Чюмина
А. А. Шаховской
Д. П. Шестаков
П. Н. Шубин
Н. М. Языков
П. Ф. Якубович
А. Я. Яшин

СОДЕРЖАНИЕ

В81 **Времена года.** Родная природа в поэзии. Сост. Вад. Кузнецов. Худ. Ю. Ребров. Послесл. Ю. Селезнева. М., «Молодая гвардия», 1976.
256 с. с ил.

В сборнике стихотворений «Времена года» широко (от М. Ломоносова до наших дней) представлены лучшие стихотворения поэтов, посвященные природе нашей Отчизны.
Сборник иллюстрирован. Издание подарочное.

Р1+Р2

В $\frac{70402-260}{078(02)-76}$ 257—75

ВРЕМЕНА ГОДА
Редактор-составитель **Вад. Кузнецов**
Художник **Ю. Ребров**
Художественный редактор **А. Романова**
Технический редактор **Н. Носова**
Корректоры **Л. Четыркина, З. Харитонова**

Сдано в набор 7/V 1976 г. Подписано к печати 14/IX 1976 г. А07421. Формат 70Х108¹/₁₆. Бумага № 1. Печ. л. 16 (усл. 2,24). Уч.-изд. л. 14,4. Тираж 100 000 экз. Цена 1 р. 26 к. Т. П. 1975 г., № 257. Заказ 332.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.